

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ВГУ»)

На правах рукописи

ЖДАНОВА Татьяна Алексеевна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОРУДИЙ ТРУДА В
СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ НАРОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор **А.П. Бабушкин**

ВОРОНЕЖ - 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Теоретические основы исследования.....	11
1.1. Социальная память и предметная память как вид социальной памяти.....	11
1.2. Орудия труда в социальной памяти.....	15
1.3. Социальная память и картина мира	19
1.4. Предпосылки к анализу ментальных репрезентаций орудий труда с позиций когнитивного и языкового «картирования» окружающей действительности	23
1.5. Образы «орудийных» номинаций в сознании носителей языка.....	37
1.6. Лексикографические толкования как средство вербальной объективации ментальных репрезентаций орудий труда.....	41
1.7. Антропоморфный характер «картиночных» образов и образов действий орудий труда.....	44
1.8. Орудия труда в устойчивых выражениях языка.....	47
Выводы.....	52
Глава II. Репрезентация орудий труда в русском языке	55
2.1. «Картиночные» образы орудий труда и образы действий с ними, храняемые в денотативных значениях лексем русского языка.....	56
2.1.1. Орудия труда в русских словарных дефинициях.....	56
2.1.2. Стирание образов орудий труда из социальной памяти народа.....	63
2.1.3. Русские наименования орудий труда в контекстных реализациях.....	68
2.2. Коннотативные значения «орудийных» лексем, выявляющие их антропоцентрическую сущность.....	77
2.2.1. Образные переосмысления орудий труда в метафорах и сравнительных оборотах русского языка	78

2.2.2.Образные переосмысления орудий труда в русских загадках.....	98
Выводы.....	106
Глава III.Репрезентация орудий труда в английском языке.....	109
3.1. «Картиночные» образы орудий труда и образы действий с ними, хранимые в денотативных значениях лексем английского языка	110
3.1.1.Орудия труда в английских словарных дефинициях	110
3.1.2.Стирание образов орудий труда из социальной памяти народа.....	116
3.1.3.Английские наименования орудий труда в контекстных реализациях.....	119
3.2.Коннотативные значения «орудийных» лексем, выявляющие их антропоцентрическую сущность	130
3.2.1.Образные переосмысления орудий труда в метафорах и сравнительных оборотах английского языка	130
3.2.2.Образные переосмысления орудий труда в английских загадках.....	151
Выводы.....	156
Заключение.....	158
Библиография.....	162

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена анализу языковой репрезентации ментальных представлений об устройстве и образе действий простейших орудий труда как важного участка национальной концептосферы. Под орудиями труда мы понимаем различные инструменты и приспособления, при помощи которых производится работа.

Орудия труда играли и играют важнейшую роль в жизни социума. Этот факт нашел свое отражение в многочисленных исследованиях отечественных лингвистов. Номинации «орудийных» артефактов становились предметом анализа в рамках таких глобальных тем, как «Инструментальность» (С.Д. Кацнельсон, А.В. Бондарко, А.И. Фефилов, Г.А. Псарева, А.В. Кобцева), «Ремесло» (Ю.С. Степанов), «Труд», «Средство» (А.В. Бондарко), «Деятельность» (А.В. Кобцева). Большая часть исследований существительных, обозначающих «орудия труда», связана с изучением их семантических и формальных признаков. Интересующая нас лексика упоминалась в связи со следующими проблемами: «Сочетаемость» (Е.В. Рахилина), «Связь «орудийных» существительных и глаголов» (Э.А. Лазарева), «Словообразовательная парадигма «орудийных» имен» (Т.С. Шиканова, Н.А. Толстова). Приводились различные классификации наименований орудий труда по сферам применения последних и принципам их действия. Однако в изученной нами литературе когнитивные аспекты данного раздела словаря практически не разрабатывались. Более того, составляющие этого раздела не рассматривались с позиций социальной памяти.

Актуальность темы диссертационного сочинения заключается в исследовании лексических единиц «орудийной» тематики с платформы когнитивной лингвистики, науки, в центре которой находится язык как когнитивный инструмент в виде системы знаков, роль которых заключается в кодировании и в трансформировании информации (В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова). При высказывании различных мнений об этой научной

парадигме, когнитивный подход к языку и сегодня открывает новые горизонты лингвистических изысканий (В.А. Виноградов, А.Е. Кибрик, А.В. Кравченко).

При таком подходе возникает необходимость определения места «орудийных» концептов в картине мира, которые в нашей работе обозначаются термином «инсайты», поиска различных методов их выявления, то есть способов оязыковления соответствующих ментальных репрезентантов. С указанных выше позиций особый интерес вызывает рассмотрение метафор и образных сравнений, в которых задействованы названия различных орудий труда.

В качестве объекта исследования в диссертационной работе выступают номинации орудий труда и совершаемых с их помощью действий.

Предмет исследования – ментальные представления, репрезентируемые лексикой, называющей орудия труда.

Цель диссертационного сочинения заключается в выявлении специфики реализуемых в языке концептов - «инсайтов», в их историческом и современном формате.

В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи:

1. Доказать, что план содержания «орудийных» номинаций в их прямом и переносном значениях являются продуктами социальной памяти, а именно – памяти предметной.

2. На основе анализа лексикографических толкований выявить семантику лексем, номинирующих орудия труда, что дает возможность судить о специфике «инсайта» как особой структуры представления знаний.

3. Раскрыть зависимость полноты словарных определений орудий труда от простоты или сложности их конструкции.

4. Показать динамику изменений в лексикографическом описании орудий труда в зависимости от их востребованности обществом.

5. Продемонстрировать способность мысленного восполнения целостного образа орудия труда по одной из его вербализованных деталей.

6. Исследовать образные переосмысления, выявляющие антропоцентрическую сущность орудий труда.

7. Сравнить функционирование данной лексики в русском и английском языках.

Методологическую и теоретическую базу работы составляют труды отечественных и зарубежных ученых: Ю.Д. Апресяна, А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Г.А. Брутяна, В.Г. Гака, Ю.Н. Караулова, Г.А. Колшанского, О.А. Корнилова, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, А.А. Потебни, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.Н. Телии, В.Н. Топорова, Л. Витгенштейна, Э. Дюркгейма, С.Д. Кацнельсона, Дж. Лакоффа, Х. Патнэма, М. Хальбвакса и других отечественных и зарубежных авторов.

Материал исследования составили существительные русского языка, обозначающие орудия труда, и их английские аналоги. Лексические единицы были выделены способом сплошной выборки из толковых и двуязычных словарей. Проанализировано около 1000 примеров их употребления в произведениях русских и английских писателей, в материалах публицистического характера, фольклорных источниках, а также в Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) и в Британском национальном корпусе (<http://www.corpus.byu.edu>), [googl books \(books.google.ru\)](http://books.google.ru).

В процессе работы использовались следующие методы: метод анализа словарных дефиниций, методы контекстуального и сопоставительного анализа, метод корпусной лингвистики, метод интроспекции, методика количественных подсчетов.

Научная новизна работы обеспечивается тем, что в диссертации впервые:

1. Орудия труда рассматриваются как атрибуты социальной памяти – памяти о предметах окружающего нас мира, нашедшей своё выражение в единицах языковой системы.

2. В работе оговаривается ранее не отмеченное место «орудийных» концептов в концептосфере народа.

3. Монографическому исследованию подвергаются «инсайты» как практически не изученные с когнитивных позиций структуры представления знаний. Впервые указывается на то, что «инсайты» представляют собой синтез декларативных и процедурных видов знаний.

4. Прослеживаются способы и средства вербализации «инсайтов».

5. В научный оборот вводится понятие «обратной органопроекции» в виде возвращения «прямой органопроекции» на человека и его органы, нашедшей свое воплощение в языке.

6. На многочисленных примерах доказывается аналогичность анализа ментальных репрезентаций орудий труда в социальной памяти других народов (в частности, английского).

Теоретическая значимость исследования усматривается в многостороннем изучении ментальных репрезентаций предметов материального мира, хранимых в социальной памяти носителей языка. В работе обосновывается существование «инсайтов» как особых структур представления знаний. Показано, что в «инсайтах» интегрируются знания об устройстве орудий труда и принципов работы с ними. Для когнитивной лингвистики знаковым окажется осознание «орудийного» сегмента концептосферы народа, так как оно влечет за собой изучение предложенным методом ее других участков. Важным является доказательство динамики социальной памяти народа при лексикографических описаниях орудий труда в словарях разных лет. Необходимо особо отметить введение понятия «обратной органопроекции» орудий труда, которые противопоставляются их «прямой органопроекции». К теоретической значимости работы следует также отнести демонстрацию универсального характера способа выявления ментальных репрезентаций орудий труда на примере английского языка.

Практическая востребованность работы заключается в использовании ее результатов в разработках, связанных с понятиями «память», «социальная память» и «предметная память» с точки зрения когнитивной лингвистики. Результаты исследования найдут свое применение в процессе чтения лекций

по проблемам теории языка, когнитивно ориентированного языкознания, лексической семантики, прагматики и ряда других лингвистических дисциплин. Возможно их применение в написании дипломных и курсовых работ. Полученные результаты могут быть использованы в докладах и сообщениях на научных конференциях различных уровней.

Апробация работы. Основные положения диссертации и выводы, полученные в ходе исследования, обсуждались на Всероссийской конференции «Актуальные проблемы профессионального образования. Цели, задачи и перспективы развития» (апрель 2011г, март 2013г.); на Международной конференции «Синхрония и диахрония: современные парадигмы и современные концепции» (июнь 2012г.) в г. Воронеже; на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (октябрь 2012г.) в г. Тамбове; на научных сессиях Воронежского государственного университета (2013, 2014, 2015), а также на заседаниях кафедры иностранных языков и технологии перевода Воронежского государственного технического университета. Материалы диссертации отражены в 15 публикациях, 3 из которых размещены в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Знания о примитивных инструментах хранятся в социальной памяти народа, словарные обозначения этих инструментов объективируют реалии особой картины мира – «орудийной», которая наряду с другими используется для моделирования окружающей нас действительности.

2. Ментальные образы орудий труда представляют собой концепты особого рода, получивших в работе название «инсайтов», занимающих отдельный участок в системе концептуальных структур. «Инсайт» - структура, объясняющая, каким образом могут быть интегрированы декларативные знания (знания «что») и процедурные знания (знания «как»), которые формируют блок информации об устройстве и функционировании того или иного орудия труда. Словарные определения – один из видов объективации содержания «инсайтов».

3. Чем проще орудия труда, тем подробней их лексикографические толкования, что позволяет говорить о существовании обратно-пропорциональной зависимости между сложностью устройства и подробностью его словарного определения.

4. Образы орудий труда настолько четко представлены в сознании лингвокультурной общности, что достаточно вербализации одной детали для реконструкции целостного образа.

5. В предметной памяти языкового коллектива «стираются» некоторые детали устройства орудий труда, вышедших из употребления. Однако большинство продолжает жить в сознании языкового коллектива, и утрата деталей не влияет на их репрезентацию в целом.

6. Возникновение многих орудий труда объясняется явлением «органопроекции». В языке «органопроекция» выражается в метафорах и образных сравнениях. В свою очередь, есть метафоры и сравнения, рассматриваемые в качестве фактов «обратной органопроекции».

7. Успешное применение одного и того же метода к таким различным по грамматическому строю языкам, как русский и английский, представляется достаточным основанием для вывода об универсальности метода и его применимости ко всем остальным языкам.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, Теоретической главы, двух исследовательских глав, Заключения, Библиографии, Списка использованных словарей и их условных сокращений, Списка использованных интернет-ресурсов, Списка литературных источников исследования на русском и английском языках.

Во Введении обосновываются цели и задачи исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость работы, констатируются методы анализа, указываются источники исследования, определяются положения, выносимые на защиту. В первой главе диссертации рассматриваются теоретические основы исследования. Вторая глава посвящена анализу лексем, обозначающих орудия труда в их прямом и переносном значении на

материале русского языка, третья – прослеживает те же процессы на материале английского языка.

Заключение содержит основные итоги проведенной работы и намечает перспективы дальнейшего исследования.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Социальная память и предметная память как вид социальной памяти

«Как известно, когнитивная наука – это самостоятельная область знаний, которая занимается изучением приобретения, переработки и использования информации человеком» [КСКТ, 1997: 56]. Безусловно, наряду с другими познавательными процессами, она обращается и к памяти.

Память – это «сердце» нашего интеллектуального функционирования, сосредоточение того, что составляет личностный опыт человека и – одновременно – разделяемый им с другими людьми его времени, его поколения, его социального и возрастного статуса и т.п. коллективный опыт и картину мира этого коллектива [Кубрякова, 2004: 357].

Еще Платон, Аристотель и А. Августин указывали на взаимосвязь памяти, общества и времени, на необходимость сохранения жизненно важной информации. И личность, и общество не могут ограничиться только самостоятельным опытом. Каждое последующее поколение начинает свою жизнь, свое развитие с того, что воспроизводит, делает «своим» то, что было наработано его предшественниками. Происходит "подключение" обновленного сообщества людей к суммарным сведениям человечества, массиву разнообразных знаний, накопленных в ходе развития всей мировой культуры. Получив имеющиеся данные, социум интерпретирует их, дополняет, совершенствует и передает потомкам в процессе эволюции.

Приобретаемая информация хранится в социальной памяти людей, под которой традиционно понимается «совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом в целях сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению» [РСЭ].

Первой философской концепцией, рассматривающей проблему фиксирования и хранения социально значимой информации, была теория коллективных представлений Э. Дюркгейма, который, хотя и пользовался другой терминологией, но подразумевал наличие в обществе некоего коллективного «фонда воспоминаний», не исчезающих в процессе истории [Дюркгейм, 1995].

М. Хальбвакс в 1925 году вводит в обращение термин «коллективная», или «социальная, память» людей. В наиболее обобщенном виде ученый, в свою очередь, трактовал ее как суммарный опыт, пережитый людьми совместно, коллективные представления народа. Наличие социальной памяти обнаруживается в том, что в пределах одной и той же общности людей естественным образом воспроизводятся сходные воспоминания, касающиеся прошлого, приобретенные в процессе групповой деятельности [Хальбвакс, 2007].

Я. К. Ребане, начавший одним из первых в нашей стране в начале 60-х гг. XX в. исследования в этой области, интерпретирует социальную память как «накопленную в ходе социально-исторического развития информацию, зафиксированную в результатах практической и познавательной деятельности» [Ребане, 1980: 105-112].

Проблема социальной памяти затрагивалась философами Л.Н. Коганом, В.А. Коневым, Х. Ортега-и-Гассетом, А. Камю, Ж.-П. Сартром, К. Ясперсом. Э. Гуссерлем, П. Рикером. Исследование также проводилось как учеными-психологами (Г. Айзенк, К. Левин, Ж. Пиаже), так и культурологами (Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Э.А. Баллер, В.М. Межуев, М.П. Мчедлов, О.Т. Лойко и др.). Социальная память понималась как социальная преемственность и воспроизводство (В.Н. Копанев, В.Ж. Келле); изучались информационный и гносеологический аспекты явления (В.В. Зибен, Г.Н. Грязин, В.А. Колеватов, Я.К. Ребане). Понятие «социальная память» связывалось с различными сторонами опыта (Ю.А. Разинов, С.В. Соловьёва, В.Л. Лехциер) и т.д. Связь данного явления с повседневностью

анализировалась в работах А. Шюца, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Н. Лумана, П. Бергера и Т. Лукмана.

Все вышесказанное подтверждает, что не случайно среди видовых ответвлений термина «социальная память» различают так называемую «предметную память» - именно она связана с рутинной практикой человеческого бытия, именно с ее позиций трактуется, что предметы, заполняющие окружающий нас мир, помогающие этот мир сохранить и приумножить, отмечены печатью времени. Многие вещи, которыми пользуется человек, имеют свою историю, опережающую жизнь их современных пользователей на целые столетия, а иногда – и тысячелетия.

Не менее важно и другое: предметы, о которых идет речь, существуют в совокупности с неписанными инструкциями их использования. Это значит, что в социальной памяти содержатся сведения об их прикладном характере, о том, для чего эти предметы созданы, какова их утилитарная сущность.

Данная точка зрения подтверждается и мыслью Е.С. Кубряковой о том, что если память объектов (материальных сущностей) предполагает образец отдельной вещи, то память объекта в структуре деятельности предполагает уже некую схему обращения с ним [Кубрякова, 2004: 366].

Для понимания этого тезиса целесообразно обратиться к деятельностному подходу А. Бергсона и вводимому им понятию «двигательная», или «моторная» память. Дело в том, что мы живем среди множества предметов, сталкиваемся с ними в нашей ежедневной практике. Окружающие нас предметы знакомы нам, выражаясь словами поэта, «весомо, грубо, зримо». Каждый предмет, по мнению А. Бергсона, диктует манеру обращения с ним, всевозможные «сценарии» действий, комплексы воображаемых и практически реализуемых движений. Эти движения, повторяясь, переходят в состояние привычки и задают поведенческие установки, которые автоматически вызываются нашим восприятием вещей. Таким образом, использование прошлого опыта будет осуществляться в самом действии посредством непроизвольного включения соответствующего

обстоятельствам механизма. Из прошлого память аккумулирует разумно координированные движения в виде двигательной активности людей, представляющие собой накопленные в прошлом усилия (то, что понимается как визуально-предметная память).

Таким образом, прошлое, по мнению ученого, накапливается не только в виде образов предметов с их контуром, окраской и т.п., но и в виде двигательных механизмов, касающихся практических, технологических и профессиональных знаний. Роль человека при этом, отмечает ученый, состоит не в накоплении воспоминаний, но в выборе из них нужного, необходимого в данный момент. Наше сознание устраняет все те образы прошлого, которые не могут быть координированы с актуальным восприятием и образовывать с ним полезное целое [Бергсон, 1992: 205-210].

Воспоминания о прошлом не являются чем-то неизменным, раз и навсегда данным. Невозможно зафиксировать и запечатлеть весь накопленный жизненный опыт старших поколений в полном объеме, все события и эпизоды прошлого. Происходит их постоянное изменение в соответствии с новыми потребностями людей. Некоторые явления, также, как и устаревшие вещи, переходят в своего рода «пассивный запас» современной культуры, а затем грозят вовсе уйти в небытие. В связи с этим отмечается такой феномен, как «социальное забвение», то есть утрата тех или иных сведений о минувшем.

По замечанию М. Хальбвакса, память воспринимает из прошлого лишь то, что является жизненно важным, что поддерживается и продолжает жить в сознании той или иной группы [Хальбвакс, 1967: 168], то есть в голове человека остаются своего рода «следы» в виде знаний и опыта, которые передаются «по наследству». Каждое новое поколение постоянно находится перед выбором: что из «наследия отцов», утратившего свою непосредственную практическую ценность, необходимо удерживать в памяти, и что из сохраненного можно использовать [Илизаров, 1995: 520–522].

1. 2. Орудия труда в социальной памяти

Уточним, что уже в предшествующем разделе под упомянутыми нами предметами и явлениями мы, прежде всего, имели ввиду орудия труда. Вся история орудий труда со времен их изготовления вписана в социальную память человечества.

В течение долгого времени, когда человек изобретал различные инструменты и приспособления и учился их использовать, способ его адаптации к проявлениям внешнего мира претерпевал значительные изменения. Человек больше не должен был набрасываться на добычу, чтобы добыть пропитание. Он не разделял навыки использования собственных ногтей и зубов, чтобы лучше управляться с окружающей средой, так как принимал для этого непрямые способы действия. Он использовал инструменты, изобретенные им самим, унаследованные от предков или заимствованные у соседа [Коул, 1997: 132].

Именно орудия труда ослабили действие естественного отбора. Перед животными открыт лишь один путь в борьбе за существование – совершенствование природных органов жизнедеятельности. Изготовление и применение людьми простейших приспособлений, облегчавших эту борьбу, выделили их из «царства природы», ослабили зависимость от среды обитания.

Трудно с какой-либо точностью датировать время, когда первобытный человек заострил камень – прототип ножа как полезного предмета для охоты и приготовления пищи. Гораздо позднее он стал обрабатывать землю – для этих и других целей появлялись все новые и новые средства. В процессе труда люди объединялись, что порождало необходимость общения и вело к возникновению речи как способа общения [Энгельс 1934, Т. 20, с.487-490].

Конечно, орудия труда (как, впрочем, и всякие артефакты) являются материально-осознаваемыми предметами, хотя бесспорно и то, что их моделирование – продукт человеческого разума, то есть их материальность –

это воплощение в жизнь идеального. Еще Ф. Энгельс отмечал, что и животное может что-то построить, соорудить, но у человека это построение создается, прежде всего, в голове. Орудия труда были задуманы до того, как приняли соответствующую форму. Изготовление самого простого приспособления неизбежно требует представления его формы и функций. Действия по созданию орудий труда должны планироваться в определенном порядке. Они осознаются и запоминаются для повторных изготовлений [Энгельс, 1934, Т.20, с.486-498], выстраивая в коллективной памяти народа «галерею» образов орудий труда, а также образов их действий.

Шаг за шагом прослеживая формирование материальной культуры народа, нельзя пройти мимо того момента, что создателей «орудийных» артефактов и их потомков – пользователей разделяли целые эпохи. Сами по себе орудия труда, оказавшись незаменимыми в хозяйстве, воспринимались как нечто данное, а вот ответы на вопрос, откуда они взялись, порой диктовались уровнем исторического сознания социума.

Являясь непосредственными творцами орудий труда, передавая опыт владения ими из поколения в поколение на протяжении тысячелетий, человек со временем уступил свои приоритеты в этом плане «силам свыше» (что было вполне естественно в период поклонения наших далеких предков божественным существам). Согласно их верованиям, Бог дал Адаму плуг, Бог Сварог бросил на землю кузнечные клещи. Божественные кузнецы одаривали земледельцев молотками и серпами, могли выковать меч [МС: 1990].

Материалом отдельного исследования могли бы стать мифологические представления, выявляемые в результате символических «прочтений» имен простейших орудий труда. Исследования свидетельствуют о том, что на заре цивилизации люди думали, будто в «теле» того или иного орудия живут духи, помогающие им в работе или препятствующие ей. Считалось, что без приношений или уговоров-заговоров орудие вырвется из-под власти человека и повернется против него. В этом смысле в древнем мире техника

совпадала с магией [Климов, Носкова, 1992: 12-20]. Например, топор наряду с другими острыми железными предметами (ножом, серпом, косой, бороной) служил в качестве оберега от нечистой силы и болезней. Веретено ассоциировалось с процессом прядения, по ходу которого жизнь и смерть наматывают на стержень этого деревянного приспособления нити человеческих жизней; коса как символ связывалась с идеей изобилия и окончанием периода плодоношения, одновременно. Будучи задействованной в период жатвы, она, по мнению древних, несла неминуемую гибель (скошенный ее острым лезвием злак уже не представлялся «живым организмом», но, вместе с тем, он получал иную форму своего существования); в молоте – символе ремесла – слышался удар грома и виделось сверкание молнии, он так же рассматривался, с одной стороны, в роли созидателя, с другой, разрушителя. Известны случаи отношения к орудиям труда как антропоморфным объектам. В вилах видели женское начало, а в лопате – мужское. [СС: 2010].

Таким образом, даже небольшой экскурс в историю освоения орудий труда, их совершенствования и дальнейшей сакрализации приоткрывает интересные страницы былых воззрений людей на окружающий их мир и предметы этого мира.

Не нуждается в доказательстве тот тезис, что время перелистнуло страницы первобытной истории, в которой важную роль играли орудия труда в их мифологическом «ореоле». Постепенно память об «орудийных» артефактах освободилась от их сакральных мотивов.

В сознании человечества стала формироваться история иного рода. Орудия труда уже рассматривались не просто как средство удовлетворения практических потребностей человека, но и как один из способов хранения социально значимых сведений, хотя они и были изначально созданы для выполнения практических работ, в то время не задумывались о том, что они превратятся в средство передачи знаний.

Орудия труда, по мнению ряда ученых, несут в себе информацию о примитивных средствах производства, существовавших ранее, они - воплощение технологических знаний, некогда создававших их людей. А. Н. Леонтьев в этой связи говорит об историческом наследовании способностей к практической деятельности [Леонтьев, 1996]. Как уже указывалось выше, люди получают от своих предков не только сами вещи, но и передаваемые вместе с ними из поколения в поколение жизненно важные сведения о совокупности действий, необходимых для обращения с этими вещами, в том числе умения, трудовые навыки, способствующие производству материальных ценностей.

Имеется также точка зрения, согласно которой орудия производства выделяются в качестве отдельной группы носителей социальной памяти [Ребане, 1982: 47]. Заложена в работах Я.К. Ребане концепция была развита в монографии В.А. Колеватова, рассматривавшего социальную память как теоретически обобщенный коллективный образ человечества, указавшего на то, что орудия труда и технологии материального производства должны пониматься как средства, которые влияют на содержание и форму процессов мышления и познания [Колеватов, 1984].

Интересна мысль о том, что в процессе своего развития и совершенствования артефакты как элементы культуры не изолированы от реализаций предшествующего опыта по их созданию – они могут быть представлены как индексы, соотносимые с теми или иными моделями культуры. В культуре техника живет не столько по «законам нужды и необходимости», сколько по логике существования идей, культурных форм сознания, смысловых представлений о мире (картине мира) [Философия техники 1997: 10-37]. Учение о технике – это учение о человеке, но представленное через «призму техники» [Игнатьева, 1992: 11-12], пусть эта техника в нашем случае проста по своему устройству.

1.3. Социальная память и картина мира

Фиксируемые языком образы орудий труда, к анализу которых мы обращаемся в настоящей работе, следует рассматривать в качестве составных элементов совокупности знаний о мире, свода того предметного содержания, которым обладает сознание человека [КФЭ, 1994: 201].

На основании накопленных и переданных сведений об имеющихся достижениях, хранящихся в социальной памяти, выстраивается представление людей о мире, о его закономерностях развития. Информация, сохраненная в социальной памяти, является во многом информацией о картине мира.

С течением времени, на различных этапах культурно-исторического развития существенно меняется объем знаний, само производство материальных ценностей, вследствие чего разнятся и картины мира. Формируясь в конкретных исторических условиях, со временем меняясь, картина мира отражает определенный исторический период. Поэтому можно говорить о том, что картина мира - это образ как реальности настоящего, так и составная часть образа реальности прошлого.

Учитывая этот факт, считаем целесообразным рассмотреть, хотя бы в общих чертах, содержание понятия «картина мира» (в общих чертах, потому что в последнее десятилетие оно выступает в качестве предмета особого внимания лингвистов, как в нашей стране, так и за рубежом). Хотя работы крупных и малых форм, посвященные данной теме, практически не поддаются исчислению, мы попытаемся найти в ней собственную «нишу».

Термин «картина мира» был предложен австрийским философом и логиком Л. Витгенштейном еще в 1921 году, определившим эту «картину» как воплощение «духа народа», «модель реальности», которая может отражаться разными способами [Витгенштейн, 2005: 44-45]. В первоначально возникшем термине прослеживалась идея единства воспринимаемого мира,

выявлялась тенденция к системной организации и синтезу накопленной о нем информации.

В последующих толкованиях весь объем знаний человека об окружающей его действительности воплощается в целостный, глобальный образ мира, который следует рассматривать как результат всей духовной активности человека, образ, возникающий в ходе всех его контактов с внешней средой. Познавая мир, человек формирует свое представление о нем, то есть в его голове и возникает та самая «модель реальности», которую можно квалифицировать как «картину» [Серебренников, 1988: 31-24]. (См. также: Колшанский 1990, Яковлева 1994, Попова, Стернин 2001, 2004, 2007, Корнилов 2002 и др.).

Вместе с тем, хотя картина мира есть его целостный образ, она воспринимается человеком фрагментарно в зависимости от того способа, общего метода, которым была получена. В этом смысле картина одной и той же действительности способна выступать в разных видах: она может быть рациональной и чувственной; диалектической и метафизической; материалистической и идеалистической; теоретической и эмпирической, и т. д. [Попова, Стернин, 2007: 51], то есть во многом зависит от качественно различных интерпретаций, определяемых убеждениями воспринимающих ее людей.

С другой стороны, уже не интерпретации, не метод, не убеждения, а углубляющееся разделение труда, обособление знаний и выделение различных самостоятельно существующих научных дисциплин приводят к формированию «физической картины мира», «химической картины мира», «картины биологической природы», «картины животного мира», «картины психической жизни человека», «художественной картины мира» и ряда других [Колшанский, 1990: 20].

Совокупность всех этих картин выстраивает глобальную научную картину мира. Однако не следует забывать, что в основе научного опыта

нередко лежит опыт житейский. Научная картина мира сосуществует с так называемой «наивной», или обыденной, картиной мира.

Последняя являет собой систему представлений, используемых человеком независимо от его владения научной картиной мира в разных ее ипостасях [Эйнштейн, 1967: 136]. Она включает и народную мудрость, накопленную с давних времен, и житейские нормы и традиции, складываясь главным образом «как ответ на практические потребности человека» [Маслова, 2001: 68].

Научная и обыденная картины различаются по степени своей содержательности, глубине и проработанности отдельных деталей в сознании рядового носителя языка. У картины могут быть затуманены некоторые ее части вследствие непроницаемости отдельных фрагментов для воспринимающих их субъектов. Одни картины - с большим ракурсом охвата действительности, другие – с меньшим, поскольку мировидение, в актах которого они зарождаются, обладает различной широтой (имеет или суженный угол зрения, или проявляет особое "боковое" зрение) [Гречко, 2003: 55].

Данное «мировидение» - это исторически обусловленный феномен, в своем содержании оно зависит от достигнутого к тому или иному историческому этапу уровня познания» [Попова, Стернин, 2007: 51]. И все же наиболее полная информация аккумулируется относительно так называемых базовых объектов, и именно она ответственна за формирование того, что называется корпусом базовых знаний [Lakoff, 1987: 297-301].

Ведь никто не утверждает, что базовые знания человечества носят исключительно научный характер. Такая трактовка этого понятия опровергается самой жизнью. На фоне видения окружающей нас действительности с научных позиций понимания законов бытия нельзя умалять роль тех фрагментов картины мира, которые возникают и существуют на основе непосредственного повседневного опыта людей, чувственного отражения их практической жизни, ближайших интересов,

которые четко и со множеством деталей «прорисовываются» в сознании. «Ближний» мир людей, то есть мир, который совпадает со сферой их повседневной деятельности, характеризуется максимальной разработанностью. «Подобная установка может быть следствием не сильной мотивации, эмоциональной или личностной установки, а гораздо менее драматичных факторов, таких, как частота или привычность появления объекта в опыте наблюдателя» [Олпорт, 2001: 132].

Переходя к другому разделу работы, однако тесно связанному с данным, еще раз подчеркнем важность анализа картины мира, целостного образа окружающей нас действительности путем реконструкции ее отдельных фрагментов, изучению особенностей которых посвящены исследования Ю. Д. Апресяна, Г.А. Брутяна, А. Вежбицкой, В. Г. Гака, Г.Д. Гачева, А.А. Зализняк, В.Б. Касевича, Г.В. Колшанского, О.А. Корнилова, А.В. Кравченко, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, В.К. Постоваловой, Б.А. Серебренникова, И.А. Стернина, В.Н. Телия, В.Н. Топорова, А. А.Уфимцевой, А.Д. Шмелева, Е. С. Яковлевой. Свой вклад в решение этой проблемы внесли и западные ученые: N. Chomsky, R.S. Jackendoff, A. Paivio, L. Weisgerber и многие другие.

Таким образом, как показывает даже краткий экскурс в данную проблему, «картина мира» - это результат познания всего того, что окружает нас, своеобразное «зеркало действительности» во всем ее многообразии, включая и научную ее интерпретацию, что, конечно, представляет собой объект отдельного анализа.

Среди множества «тематических» картин мы выделяем так называемую «орудийную». Она содержит представления о простейших орудиях, занимающих отдельное место в сознании людей, включая сведения об их конструктивном устройстве, а так же о целях и способах применения, которые накапливались у людей из поколения в поколение, выступая в качестве атрибутов социальной памяти народа.

1.4. Предпосылки к анализу ментальных репрезентаций орудий труда с позиций когнитивного и языкового «картирования» окружающей действительности

Изучением картины мира наряду с традиционным языкознанием занимается когнитивная лингвистика, направление, развивающее исследование разума, мышления, а также процессы и состояния, с которыми они связаны [КСКТ, 1997: 58]. Сегодня существуют разные взгляды на когнитивную лингвистику, особенно на издержки увлечения этим направлением в угоду устоявшейся моде, однако отзывы о новейших разработках, посвященных изучению взаимосвязи языка и мысли, реализующих когнитивный подход к этой проблеме [Кибрик, 2015], позволяют и далее идти по пути, проложенном нашими предшественниками.

В рамках этого направления принято говорить о когнитивной картине мира [Касевич, 2013: 37], вобравшей в себя многие уже отмеченные характеристики модели мира в нашем сознании, всегда по сути своей когнитивной, и, следовательно, нашедшей для себя формулировку, в наилучшем виде отражающую ее природу. Хотя следует отдельно подчеркнуть, что когнитивная картина мира – это не просто «слепок» сознания, а «матрица» всех накопленных знаний о мире, в котором мы живем.

Формирующим звеном когнитивной модели мира является концепт, понятие изначально важное для проводимого нами исследования и возникающее «в результате своеобразного членения картины мира на некие микромиры» [Степанов, 1997: 40]. Изучение концептов считается одним из актуальных научных направлений, о чем свидетельствуют теоретические работы видных ученых (Алефиренко 2002, 2010; Бабушкин 1997; Болдырев 2001, 2009; Воркачев 2003; Залевская 2001; Кубрякова 1994, 1997, 2004; Карасик 2002, 2005, 2009; Лихачев 1993; Маслова В.А. 2011; Попова,

Стернин 2002, 2007, 2010; Слышкин 2000, 2004; Степанов 1997; Телия 1996 и др.).

Сегодня термин «концепт» настолько известен и широко употребим, что нет необходимости представлять его как некое нововведение. Тем не менее, на отдельных моментах, связанных с термином «концепт», объясняющих его возникновение и определяющих его сущность, придется хотя бы кратко остановиться.

Концепт, которым оперирует среднестатистический человек, - это понятие с «размытыми краями» в отличие от классически интерпретируемого понятия как мыслительного конструкта с четко ограниченными объемом и содержанием. Он стал объектом научных изысканий тогда, когда оказалось, что в процессе мышления человек оперирует логикой с нечеткой истинностью, нечеткими связями и нечеткими правилами вывода [Заде, 1974: 8]. Идею, заложенную С.А. Аскольдовым в статье «Концепт и слово», развил выдающийся русский ученый Д.С. Лихачев, увидевший в концепте способность заменять в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [Лихачев, 1993: 3-9].

Уже в современную эпоху о концепте стали говорить как об информационной структуре (совершенно не случайно, его активное употребление совпало с информационным «бумом», вызванным внедрением в нашу жизнь электронно-вычислительной техники).

По общепризнанной дефиниции Е.С. Кубряковой, концепт – это квант структурированного знания [КСКТ, 1997: 90]. Исследование этих единиц помогает понять, почему окружающая человека действительность осмысливается им именно так, а не иначе.

«Концепты не являются однородными сущностями, поскольку «кусочки действительности», которые они отражают, не одинаковы по своей природе. Факт разнохарактерности последних рефлексировается концептами разных типов» [Бабушкин, 1996: 95].

Безусловно, то, что исследование разновидностей структур

представления знаний инициировали западные когнитологи – именно благодаря их работам в отечественную когнитивистику шагнули такие термины, как «гештальты», «фреймы» и «скрипты», однако эти сущности рассматривались либо с платформы когнитивной психологии с ее многочисленными опытными данными, либо изучались как конструктивные элементы искусственного интеллекта, моделируемого с помощью электронно-вычислительных машин.

А.П. Бабушкин связал форматы известных структур репрезентации знаний с семантикой обозначающих их слов, то есть подошел к решению когнитивных проблем с чисто лингвистических позиций, основываясь на характерных особенностях семного состава семантемы соответствующих лексем [Бабушкин, 1996: 30]. В рамках его известной типологии выделяются следующие концепты: «мыслительные картинки» за формирование которых ответственны образные семы (береза – лиственное дерево с более или менее широко раскинутой кроной, с листьями, обычно зубчатыми по краям, с серебристо-белой корой). Концепты - «схемы» реализуются в пространственных (объемных и контурных) семах (дерево – многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующие крону). Архисема, объединяющая несколько лексико-грамматических групп, актуализирует концепт - «фрейм» (лес – большое пространство земли, покрытое растущими деревьями). Семы развития движения, динамики способствуют выявлению концептов - «сценариев» (пикник – увеселительная поездка за город большой компанией с закуской и выпивкой на лоне природы) [Бабушкин, 1996: 96].

Для нас особый интерес представляют «мыслительные картинки», формируемые образными семами, и «сценарии», объективируемые семами действия и движения, развития событий. Синтез мыслительной картинки и сопряженного с ней сценария представляет собой выделяемый А.П. Бабушкиным не рассматриваемый ранее тип концептов «инсайт».

Известно, что традиционно понятие «инсайт» трактуется в других научных дисциплинах по-своему, хотя оно также используется для характеристики человеческого мышления. В философии «инсайт» определяется как внезапное понимание, озарение, постижение проблемы [Краткая философская энциклопедия 1994: 180]. Схоже применение термина в психологии - внезапное и невыводимое из прошлого опыта понимание существенных отношений и структуры ситуации в целом, посредством которого достигается осмысленное решение проблемы [Психологический словарь, 1990: 139]. Понимание «инсайта» как внезапного усмотрения сути ситуации можно встретить в лингвистических работах [Воробьева, 2009: 264].

Если, в свою очередь, обратиться к англоязычным словарям, (например, к весьма популярному Collins Cobuild English Language Dictionary: Collins – London 2nd Glasgo), то «insight» переводится как точное и глубокое понимание чего-то (accurate and deep understanding). Именно в этом ключе А.П. Бабушкин воспринимает данное слово, усматривая в «инсайте» «упакованную» в слове информацию о конструкции, внутреннем устройстве или функциональной предназначенности предмета, в том числе и «орудийного». Ученый ставит акцент на том, что «инсайтовую» характеристику заключают в себе концепты наиболее примитивных по своей организации денотатов, особенности устройства которых известны любому человеку с раннего детства и, в общем-то, не нуждаются в подробном толковании. Пример «инсайта» - ножницы (инструмент для резания, состоящий из двух лезвий с кольцеобразными ручками, соединенные посередине винтом) [Бабушкин, 1996: 57-58].

На первый взгляд, возникает некое противоречие между значением слова «инсайт» (insight) – проникновение в суть дела, предполагающее нацеливание разума на познание чего-либо чрезвычайно сложного, с одной стороны, а с другой – примитивного по своему устройству предмета, на который направлена мысль. Тем не менее, мы решили воспользоваться

именно этим термином, поскольку он вошел в часто цитируемую работу А.П. Бабушкина и не вызвал каких-либо возражений со стороны научной общественности.

Конкретизируя вышесказанное, уточним еще раз, что под термином «инсайт» ученый мыслит комплекс знаний, фиксирующих в своем единстве «картиночные» (внешние) и функциональные характеристики рукотворного предмета, проникновение в его дизайн и принцип действий.

На уровне когнитивных структур речь может идти об особых мыслительных конструктах, занимающих свою позицию среди концептов, дифференцируемых по их типу. Трактовка нового типа концепта «инсайта» согласуется с тем фактом, что в теории информации, кибернетике, компьютерной лингвистике, эпистимологии и когнитивной психологии принято выделять два вида знания: декларативное (знание «что») и процедурное (знание «как»).

Так, например, мы способны дать детальное описание конструкции велосипеда: велосипед имеет цепь, которая передает колесам силу, оказываемую на педали (это вид декларативного знания). С другой стороны, имеются знания о технике вождения велосипеда: кручение педалей, характер посадки в седле во время движения машины (вид процедурного знания). Важно, что эти два вида знания взаимосвязаны, хотя каждый из них по-своему специфичен [Blackwell, 1994: 93].

С нашей точки зрения, «инсайт» - как раз такая структура, которая объясняет, каким образом декларативные и процедурные знания могут быть интегрированы. В дальнейшем, по ходу работы, именно о репрезентации декларативных и процедурных знаний мы будем вести речь, говоря о «картиночный» образах и «образах действий», которыми орудия труда проецируются в сознании носителей языка. Концепт «инсайт» займет ведущее место в исследовательских главах нашей работы, когда мы обратимся к анализу «орудийных» номинаций.

Выявив специфику концепта-инсайта, еще раз вернемся к разговору о концепте как о родовом понятии, поскольку следующая ниже информация о структурах представления знаний важна для более глубокого понимания концептов всех других типов, а не только «инсайта», и особенно – понимания их характера в сознании как отдельно взятого человека, так и коллектива людей в целом.

Концепт являет собой результат взаимодействия человека с окружающим миром, отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного, профессионального и социального опыта [Лихачев, 1993]. «Что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом. Концепт - это обобщение человеческого опыта» [Рахилина, 2000: 7].

Опыт различается по значимости в жизни человека, следовательно, и концепты не одинаковы по их ценностному фактору. В связи с этим А. Вежбицкая предлагает разграничивать «концепт-минимум» и «концепт-максимум» (по мере их «простоты» или «сложности»). Концепт-минимум – это неполное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка, для которого соответствующая реальия известна, но является как бы периферийной для жизненной практики. Концепт-максимум – это полное владение смыслом слова [Цит. по Фрумкина, 2003: 50]. Это разделение концептов основывается также на существовании двух форматов знаний по степени их сложности (концептуально-простых и концептуально-сложных) [Болдырев, 2009: 26-29].

Предложенное А. Вежбицкой и А. Болдыревым разграничение перекликается с воззрениями А.А. Потебни, и в этой дихотомии прослеживается законное желание поставить его известное суждение о «ближайшем» и «дальнейшем» значении слова на службу когнитивного подхода.

С ближайшим значением люди имеют дело в повседневном общении, оно «народно». Ближайшее значение языковой единицы соотносится с тем

содержательным минимумом, который должен быть известен любому носителю данной культуры. Дальнейшее значение, в свою очередь, «обрастает» множеством дополнительных признаков. Это научное, либо личностно - специфическое расширение и уточнение содержания, связанного с определяемым объектом, являющееся релевантным для специалистов [Потебня, 1958: 19]. Конечно, «нельзя более или менее представлять круг или треугольник: мы или имеем их верный образ, или не имеем; тем не менее, они становятся яснее, когда с увеличением наших геометрических познаний, вместе с этими фигурами припоминаются и их многочисленные и важные отношения» [Потебня, 1993: 81].

«Ближайшие» и «дальнейшие» значения А.А. Потебни сопоставимы с «формальными» и «содержательными» понятиями, по терминологии С.Д. Кацнельсона. Формальным понятием ученый называет тот минимум наиболее общих и в то же время характерных отличительных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета. В формальном понятии подытоживается главное из того, что нужно знать о предмете, но именно поэтому всякий новый шаг в его познании выходит за уже очерченные пределы такого понятия.

Содержательное понятие идет дальше формального и охватывает все новые стороны предмета, его свойства и связи с другими объектами. Они хранятся в свернутом виде, и без надобности к ним не обращаются. Если в одном случае понятие вызывает в сознании все общие черты и признаки предмета, исчерпывающие его содержание, то в другом оно только предполагается, но мысленно не воспроизводится. Наше знание о предмете может исчерпываться лишь формальным понятием о нем, т.е. знанием соответствующего слова и его значения. Что, например, знает обычно неспециалист об астероидах или о револьверных станках? [Кацнельсон, 1965:18-25].

Прежде чем продолжить рассуждения на заданную тему, необходимо сделать некоторые оговорки. В связи с изложенным выше, нельзя обойти

стороной вопрос о том, как соотносятся понятие и значение языкового знака с ментальной сущностью, называемой концептом. Находясь на стыке традиционного языкознания и его когнитивного направления, невольно сталкиваешься с терминологическими трудностями. Ученые, работавшие до наступления когнитивной революции по всем фронтам науки, пользовались терминами «понятие» и «значение», решая сложнейшие проблемы соотношения языка и мышления, тогда как в современном языкознании принято говорить о концептах.

Значение и концепт имеют общие характеристики, в равной мере представляя собой отражение действительности. Оба эти феномена имеют когнитивную природу, оба они должны рассматриваться как результат отражения и познания действительности сознанием человека [Попова, Стернин, 2007: 92].

«Когнитивные признаки, образующие содержание концепта, - пишут З.Д. Попова и И.А. Стернин, - отражают определенные стороны реальной действительности. Значение слова, семема, также имеет когнитивный характер – оно состоит из сем, репрезентирующих, представляющих в речи отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта [там же].

Одновременно существуют различия между значением и концептом, главным из которых является то, что они – продукты деятельности разных видов сознания: концепт – это атрибут когнитивного сознания человека, а значение – языкового сознания, таким образом, значение по отношению к концепту соотносится как его часть [Попова, Стернин, 2007: 92-93].

Словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой толкует «понятие» не только с позиций формальной логики, но и отмечает, что это – представление, сведение о чем-нибудь (а от себя добавим – сведения, заключенные в «ближайшем» значении слова, или в другой интерпретации – в «формальном понятии»). «Не следует думать, - пишет А.П. Бабушкин, что

когнитивная наука полностью открещается от понятия «понятие» [Бабушкин, 1996: 19].

Так что, считаем мы, отмеченные терминологические расхождения не столь драматичны. Здесь все зависит от точки зрения, с которой предмет рассматривается в данной конкретной ситуации.

Отмечая встречающийся переход в приводимых нами рассуждениях разных авторов от термина «значение» к термину «понятие», еще раз подчеркнем заложенную в них идею: «житейские» понятия приближены к общеупотребительному значению слов, которые они обозначают. Л.В. Щерба, связывая значение слова с житейским, обыденным понятием, противопоставляемым научному, говорит о том, что «не надо навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые – главное и решающее – не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения» [Щерба, 1974: 294].

Если экстраполировать идеи ближайшего и дальнейшего значения слова (формального и содержательного понятий, концепта-минимума и концепта-максимума) на мыслительные конструкты, которые стоят за номинациями простейших орудий труда, то можно прийти к любопытному выводу: эти мыслительные сущности суть не что иное, как факт гибридизации двух указанных выше и на первый взгляд противоречащих друг другу форм познания. С одной стороны, они – в присущих им формате «понятны» практически всем носителям языка (независимо от того, пользуются они этими артефактами или нет), потому что данные предметы – элементарны по заложенному в них конструктивному замыслу, а с другой, знания, заключенные в значениях слов, которые обозначают те или иные простейшие орудия труда, - это тот максимум, который они в конечном итоге имплицитно имеют.

Авторы «Когнитивной лингвистики» З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что именно дальнейшее значение слова гораздо ближе к концепту, чем ближайшее [Попова, Стернин, 2007: 94], что дает право объявить

наиболее близкими к концепту все другие виды «дальнейших» значений, которые были перечислены в концепциях ученых, придавших этим значениям свою трактовку.

И все же, с нашей точки зрения, разграничение концепта-минимума и концепта-максимума не зависит от сложности стоящих за ними предметов материального мира. В сознании одного человека слово «циклотрон» может объективировать концепт-минимум, а в сознании другого слово «серп» - концепт-максимум (он может владеть информацией об истории возникновения этого орудия, его устройстве, качестве материалов, необходимых для его изготовления, способе применения, своеобразной «технике безопасности» в процессе работы с этим инструментом).

В контексте нашей работы можно утверждать, что информация, несомая «орудийными» артефактами, сужена до минимума, а с другой, знания, заключенные в значениях слов, которые обозначают те или иные простейшие орудия труда, - это максимум, в конечном итоге ими имплицитный.

Для нас так же интересна мысль В.А. Гречко, связывающего различную глубину отражения сущности обозначаемого с историческим периодом. По его мнению, соотношение «ближайших» и «дальнейших» значений слов будет отличаться в различные периоды времени. «Поэтому содержание и смыслы одних и тех же слов и выражений в разные исторические эпохи развития общества не могут быть совершенно тождественными.... И сравнивая тождественные по обозначаемому классу предметов слова, входящие в разные временные пласты, мы улавливаем их общую семантику только определенного уровня, но не в полном ее объеме. Здесь и обнаруживается роль сознания общества и человека» [Гречко, 2003: 147].

Наиболее значимые, понятные для наивного сознания концепты рассматриваются «сквозь призму быта носителей языка» [Воркачев, 2001: 70-71]. Их содержание схоже как в сознании рядового человека, так и специалиста. Именно они становятся объектом лингвистического рассмотрения.

Совокупность всех существующих концептов выстраивает концептосферу народа (термин Д.С. Лихачева, созданный по аналогии с терминами «биосфера» и «ноосфера» В.И. Вернадского [КФЭ, 1994: 65]), понятие концептосферы является важным для понимания его связи с когнитивной и языковой картинами мира.

В заключение еще раз подчеркнем, что когнитивная картина мира, присущая сознанию коллективного сообщества людей, и есть продукт социальной памяти, а способность удерживать эту картину – функция социальной памяти.

Если концептосфера выступает в качестве информационной базы картины мира, обеспечивая ее упорядоченность, структурированность и системность [Попова, Стернин, 2007: 52], то языковая картина мира – это результаты познавательной деятельности людей, закрепленные в языке.

Создаваемая человеком модель мира конструируется, прежде всего, с использованием языковых средств: «категории картины мира кодированы (опосредованы) словарными (лексическими) и грамматическими категориями» [Касевич, 2013: 37].

Человек познает окружающую действительность с опорой на языковые знаки как средство доступа к коллективной системе знаний и мышлению людей. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. Фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984]. Его мысли о значении языка в мировосприятии говорящего на нем народа были развиты А.А. Потебней, показавшим в своих трудах, что именно посредством слова человек постигает законы развития природы, материи, мира [Потебня, 1993].

Немецкий ученый Л. Вайсбергер, благодаря которому терминологическое сочетание «языковая картина мира» (*Weltbild der Sprache*) вошло в научный оборот, видел в нем представление о мире и образе мышления в виде результатов постоянно идущего в языке процесса мирозидания, познания мира специфическими средствами данного языка в данном языковом сообществе [Вайсгербер, 1993: 111-112]. Язык является ключом к миру,

основная функция которого состоит в оформлении и закреплении понятийного образа мира [Weisgerber, 1971: 220]. Основную задачу науки о языке он усматривал в анализе миропонимания каждого языка [Weisgerber, 1951: 59].

Исследование языковой картины мира остается и сейчас одним из перспективных научных направлений. Эта картина понимается как «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Вежбицкая, 2000: 35].

Вместе с тем, необходимо помнить о том, что язык как средство доступа к когнитивной картине мира, к его концептуальному множеству (когда каждый концепт скрыт от непосредственного наблюдения), выполняет свою задачу лишь потому, что материальная сторона языковых единиц сопряжена с их идеальной стороной - сферой значений. Знание – есть не что иное, как семантическая система языка [Касевич, 2013: 71]. В.Б. Касевич приводит по этому поводу высказывание Х.Г. Гадамера: «...На языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир, ... – бытие мира есть бытие языковое», хотя в дальнейшем сам автор – В.Б. Касевич подвергает высказанную им же точку зрения более тонкому анализу [Касевич, 2013: 73].

Представления о мире, характерные для рядовых носителей языка и основанные на их ненаучных общих знаниях, можно выявить, анализируя различные письменные источники. Так, Р. Халлиг и В. Вартбург, разрабатывая систему и классификацию понятий для идеографического словаря, вводят трихотомическое деление лексики, согласно которому условно распределяются все лексические единицы словаря: «Вселенная», «Человек и Вселенная» и «Человек». Наложив на выделенную схему перечень изученных и структурно описанных семантических зон, Ю.Н. Караулов на основе степени ее разработанности рассматривает взаимосвязь между знанием людьми различных жизненных сфер и их вербальной

объективацией. Недостаточное внимание лингвистов к структурированию области словаря «Вселенная», затронутой в литературе не более чем на одну треть, он объясняет опасностью того, что исследователь вместо анализа слов народного языка будет вторгаться в сферу специального языка, терминологию, где действуют не семантические законы, а законы данной отрасли науки.

Слабая представленность исследований групп слов, относящихся к разделу «Человек и вселенная», связывается ученым с принципиальным совпадением научной семантики с общеязыковым средством ее выражения. Различия между ними определяются лишь большей глубиной специальных исследовательских разработок по сравнению с повседневными представлениями носителей языка.

Семантический раздел «Человек», словарный состав которого является общеупотребительным, отражающим обыденные понятия, состоит из следующих частей: «Человек как живое существо», «Душа и разум», «Человек как общественное существо» и «Человек в труде», являющийся для нас наиболее важным в данном перечне. Он включает в себя «сельское хозяйство», «ремесла и профессии», «промышленность». Эти сферы наряду с другими из этого раздела наиболее детально представлены в различных письменных источниках [Караулов, 1976].

Указанные выше положения подтверждаются данными ассоциативного эксперимента, в ходе которого выделяются следующие группы орудий труда, подводимые под рубрику «Человек в труде»: сельскохозяйственные, бытовые и промышленные. Результаты экспериментов показали что лексемы, принадлежащие к группе «Бытовые орудия труда», в большей степени соответствуют представлению носителей языка об орудии, чем лексемы, принадлежащие группам «сельскохозяйственные орудия труда» и «промышленные орудия труда». Лексемы же в составе группы «промышленные орудия труда» связываются с узкоспециальными знаниями [Толстова, 2006].

Именно поэтому и существует такой важный для языка факт, как «лингвистическое разделение труда», гипотезу о котором выдвинул Х. Патнэм. Отмечая, что сферы слов разработаны неодинаково, он прослеживает взаимосвязь между степенью подробности представления знаний и уровнем приближения объектов к человеку или удаления от него. Совершенно необязательно и нецелесообразно, чтобы каждый владел обширными сведениями обо всем. Лингвистическое сообщество имеет свой минимум стандартов в отношении семантики. Представления большинства людей о многих вещах, не используемых им в быту, могут быть довольно слабыми. Характер требуемого минимума знаний в значительной мере зависит от культуры и от рассматриваемой темы. Исходя из этого, в значении слова выделяется часть, известная всякому индивидуальному представителю сообщества с одной стороны, и узкоспециальные сведения с другой. Они доступны только небольшой категории специалистов, а «употребление этих терминов остальными людьми предполагает их сотрудничество с носителями языка из соответствующих подгрупп» [Патнэм, 1999: 181]. (Остается задаться вопросом, везде ли нужны узкоспециальные сведения?).

Аналогичные идеи находим в работах и других ученых, соотносящих степень понятности, доступности объектов с особенностями их вербального представления.

В.Г. Гак разграничивает 4 концентрических расширяющихся круга: Человек – Дом – Страна – Мир [Гак, 2000]. В терминах С. Питиной раздел «Человек» - это «ближайшее, лично-значимое пространство», дифференцирующееся как непосредственное окружение человека (его дом). «Вселенная» и «Земля» - «дальнейшее, культурно-значимое пространство», (не-дом) [Питина, 2002].

Все эти соображения подтверждают точку зрения о том, что семантическое пространство языка тесно взаимосвязано со знаниями людей об объективной действительности. «Именно человеческим фактором, т. е. отношением человека к какому-либо предмету или явлению мира на

определенной ступени овладения этим миром и объясняется ... способ его описания, отображающий практическое использование соответствующего объекта» [Колшанский, 1990: 32].

К обозначенной здесь идее мы вернемся в практической части нашего исследования.

От идеи языковой картины мира перейдем к вопросу о том, в каком виде представляются сознанию ее составляющие – отдельно взятые «картиночные» репрезентации слов, обозначающие орудия труда.

1.5. Образы «орудийных» номинаций в сознании носителей языка

На современном этапе развития цивилизации, в век сложнейших приборов и машин, люди не предали забвению примитивные орудия труда, многими из них продолжают успешно пользоваться. Этот удивительный факт жизнестойкости основан на простоте устройства орудийных артефактов и, следовательно, их воспроизведения по мере необходимости. Одновременно в орудиях труда можно увидеть памятник практической смекалке, которая сделала их полезными, а иногда и просто незаменимыми при выполнении ряда хозяйственных работ.

Вполне понятно, что приняв форму и освоив соответствующую функцию, во внешнем мире и внутреннем мире человеческого «я», единицы самой примитивной техники, существующей в качестве орудий труда, получают свои вербальные обозначения. Возникновение идеальных сущностей связывается с необходимостью материального закрепления форм сознания – звуковой язык и становится средством физической объективации мышления [Колшанский, 1990: 9-11]. Вещь обретает дар говорить не только о себе, но и о том, что выше ее и что более связано с человеческим, нежели с вещным. Следовательно, вещь свидетельствует о человеке в ряде важных аспектов ее бытия [Топоров, 1995: 15-29].

При многократной смене поколений человеческая память хранит вербальную информацию о том или ином орудии труда – не только в форме слова, обозначающего данный предмет как единое целое; вполне естественно, что словарно обозначенными оказываются и детали, формирующие это целое, которые отсылают к более полной информации, стоящей за этим словом. Конечно, знания об орудийных артефактах не являются врожденными. Они возникают в результате целенаправленного или непроизвольного трудно датируемого знакомства с данными предметами.

В сферу непосредственного осознания выдвигаются внешние признаки вещей, имеющие свои очертания и физические характеристики: цвет, форму, размер, степень тяжести. И не случайно в языке «прописаны» те параметры, которые, с точки зрения человека, обладают определенной значимостью.

Возникает вопрос, как происходит процесс познания воспринимаемых объектов: поэтапно, то есть путем постижения их конструктивных деталей или симультанно? На этот вопрос в науке нет однозначного ответа.

Еще много веков назад сложилось убеждение, что понять тот или иной предмет - значит узнать, из чего он состоит, поэтому изучение частей является единственно возможным путём изучения целого. В отношении части и целого ни одна из сторон не может рассматриваться без другой. Целое без частей немислимо, с другой стороны, часть вне целого — уже не часть, а иной объект, *так как* в целостной системе части выражают природу целого и приобретают специфические для него свойства [ФЭС, 2004].

На преобладание деталей объекта в процессе его восприятия указывал А.А. Потебня. По его словам, понимая нечто как целое, мы вместе с тем осознаем и отдельные части [Потебня, 1993: 99-100].

Наоборот, о целостности отражения понятных всем вещей говорит известный американский исследователь Дж. Лакофф [Lakoff, 1990: 47]. Аналогичную мысль о доминировании целого над частью высказывает А.А. Болдырев. Любой объект, по его мнению, психологически понимается как целое, и только потом предметом анализа становятся его составные части.

Восприятие и категоризация базовых объектов осуществляется гештальтно, т.е. нерасчлененно: мы воспринимаем объекты и оперируем их концептами неосознанно, не задумываясь об их основных характеристиках и составляющих компонентах [Болдырев, 2001: 86].

Н.Н. Болдыреву по-своему вторит В.Б. Гольдберг. По ее мнению, детальность представления предмета связывается со степенью ознакомления с ним. «Познание вглубь заключается в переходе от гештальтного восприятия объекта к познанию его деталей. ... Например, бумажный носитель информации, состоящий из скрепленных листов бумаги, воспринимается «разово» и именуется словом «книга». При более детальном рассмотрении ряда предметов такого типа этот гештальтный образ детализируется – человек начинает обращать внимание на конструкцию, размер, цель использования и т.д.» [Гольдберг, 2005: 164].

Не абсолютизируя эти два подхода, в данной связи полезно вспомнить и точку зрения Е.С. Кубряковой. Объекты – это всегда «единство целого и части» с сохранением своих собственных выделяемых составляющих. В качестве примера «такого объекта – и целого, и делимого, и нерасчленяемого, и расчленяемого на части» Е.С. Кубрякова приводит человеческое тело. «Наверное, и без специальных пояснений понятно, почему человек воспринимал самого себя и других себе подобных людей, с одной стороны, как несомненные целостности, гештальты, но, с другой – осознавал так же отчетливо наличие у себя и у других таких частей тела, как голова, руки, ноги [Кубрякова, 2004: 249].

Из этого следует, что разговор о целом предполагает понимание целого как единства составляющих его элементов. Прослеживается взаимосвязь между характером самого воспринимаемого объекта и степенью его «расчлененности» в сознании людей. Выделение частей у объекта становится определенной ступенью в познании мира и соотносится с предметно-познавательной, практической активностью человека.

Сказанное выше справедливо и по отношению к орудиям труда. Выступающие предметом нашего анализа орудия труда можно отнести к объектам, являющимся «единством целого и части». Понимая инструменты «как несомненные целостности», человек отчетливо осознает наличие их составных частей; в результате непосредственного житейского опыта он прекрасно понимает необходимость их конструктивных элементов.

Другой немаловажный аспект рассмотрения орудий труда – это их функция. Об этом не преминем заявить еще раз. Еще Сократ подчеркивал, что сущность вещи проявляется в ее использовании. Ссылаясь на М. Вартовского, М. Коул усматривал в артефактах «...объективизацию человеческих потребностей и намерений». Артефакты играют центральную роль в сохранении и трансляции представлений и способов действия, содержат предписания, обычаи и нормы (Wartofsky, 1973, p. 204). [Цит. по Коул, 1999: 141-152]. Примерно эту же идею высказывал А. А. Потебня [Потебня, 1888: 127], а много лет спустя - Г.А.Золотова [Золотова, 1973: 11].

Функциональный компонент понимается как неотъемлемая часть семантической структуры слов, представляющих орудия труда. «На то, что функциональный элемент действительно присущ значению слова, указывают контексты его применения в речи, а также и способы синтаксической организации соответствующих фраз. ... Функциональные связи оказываются наиболее устойчивыми (топор – рубить, щетка – чистить) [Шмелев, 2006: 242].

В то же время функция инструмента связывается со всеми остальными его характеристиками. «Инструменты и механизмы являются первыми актантами встроеного в их семантику глагола. *Молоток* – это то, что забивает гвозди. Однако круг прилагательных, описывающих эти предметные имена, тоже составляет имена агентивных признаков. Они характеризуют потенциальную успешность действий, выполняемых с помощью этого инструмента: *острый* – режущий легко для человека, с минимальными усилиями со стороны человека». [Рахилина, 2000: 116].

Остановимся еще на одном интересном моменте. Связывая «галерею» образов орудий труда и, как подробнее скажем об этом далее, «сценариями» их действий с присвоенными им вербальными «метками», следует указать на то, что эти «метки» также имеют свою историю. Об этом свидетельствует этимологический анализ значений слов, обозначающих орудия труда. И удивительно то, что некоторые лексемы, называющие примитивные инструменты, произошли именно от названий совершаемых с их помощью действий. Так, по этимологическому словарю М. Фасмера, существительное «вилы» генетически связано с глаголом «вить», «молоток» - с глаголом «молоть», «топор» - производное от «тети» (бить, колотить). В слове «плуг» прослеживаются отголоски таких действий, как «ухаживать», «тащить» [Фасмер, 1986].

На основании всех перечисленных выше подходов можно с уверенностью говорить о том, что знания об орудиях труда в их целостном облике определяются вполне естественным пониманием их «конструктивных» особенностей, обеспечивающих функциональную предназначенность этих орудий.

Сказанное выше позволяет перейти «от слов – к делу», - доказательству того, какой образ возникает в голове носителя языка, когда он представляет себе по требованию «внутреннего голоса», читает или слышит слово, обозначающее конкретное орудие труда.

С нашей точки зрения, этот образ во многом совпадает со словарными дефинициями лексем, называющих интересующие нас артефакты.

1.6. Лексикографические толкования как средство вербальной объективации ментальных репрезентаций орудий труда

«Лексическое значение, зафиксированное в словаре, - это то, что люди имеют в виду, когда они употребляют слово» [Вежбицкая, 1996: 237]. На той позиции, что смыслы лексических единиц объективируются в их словарных

дефинициях, стоят многие исследователи. Так, например, С.Д. Кацнельсон видел в лексикографическом толковании необходимый и полезный лингвистический прием, выявляющий эксплицитное содержание слов [Кацнельсон, 1965: 20]. В.Г. Гак писал, что «мир слов неотделим от мира вещей, и всякий толковый словарь является инвентарем не только слов, но и понятий, объектов, знаний, составляющих достояние людей, говорящих на данном языке [Гак, 1971: 524].

В книге А.П. Бабушкина «Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка» читаем: «Используя достижения компонентного анализа, позволяющего видеть семный состав плана содержания слова, можно с уверенностью сказать, что по набору сем, составляющих семему, который выявляется в лексикографическом толковании слова (слово – скрытая дескрипция!), можно изучать его когнитивные (концептуальные) параметры [Бабушкин, 1996: 42]. «Люди, как правило, не корректируют свои знания по словарным дефинициям, но словарное толкование представляет единственную возможность вплотную увидеть характер обозначенного словом концепта, выявить когнитивную семантику лексемы» [Там же]. Словарь – надежное средство доказательства того, в каком виде предмет представляется сознанию.

Одним из основных положений нашей работы является утверждение о том, что именно лексикографическая дефиниция – это способ выявления того, как особая структура представления знаний – так называемый «инсайт» - бытует в нашем сознании» [Бабушкин, 1996: 56]). Автор термина «инсайт» в отмеченном выше значении пишет: «Идеальное в слове не является некой мистической принадлежностью царства разума – оно «улавливается» словом, декодируется в его определении, «свито» в нем» [Бабушкин, 1996: 34].

Именно через семный состав семемы, которая стоит за «материей» лексической единицы, обозначающей конкретное орудие труда, можно «уловить» образ того или иного артефакта, сопряженный со знанием, для чего данный предмет служит.

Однако следует помнить, что на словарные определения можно смотреть по-разному. Для нашей работы словарные дефиниции – отнюдь не «канал» познания того или иного и без того широко известного артефакта, – это более или менее надежный механизм, способный выявить то, как данный объект «расшифровывается» сознанием, способ проникнуть в концептуальную сущность конкретного слова, скрытого от непосредственного наблюдения.

Оговоримся, что предметом нашего рассмотрения будут простейшие орудия труда. Говорить об «инсайтах» сложных агрегатов, приспособлений и машин (то есть описывать их внутреннее устройство) было бы равнозначно толкованию дальнейших значений слов, а это уже удел специальных словарей и справочников. Достаточно, считает Л. В. Щерба, определить слово *золотник* как одну из частей паровой машины [Щерба, 1974: 280].

Для нас так же важен и уже прозвучавший тезис о том, что словарь фиксирует особенности картины мира носителей языка именно той эпохи, в которую он создавался, что позволяет понимать лексикографические источники в качестве «живой» истории.

Не случайно Л.В. Щерба расценивал словари как «материал для построения истории мышления, отраженного в языке» [Щерба, 1974: 278]. Ю.Н. Караулов отмечал, что каждая эпоха обладает своими собственными знаниями о мире, и как только мы начинаем объяснять значение слова и прибегаем для этих целей к другим словам, мы неизбежно обращаемся к этим знаниям, учитываем внеязыковой опыт [Караулов, 1987: 168].

Именно поэтому большое значение словари имеют при исследовании истории человеческих знаний об окружающем мире. «Если мы наложим друг на друга тематически организованную лексику одного и того же языка разных эпох, то нашим глазам откроется объективная картина движения человеческого познания. Мы увидим, как растет одна тема и «сжимается» другая, как происходит переоценка ценностей внутри самих тем, как появляются и уходят в небытие слова и множество других любопытнейших и интереснейших фактов. Являясь в какой-то мере зеркалом эпохи, словарный

состав языка отражает уровень представлений людей о тех или иных явлениях, а иногда характеризует и сами явления» [Морковкин, 1970: 10].

В практической части нашей работы читатель найдет многочисленные примеры словарных дефиниций орудий труда, обеспечивающих переход от слова к стоящему за ним образу.

Однако ни в одном лексикографическом источнике нет данных о том, как «творцов» артефактов посетила идея создать тот или иной инструмент в присущем ему виде, инструмент, который получил название и нашел свое место в «орудийном» разделе словаря.

Ответ на этот вопрос дает попытка увидеть в приспособлениях, облегчающих труд человека, его “alter ego”.

1.7. Антропоморфный характер «картиночных» образов и образов действий орудий труда

В своих истоках ментальные образы многих орудий труда («картиночные» репрезентации) и образы их действий (функциональные характеристики) являются антропоморфно-детерминированными. В них, с нашей точки зрения, следует различать эксплицитную и имплицитную выраженность антропоморфности. О первых, явных, говорится в статье А.П. Бабушкина «Категоризация антропоморфных артефактов» [Бабушкин, 2009: 187-193]. Автор выстраивает иерархию ментальных репрезентаций, прототипом (прообразом) которых выступает человек, вернее, его корпусная схема. В этой иерархии, по степени тяготения к «центру» или удалению от него по направлению к «периферии» описываемого ряда, выстраиваются такие номинации, как: «памятник», «манекен», «кукла», «пугало», «истукан», «робот» (в его «человеческих» конфигурациях). В перечисленных реалиях человек моделирует себя и себе подобных, и это моделирование носит «очеловеченный» характер [Там же].

Как пишет Г.В. Колшанский, «Язык выражает не только познание человеком окружающего мира, но и самопознание человека как высшего биологического существа со всеми присущими ему качествами ...» [Колшанский, 1990: 95].

Наряду с отмеченной выше эксплицитной формой «человекоподобия» существует и его имплицитный вариант. Он находит свое воплощение в орудиях труда, только на этот раз в качестве прототипов выступает не сам человек, а элементы его тела и их «природная» функциональность.

Уже в древности высказывался взгляд на орудие как подражание естественным органам. Сенека говорил об этом следующее: «Положенные в рот зерна размалываются твердыми зубами, то, что отскакивает при этом, язык снова подносит к зубам. Подражая этому образцу, некто поставил однажды один твердый камень на другой твердый камень, по сходству с зубами, и они растирают зерна, и долго кружат их, пока они не размалываются частым трением» [Цит. по Нуаре, 1925: 81].

Идея получила развитие в работе Э. Каппа, по мнению которого на заре цивилизации человек бессознательно возвращался к собственному телесному «я». Так, еще в глубокой древности он научился извлекать пользу из конструктивных элементов тела. Свойства внутренних органов постепенно переносились на «внешнее» для человека - на орудия, которые были необходимы для выживания. Например, во всех возможных положениях его верхних конечностей угадываются прообразы приспособлений, при помощи которых человек значительно усовершенствовал руку, сделав ее длиннее, тверже, сильнее. Рука, будь она открыта или собрана в горсть, с вытянутыми пальцами, поворачивающаяся, хватающая и сжатая в кулак, с кистью, ладонью, а так же локтем, является общей «матерью» всех так называемых ручных орудий. «Прообразом» молотка послужил кулак. Для лопаты, граблей и плуга были свои «образцы» - кисти рук, ладони, пальцы с роговыми покровами на концах – ногтями, так удобными для земляных работ. Вытянутый палец с его острым ногтем в техническом

воспроизведении - сверло. Искривленный палец навел на мысль о мотыге, металлическом наконечнике, насаженном под углом на длинную рукоятку.

Особую роль Э. Капп отводил зубам. Резцы, или режущие и грызущие, зубы удобны для того, чтобы скоблить, шелушить, очищать от коры, резать, пилить, строгать. Коренные или мелющие зубы служат разгрызанию, раздавливанию, растиранию. Клыкам досталась обязанность наносить сильные удары, держать и разрывать. Все орудия, служащие этим целям, должны в своем возникновении примыкать к функциям этих органов. Например, способность крепко удерживать куски добытой человеком пищи привела в свое время к идее создания клещей и тисков, а крошить – пилы. Свое место в моделировании орудий труда отводилось и нижним конечностям человека – ногам отчасти как внешним образцам, отчасти в их мускульном движении.

Все эти примеры служат доказательством существования предложенного ученым принципа «органопроекции», заключающегося в следующем: человек во всех своих изобретениях бессознательно воспроизводит части своего тела и сам познает себя, исходя из этих им самим открытых приспособлений, прилагая созданный внешний мир, как мерку к самому себе. Орудия находятся в таком глубоком внутреннем сродстве с человеком, что могут быть поняты лишь как проекции человеческих органов. Внешний мир механической работы является продолжением организма, перенесением вовне внутреннего мира собственных представлений. «Механизм», созданный по органическому образцу, служит для объяснения и понимания «организма», которому он обязан своим происхождением [Капп, 1925: 95-104].

Идея «органопроекции» Э. Каппа перекликается с «вещеобразностью» В.Н. Топорова, согласно которой части тела и вещи имеют глубокую теологическую связь, во всяком случае, «первовещи», ими «предвосхищенные». «Вещеобразность» деталей человеческого тела делает

возможной операцией двустороннего перехода – представление тела в «вещном» коде и вещей – в «квази-телесном» [Топоров, 1995: 14].

«Соматический генезис» орудий труда не находит отражения в соответствующих номинациях, но в конструкциях примитивных инструментов оказывается овеществленной практическая смекалка наших далеких предков, нашедшая свое выражение в фактах «органопроекции».

Приведенные выше размышления также важны для дальнейшего хода нашего исследования и особенно – способность «орудийных» номинаций, хранящих в себе свои исторические истоки, **возвращаться к человеку в виде народных загадок, образных сравнений, метафорических переносов.**

1.8. Орудия труда в устойчивых выражениях языка

Для нас важно отдельно остановиться на том факте, что «орудийные» номинации употребляются не только в их прямых, но и в переносных метафорических значениях. Метафоры и образные сравнения, построенные на основе хранимых в памяти образах орудий труда, создают свою картину, в которой находит отражение и историческое время.

На связь метафоры и знаний, которые не существуют вне человеческой памяти, указывают современные концепции когнитивной психологии [Blackwell, 1994: 205].

Поскольку орудия труда в своем многообразии прочно вошли в быт человека, их вербальные обозначения постепенно становились объектами языковой игры, воплощаясь в метафорах и образных сравнениях, включаясь в произведения народного творчества – пословицы, поговорки, загадки.

Образно переосмысливаемые конструктивные элементы «орудийных примитивов» находят свой выход в метафорах, в которых образная интерпретация проявляется наиболее ярко [Серебренников, 1988:178]. Но прежде чем говорить о метафорах в сфере простейших орудий труда как о

специфически организованных ментальных репрезентациях, рассмотрим этот феномен на стыке традиционного подхода к данному явлению, имеющего многовековую историю, и новейшего понимания метафорических переносов в свете когнитивной парадигмы научных знаний.

Метафорическим обычно считают использование слова в его непрямом значении на основе сходства с каким либо другим предметом или явлением. Трактовка метафоры как формы мышления характерна для когнитивного учения, сформулированного в монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1990], а позднее в трудах отечественных ученых: А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (1997), В. З. Демьянкова (1994), Е. С. Кубряковой (1994; 1999), Е. В. Рахилиной (1998), А.П. Чудинова (2000) и целого ряда других авторов. В рассматриваемых теориях метафора определяется как ментальная операция, способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира.

Действительно, далеко не весь окружающий нас мир располагает к его метафорическому переосмыслению. Типичными источниками экспансии становятся области, наиболее актуальные для общества, хорошо структурированные в представлении человека, в его обыденной картине мира, вызывающие повышенный интерес. Это объекты и явления, входящие в «первый круг» жизнедеятельности индивидуума и окружающие его в повседневной жизни.

Так, в XVI – XVII в.в., поскольку механика и тесно связанная с ней математика считались наиболее зрелыми и успешно развивающимися отраслями знаний, возникло стремление на основе их законов познать и интерпретировать все явления и процессы действительности. В «механизмах» И. Ньютон, Р. Декарт, Т. Гоббс и другие мыслители находили объяснение всего человеческого опыта, используя их для осмысления различных фрагментов действительности.

Часы, одно из популярных устройств того времени, стали метафорой механистического видения мира, с ними соотносилось представление о

структуре Вселенной. По мере научно-технического прогресса менялись и механические метафоры освоения мира, который понимался уже как машина или электродвигатель.

Предпринимались попытки с помощью механической метафоры пролить свет и на природу человека. Последователи Декарта сделали вывод о том, что человек – тоже машина. Еще в 1748 г. Ж. Ламетри опубликовал свое произведение «Человек-машина», в котором тело человека сравнивалось с огромными часами, сердце – с основной пружиной машины, а душа – с осветительным прибором [цит. по: Маккормак, 1990: 368].

В конце XIX в. в связи с развитием других наук, видение всего живого как механизма стало заметно сужаться. Механическая образность перестает носить всеобъемлющий, универсальный характер. Появляются различные культурные, философские, научные течения, отвергающие механическое мироощущение и возможность уподобления любого объекта механизму. Противопоставляется «механическое» как функционирующее стандартным способом, рациональное, заранее predetermined, и «человеческое», живущее по естественным законам.

Тем не менее, и в современном обществе «механические» метафоры не утратили полностью своей актуальности. Устройства и приспособления, наиболее привычно появляющиеся в опыте людей, могут являться моделью для объяснения объектов предметного мира, нематериальных объектов, взаимоотношений между человеком и обществом, межличностных взаимоотношений.

А. П. Чудинов пишет, что в 30-50-х годах метафоры с исходной семантической сферой "механизмов" были особенно активны. В сознание общества настойчиво внедрялось представление о том, что советский человек - это *винтик в настраиваемом инженерами человеческих душ механизме*. При управлении этим *механизмом* партийный *аппарат* должен крепко держать *руль*, правильно использовать политические *рычаги* и *приводные ремни*, вовремя *нажимать на педали* и знать *потайные пружины*. Для

поддержания работоспособности рассматриваемого *механизма* (то есть советского народа - строителя коммунизма и борца с мировым империализмом) в определенных случаях приходится *закручивать гайки*, *менять заржавевшие и устаревшие детали*, *производить ремонт двигателя*, *коробки передач* или иных быстро изнашивающихся *частей машины*.

В несколько ином варианте рассматриваемой модели отдельного человека представляли уже не *винтиком*, а *автономным механизмом*, которому даны "*стальные руки-крылья*" и "*вместо сердца пламенный мотор*", *машина*, у которой нет органа чувств (каковым в традиционной "наивной" картине мира считалось сердце), нуждается только в "*заправке*" и "*перезарядке*" в специальных *мастерских* или на *фабриках*.

Если *механизм* в полном порядке, его можно "бросать в бой" или "*направлять на стройки народного хозяйства*". Механистические метафоры активно употреблялись и в период "перестройки" [Чудинов, 2001: 162-170].

Простейшие орудия труда так же воплощаются в метафорические репрезентации. Описываемые нами далее «орудийные» метафоры можно по праву назвать когнитивными, так как они построены на знаниях внешнего облика орудий труда и способов их практического применения.

В свою очередь, под загадкой обычно понимают формируемое в виде иносказания небольшое фольклорное произведение, содержащее замысловатый вопрос, на который необходимо дать исчерпывающий ответ [Кравцов, Лазутин, 1983: 83-84].

Объектами загадок редко становятся сложные устройства и замысловатые механизмы – как правило, они группируются вокруг «предметных» номинаций, в плане содержания которых фиксируются их «ближайшие» значения.

Картина мира, вербализуемая в загадках, фиксирует все, что попадает в поле зрения человека. Загадки отражают хозяйственную, бытовую жизнь во всех ее мелочах. Загадываются те предметы и явления, которые всегда перед глазами. Существенное место отводится различным ремеслам и

особенностям земледелия, способам ведения хозяйства, процессам возделывания полей и огородов. Не случайно многие из них - об орудиях труда. По этому поводу В.В. Митрофанова пишет: «Изучая загадки, мы можем составить представление о том, как и какими орудиями трудился крестьянин, ... какая домашняя утварь, предметы труда и обихода окружали крестьянина, что и как изготовлялось в натуральном крестьянском хозяйстве (шились сапоги, делалась посуда, прался лен) и т. д.» [Митрофанова, 1971: 28].

С современных позиций загадки об орудиях труда можно рассматривать в качестве средства вербализации концепта, идентификация которого является прагматической задачей загадки, при этом в ее пресуппозиции содержится фрагмент картины мира [Головачева, 1994: 193].

«Концепт репрезентируется в загадке через свои свойства, через функции, через связь с некоторым процессом и – через отсутствие этих качеств» [Николаева, 1994: 8]. Для изучения подобных концептов также важным является выявление реальных знаний о вещах, послуживших основой для их образного именованя: тех сторон, особенностей предметов, на которые указывается в загадках, а также частей, вычленяемых в этих денотатах как важных для их опознания.

Данные положения позволяют сравнивать загадки со словарными статьями. Говоря о создании образа с опорой на саму реалию или с помощью выделения признака, принадлежащего этой реалии, З.М. Волоцкая выдвигает идею уподобления всего корпуса загадок толковому словарю. При этом толкования (образные части загадок) иносказательны, метафоричны, отгадка или прямая номинация загаданного денотата соответствует заголовку словарной статьи, а собственно загадка, ее образная часть – тексту толкования [Волоцкая, 1983: 188-189].

Сказанное выше позволяет рассуждать о степени взаимосвязи структур представления знаний в загадках и лексических единицах. На основании их сопоставления можно ответить на вопросы о том, стоят ли за загадками о

примитивной технике те же когнитивные структуры, что и за отдельными лексемами; а также какие отличия по своей организации, содержанию, способу представления имеют шифруемые в них концепты от тех же параметров языковых единиц, объективированных словарными дефинициями.

Закрывая тему загадок, можно сказать, что в загадках сложилась определенная система образов, привычно связываемых с орудиями труда, через которые происходит их «раскодирование».

И еще одна любопытная деталь – загадки, возникшие в народе много веков тому назад и дошедшие до наших дней, должны восприниматься как явления предметной памяти – подвида социальной памяти человечества.

ВЫВОДЫ:

Когнитивная наука, занимаясь изучением приобретения, переработки и использования информации человеком, наряду с другими познавательными процессами обращается к памяти. Взаимосвязь памяти и времени в сознании национального сообщества трактуется как «социальная память», то есть суммарный опыт, пережитый людьми совместно, коллективные представления народа.

Отдельное место в социальной памяти занимают орудия труда, чьи ментальные образы рассматриваются как один из способов хранения социально значимых сведений, не потерявших своей значимости и по сегодняшний день.

Знания и память прошлого создают особое информационное пространство, из которого по мере надобности извлекается информация, формирующая картину мира. Это целостный образ, складывающийся у человека в процессе познавательной деятельности, совокупность основных жизненных сфер, результат познания всего того, что окружает нас.

Однако учитывая, что окружающая действительность многогранна, можно говорить о существовании множественности картин, среди которых

мы выделяем «орудийную». Она включает представления о простейших, примитивных орудиях, рассматриваемых в нашем исследовании как объекты социальной памяти.

Изучением картины мира совместно с другими дисциплинами занимается когнитивная лингвистика. В рамках этого направления принято говорить о когнитивной картине мира. Будучи присущей сознанию коллективного сообщества людей, она и есть продукт социальной памяти, а способность удерживать эту картину – функция социальной памяти.

Формирующими звеньями когнитивной модели мира являются концепты, среди которых наряду с мыслительными картинками, сценариями, схемами, понятиями, представлениями, гиперонимами и фреймами мы выделяем концепт «инсайт», под которым понимаем «упакованную» в слове информацию о конструкции, внутреннем устройстве и функциональной предназначенности предмета, в том числе и «орудийного» [Бабушкин, 1996: 56].

Концепты не одинаковы по ценностному фактору. Экстраполировав идеи ближайшего и дальнейшего значения слова (формального и содержательного понятий, концепта-минимума и концепта-максимума), предложенные видными учеными, на мыслительные конструкты, которые стоят за номинациями простейших орудий труда, мы приходим к выводу о том, что эти мыслительные конструкты суть не что иное, как факт гибридизации двух указанных выше форм познания.

С нашей точки зрения, разграничение концепта-минимума и концепта-максимума зависит не от сложности стоящих за ними предметов материального мира, а от степени понятности и «близости» их человеку. Отмечено и то, что соотношение «ближайших» и «дальнейших» значений слов будет отличаться в различные периоды времени.

Существует так же взаимосвязь между общеизвестностью, понятностью человеку определенных жизненных сфер и корпусом языковых средств, служащих для их номинации.

Концепт «инсайт» способен из «вещи в себе» стать «вещью для других» путем обращения к словарным дефинициям. При этом словарь фиксирует особенности картины мира носителей языка именно той эпохи, в которую он создавался.

В своих истоках ментальные образы многих орудий труда являются антропоморфно-детерминированными. Одним из ключевых моментов, изложенных в теоретическом разделе работы, является идея «органопроекции», заключающаяся в том, что соматические элементы человеческого тела и их физические возможности послужили образцом для создания и применения на практике простейших орудий труда и могут быть поняты как проекции человеческих органов.

В свою очередь, существует и обратный процесс. Человек познает себя, исходя из этих им открытых приспособлений, прилагая созданный внешний мир как мерку к самому себе, что называется нами «обратной органопрекцияй». Данное явление легло в основу языковых метафор и загадок, построенных на метафорическом переосмыслении интересующих нас артефактов.

В практической части нашей работы будут рассмотрены ментальные образы орудий труда в их языковой репрезентации в денотативном значении и образном переосмыслении.

ГЛАВА II

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОРУДИЙ ТРУДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

На конкретном материале рассмотрим лексемы русского языка, обозначающие орудия труда. Номинации технических примитивов, приводятся в следующем порядке.

В начале практической части работы отобранные нами лексемы представляются в своем прямом значении. Исследуются их лексикографические дефиниции с целью выявления образов орудий труда и их функциональной предназначенности в сознании человека. Каждая дефиниция при этом понимается как средство объективации стоящей за словом когнитивной структуры, которую мы вслед за А.П. Бабушкиным называем «инсайтом».

Отдельному анализу подвергаются определения орудий труда в словарях разных лет издания, свидетельствующие о том, что каждая эпоха специфически истолковывает сведения об одних и тех же орудиях труда в зависимости от их востребованности обществом. Сопоставив эти определения, можно увидеть, как трансформировались образные репрезентации орудий труда в ходе исторического развития социума, как из концепта-максимума они реорганизуются в концепт-минимум.

Для выявления особенностей бытования заявленного нами концепта – «инсайта» в сознании современных носителей языка, мы обращаемся также к примерам, взятым из художественной литературы, публицистики, интернет-ресурсов, которые убедительно показывают, что по отдельным деталям конструкции того или иного орудия труда, можно мысленно реконструировать его в полном объеме.

Особое внимание будет уделено случаям прямой и обратной органопроекции на материале метафорических переносов и сравнительных оборотов, а также фольклорных произведений малых форм – народных загадок.

2.1. «Картиночные» образы орудий труда и образы действий с ними, хранимые в денотативных значениях лексем русского языка

2.1.1. Орудия труда в русских словарных дефинициях

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ

Начнем анализ заявленных выше артефактов с названия того инструмента, без которого нельзя было обойтись в период жатвы.

Серп

Словарь под редакцией А.П. Евгеньевой (далее МАС) указывает на конфигурационные особенности серпа и описывает способ его применения: *«ручное сельскохозяйственное орудие в виде сильно изогнутого мелкозазубренного ножа для срезания хлебных злаков с корня»* [МАС, 1988, т.4: 83].

В словаре С.И. Ожегова (далее СРЯ) серп представляется в виде *«изогнутого полукругом мелко зазубренного ножа»* [СРЯ, 1981: 635], а у П.Я. Черных (далее ИЭССРЯ) *«ручного сельскохозяйственного орудия в форме тонкого полумесяца, предназначенного для срезания злачных растений»* [ИЭССРЯ, 1999, Т.2: 560].

Чем старше пользователь словаря, тем отчетливее воспринимается им данный инструмент, так как серп вместе с молотом, олицетворяя единство рабочего класса и крестьянства, был изображен на гербе Советского Союза. Более того, указанный выше «тандем» тиражировался на денежных ассигнациях. Давно вышедший из активного употребления серп по-прежнему удерживается в социальной памяти народа. (Имеется ввиду среднее и старшее поколение людей).

Вилы

Словарем А. П. Евгеньевой дается следующая трактовка вил: – *«сельскохозяйственное ручное орудие для подъема, разбрасывания и т.п.»*

сена, соломы, навоза и пр., состоящее из двух или более зубьев на длинной рукоятке» [МАС, 1999, т.1: 175].

В дефиниции, представленной Большим академическим словарем (далее БАС) не указывается функция, без сомнения входящая в комплекс знаний об орудии: *«ручное сельскохозяйственное орудие, состоящее из длинной рукояти с двумя и более зубьями на конце» [БАС, 1951, т.2: 372].*

Аналогично и определение С.И. Ожегова: *«сельскохозяйственное орудие в виде нескольких длинных зубьев на длинной рукояти» [СРЯ, 1981: 75].*

В «Поднятой целине» М.А. Шолохова читаем: *Молодой парень лениво подгребал сено вилами-тройчатками* (Шолохов, 1986). Это значит, что в представлениях носителей языка количество зубьев на вилах может различаться, но их общая схема: длинный черенок и заостренные штыри, формирующие рабочую часть этого орудия, остается неизменной.

Грабли

Подробное толкование лексемы «грабли» находим в Большом академическом словаре: *«сельскохозяйственное орудие для разрыхления земли и сгребания скошенной травы, соломы и т. п., представляющее собой брусок с зубьями, насаженный на длинную палку» [БАС, 1954, т.3: 351].*

Грабли – *«сельскохозяйственное орудие в виде колодки с зубьями, насаженной на длинную рукоятку для сгребания сена, для разрыхления земли на грядках» [СРЯ, 1981: 127].*

Лопата

Лопата – одно из самых распространенных орудий труда, знакомых как сельскому жителю, так и горожанину, занимающемуся садоводством или огородничеством.

Определение фиксирует материал изготовления лопаты, особенности ее конфигурации, предназначение: *«деревянное или металлическое орудие с*

рукояткой и с нижним широким, плоским концом, служащее для копания, сгребания чего-либо и т. п.» [БАС, 1957, т.6: 355].

По словарю П.Я. Черных, лопата – *«орудие труда с длинной рукоятью, обычно металлическим концом»* [ИЭССРЯ, 1999, т.1: 490]. Заметим, именно с длинной, иначе она превращается в совок.

При разнообразии видов этого орудия труда лопасть лопаты (в ее интроспективной репрезентации) представляется слегка полукруглой и до белизны отточенной.

Лом

Согласно Толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, (далее ТСЕ), под ломом понимается *«большой, железный, заостренный с одного конца стержень, которым ломают или разбивают что-либо твердое»* [ТСЕ]. В трактовках других словарей это *«металлическая палка»* [МАС, 1999, т.2: 198], или *«железная большая палка»* [Ушаков, 2013: 278].

Инструменты для работы с деревом или металлом

Топор

Согласно большому академическому словарю, топор - *«орудие для рубки и тесания в виде насаженной на деревянную рукоять железной лопасти с острым лезвием на одной стороне и утолщенной частью, обухом, на другой»* [БАС, 1963, Т.15: 644].

Конфигурационный «рисунок» топора передается определением А.П. Евгеньевой: *«орудие, инструмент для рубки и тесания в виде насаженной на деревянную рукоять железной лопасти с острым лезвием с одной стороны и обухом с другой»* [МАС 1988, т. 4: 383].

За рамками дефиниций остается своеобразная форма его рукоятки – топорница (чуть волнообразная, в участке непосредственно следующим за обухом).

Пила

По Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова слово «пила» определяется как *«стальная зубчатая пластина для разрезания дерева, металла, камня и других материалов»* [СРЯ, 1981: 457]. Такое описание пилы вызывает в памяти целый ряд «мыслительных картинок».

На наш взгляд, образ типичной пилы представляется в словаре П.Я. Черных: *«рабочий инструмент в виде стальной полосы с нарезными зубьями для разрезания главным образом древесины»* [ИЭССРЯ, 1999, т.2: 32].

Молоток

Весьма различные представления формируются нижеследующей дефиницией молотка, хотя его функции обозначены довольно полно: *«металлический или деревянный брусок различной формы, снабженный рукояткой, служащий преимущественно для забивания гвоздей, для удара по инструменту (долоту, стамеске) в работе и т. п.»* [ТСРЯ 2005: 307]. Находим уточнение дизайна у А.П. Евгеньевой: *«в виде металлического или деревянного бруска различной формы, насаженного под прямым углом на рукоятку»* [МАС 1999, т.2: 293].

Отвертка

Отвертка в словарях трактуется следующим образом: *«инструмент для завинчивания и вывинчивания винтов и шурупов»* [МАС, 1999, т. 2: 666]. В Большой советской энциклопедии дополняются сведения об ее устройстве: *«представляет собой обычно стержень с лезвием, которое при работе вставляют в шлиц. Конец стержня снабжен деревянной или пластмассовой рукояткой»* (БСЭ).

Рубанок

По лексикографическому толкованию А.П. Евгеньевой, рубанок – *«ручной*

инструмент для строгания дерева в виде колодки с вставленным в нее широким лезвием» [МАС, 1999, т.3: 734].

Большой академический словарь определяет профессиональную «прописку» инструмента и способ работы с ним: *«столярный инструмент для ручного строгания» [БАС, 1961, т.12: 1496], где «строгать» – «снимать тонкие слои с поверхности дерева и т.п. каким-либо режущим инструментом» [БАС, 1963, т.14: 1052].*

Плоскогубцы

Словари единодушны в том, что плоскогубцы – это *«клещи, концы - губы - которых имеют плоскую внутреннюю поверхность» [ТСЕ].*

Клещи

Клещи узнаем по следующей дефиниции: это *«металлический инструмент в виде щипцов с загнутыми внутрь концами для выдергивания гвоздей, захвата и держания раскаленного металла и т.п.» [БАС, 1956, т. 5: 1024].* Заметим, что дефиниция клещей дается через аллюзию к другому инструменту.

Щипцы

Щипцы - *«ручной металлический инструмент для сжимания, схватывания, выдергивания, (напр. гвоздей) и т.п. в виде раздвигающихся на шарнирах двух концов (губ, щек) с рукоятками» [ТСРЯ, 2005: 777].*

Другие источники уточняют, что щипцы *«скреплены посередине винтом» [РТС, 2002: 850].*

Домашняя утварь

В современном обществе синонимом слова «утварь» является словосочетание «товары для дома». К этой категории мы причисляем те

орудия труда, которые относятся к предметам домашнего обихода и связаны с приготовлением пищи, рукоделием. Кто будет спорить с тем, что приготовление пищи или шитье нельзя назвать трудом, в преобладающем большинстве – женским?

Ухват

Ухваты хорошо знакомы людям, пользующимися русской печью для варки и жарки пищи. Ухват – это *«металлическая рогатка на длинной рукоятке для подхватывания в печи горшков, чугунов»* [МАС, 1988, т.4: 539].

Кочерга

В том же словаре такой предмет домашней утвари, как кочерга, трактуется как *«железный прут с загнутым концом для перемешивания топлива в печи»* [МАС, 1999, т.2:].

Нож

Нож в словарных толкованиях представляется как *«орудие для резания, состоящее из лезвия и ручки»* [ТСЕ].

Ножницы

Словарь С.Д. Ушакова отмечает, что ножницы - это *«инструмент для резания, состоящий из двух лезвий с кольцеобразными концами, соединенных винтиком»* [ТСРЯ, 2005: 363].

Имеются и другие дефиниции ножниц: *«инструмент с рабочим органом в виде двух ножей, совместным встречным действием которых производится резание_чего-либо»* [БАС, 1958, Т.7: 1382].

См. также: *«инструмент, состоящий из двух крест-накрест соединенных лезвий»* [СТСРЯ, 2003: 417].

Игла

Игла обычно понимается как *«заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нити, употребляемый для шитья»* [СРЯ, 1981: 211].

Интересное определение иглы находим в Историко-этимологическом словаре современного русского языка: *«небольшой тонкий и очень острый металлический стерженек (по выражению В.И. Даля – «протыкалка») с ушком, употребляемый для шитья»* [ИЭССРЯ, 1999, т.1: 333].

Шило

Шило, согласно С.Д. Ушакову, это *«металлическая заостренная спица с рукояткой, употребляется для прокалывания отверстий»* [ТСРЯ, 2005: 768].

Шило *«обычно используется в сапожном, шорном деле»* [БАС, 1965, Т.17: 1394].

Переходя к следующему параграфу работы, необходимо помнить, что существует еще один, не лингвистический способ проверки, в каком виде существуют в нашем сознании образы предметов окружающего нас мира.

Не требует доказательств предположение, что любой носитель языка без особого труда сможет легко опознать по изображению, а умеющие рисовать изобразить на бумаге такие простейшие орудия труда, как топор, молоток или пилу. Эти рисунки «по памяти» (в виде графических репрезентаций или рисунков) будут в чем-то различаться, но обязательно совпадут в главном – они (и для нас это архиважно) «повторят» характеристики, которые вербально зафиксированы в дефинициях слов, обозначающих артефакты, которые соотносятся с «орудийной картиной мира».

И еще на одном важном моменте следует остановиться. Мы называем перечисленные выше орудия труда на том основании, что они не сложны по своему конструктивному замыслу и для пользования ими не нужна энергетическая подпитка извне.

Вместе с тем, к разряду орудий труда относятся также инструменты, работающие, например, на электрическом токе (то есть более сложные по

своему устройству), дефиниции которых не столь развёрнуты, так как сообщаемой в их определениях информации вполне достаточно, чтобы у среднестатистического носителя языка сложилось общее представление о каждом из этих агрегатов. Так, дрель – *«ручной инструмент для сверления отверстий»* [СТСРЯ, 2003: 175]. Перфоратор – *«прибор для пробивания отверстий, дыр»* [ТСРЯ, 2005: 452].

Краткость в словарных определениях подобных приспособлений служит хорошим доказательством «лингвистического разделения труда».

2.1.2. Стирание образов орудий труда из социальной памяти народа

Цель дальнейшего анализа заключается в выявлении тех изменений в словарных дефинициях простейших устройств, которые они претерпели с течением времени.

Прежде всего, следует отметить, что некоторые (особенно сельскохозяйственные орудия труда, на смену которым пришла более современная техника) настолько устарели, что в нашем сознании их конструктивные элементы оказались полностью утраченными, хотя лексемы, их означающие, закрепились в социальной памяти народа.

Сказанное относится также к именам старинных орудий труда, которые по-прежнему продолжают служить человеку, но словарные обозначения их деталей, потерявших свою актуальность, или полностью забыты, или с трудом вспоминаются. Далее на этом факте мы остановимся более подробно, обратившись к примерам, почерпнутым из словарей, изданных в разные периоды нашей истории.

Вот некоторые из этих примеров:

Борона

Полное представление о бороне, древнем примитивном пахотном орудии, отражает словарное толкование В.И. Даля: *«земледельческое орудие для*

скороженья, бороньбы, для разбивки комьев после вспашки, для выровнения вспаханного поля и зарытия посева; крестьянская борона, из двойных продольных и тройных поперечных грядок, решеткою в 15 клеток, связана вязками, витнями в кои заклинены зубья. Самая простая борона у нас, по легкой, северной почве - суковатка: еловые жерди, на коих покидаются сучья в две четверти длиною (смычьё), или расколотые для этого суковатые лесины связываются вицами, закрутками, и ими же привертываются к оглоблям. На глубокой, плужной пашне употребляют тяжелую борону, с железными зубьями; на неровной, кочковатой или твердой - коленчатую, которая перегибается во все стороны звеньями» [Даль, 1956, т.1: 116-117].

В словаре С.Д. Ушакова, впервые вышедшем в 30-х годах прошлого века, отдельные детали бороны, потерявшей свою актуальность, выпадают из дефиниции слов. Хотя и не полностью, некоторые подробности устройства этого сельскохозяйственного орудия еще сохраняются: *«земледельческое орудие, состоящее из рамы с вертикально направленными зубьями, служащее для мелкого рыхления почвы» [ТСРЯ, 2005: 136].*

В современном крестьянском хозяйстве борона вышла из повсеместного употребления, и в лексикографических источниках она трактуется как *«сельскохозяйственное орудие для рыхления вспаханной земли» [МАС, 1999, т.1:108].*

Соха

Соху, являвшуюся главным почвообрабатывающим орудием русских крестьян до 30-х годов XX века, В.И. Даль описывал следующим образом: *«самое простое крестьянское орудие пашни; основа сохи колодка, поперечный чурбан, в колодку вделываются наглухо спереди обжи (оглобли), сзади рукояти, разного вида, рассохой (рогаль) или поперечным брусом (казачка); под колодкой полоз, подошва или рассоха, на развилке которой насаживаются сошники, лемехи; над ними полица, железная лопаточка, которой ручка закручена под (при) тужинами (веревкою накрест),*

перекладывается по обе стороны и служит для отвала земли» [Даль 1956, т.4: 283]. Дается подробная информация об устройстве и дизайне данного орудия труда с употреблением слов - архаизмов.

Из числа характеристик, упомянутых ранее, в современных толкованиях фиксируется лишь предназначение инструмента: *«примитивное сельскохозяйственное орудие для вспашки земли» [СРЯ, 1981: 669].*

Последняя дефиниция выявляет интересную особенность механизма социальной памяти: процедурные знания об орудиях труда, их производственная предназначенность оказываются более устойчивыми к воздействию времени, чем присущие им «картиночные» характеристики, индуцированные декларативным знанием.

Более того, можно высказать предположение, что для современного поколения молодых людей, изображение сохи (в отсутствие исторических пояснений) может остаться не узнаваемым, а для самых юных носителей языка само слово «соха» способно обернуться «пустым звуком». Это явление хорошо подметил автор романа «Черная обезьяна» В. Пелевин, описывая занятия малышкой с русской «азбукой в картинках»: *Иллюстрацией к букве «С» была соха, которую я в последний раз видел более четверти века назад. Для детей соха имела столько же смысла, сколько синус или секвестр (Пелевин, 2011: 109).*

Плуг

По В.И. Далю, плуг - это *«самое тяжелое пахотное орудие, сабан, употреблявшееся на юге и юго-востоке для оранья под пшеницу, волами. Лемех, отрез и большею частью столб в плуге железные, грядиль, чапина и др. части деревянные. Отрез или нож - основное отличие плуга от сохи; косуля или сохи с отрезами представляют уже переход к плугу, который не роет только землю бороздой, а подымает отрезанный пласт и переворачивает его» [Даль, 1956, т.3: 130].*

Древность плуга как сельскохозяйственного орудия труда подтверждается и употреблением таких архаичных лексем, как «сыбан», «грядиль» и «чапина».

В словаре С.Д. Ушакова плуг описывается по-другому. В приводимой им дефиниции не упоминаются отдельные элементы дизайна, функциональной предназначенности: *«сельскохозяйственное орудие с широким изогнутым металлическим лемехом для вспашки, разрыхления почвы перед посевом»* [ТСРЯ, 2005: 533].

Лексикографические толкования современных авторов еще менее дифференцированы: *«сельскохозяйственное орудие с широким металлическим лемехом или диском для вспашки земли»* [МАС, 1999, т.3: 146].

Цеп

Цеп – *«ручное деревянное орудие для молотбы, состоящее из длинной ручки и прикрепленного к ней ремнем (или веревкой) короткого била»* [Даль, 1956, т. 4: 178]. В современной трактовке это определение может выглядеть следующим образом: *«ручное орудие для обмолота зерновых»* [СТСРЯ, 2003: 915].

Список приспособлений, привычных для быта наших предков, может быть продолжен.

Прялка

«Прялка – снаряд для пряденья без веретена». Далее В.И. Даль объясняет действие прялки: *«одна рука тянет нитку из кудели, а нога, подножкой, обращает колесо»* [Даль, 1956, т.3: 533].

В современной интерпретации прялка – *«простейшая машина для ручного прядения, приводимая в движение педалью»* [МАС, 1999, т.3: 551].

Таким образом, для носителей современного русского языка дефиниция прялки может рассматриваться как описание музейной реликвии, для

которого подробное толкование каждой конструктивной детали, неизменного спутника жизни наших предков – вещь познавательная, но лишь с исторической точки зрения, а для справки годится то упрощенное описание, которое дают современные словари.

Кстати, обратим внимание на столь же подробный взгляд В.И. Даля на веретено: *«простое, ручное орудие для пряжи, для ручного прядения: деревянная, точеная палочка, четверти в полторы, острая к верхнему концу и утонченная к нижней трети, с зарубкою и круто заостренной пяткою»* [Даль, 1956, т.1: 180].

В наши дни нет необходимости вдаваться в подробности описания веретена, предмета давно ушедшего в историю крестьянского быта, хотя нельзя сказать, что слово «веретено» звучит как «заумь» для человека, говорящего по-русски. Это слово сохраняется и в словаре современного русского языка. По С.И. Ожегову, веретено – *«приспособление для прядения, представляющее собой утолщенный стержень для навивания нити»* [СРЯ, 1981: 67]. Более того, в сознании большинства носителей русского языка живы сказания о принцессах, обреченных на долгий сон из-за укола веретеном.

Не будет ошибкой сказать, что словарь В.И. Даля – не только музей слов, но и музей вещей. Уже объяснялось, что великий русский лексикограф объясняет бытовавшие в его пору орудия труда исключительно подробно, часто используя для описания этих орудий слова, давно вышедшие из употребления.

Однако любопытно и другое: сама реалья может никуда не исчезать, ее образ по-прежнему сохраняется в социальной памяти народа, но одна или несколько деталей этой реалии просто «выпадают» из поля зрения человека, а вместе с ними и слова, некогда их обозначавшие, предаются забвению. Данный факт будет отмечен и в нижеследующем примере.

Коса

По В. И. Далю, коса – «*длинный кривой нож для подрезки травы на сено, для съёмки с корня хлеба, в полосе этой отличают само лезвие, и загнутый для крепости обух, да пятку и носок. Посредством кольца и клина коса насаживается пяткой на косовище*» [Даль, 1956, т.2: 172]. «*Пятка косы*» - крюк, которым она насаживается на косье (иначе – косовище), а ее «*носок*» - острая часть орудия.

В более поздних источниках «*пятка*» и «*носок*» «выпадают» из описания косы.

2.1.3. Русские наименования орудий труда в контекстных реализациях

Продолжая начатый разговор об орудиях труда в языке, перейдем от их лексикографических толкований к репрезентации лексем в тексте, а именно – рассмотрим случаи, когда одной конструктивной детали какого-то инструмента достаточно для того, чтобы в нашем сознании объективировался целостный образ артефакта в формате «инсайта», объединяющий все присущие данному инструменту характеристики.

Высказанная на уровне гипотезы мысль оказывается аналогичной замечанию М. Минского о том, что лишь по одному элементу объекта можно реконструировать другие части, его составляющие, даже если они недоступны наблюдению. Так, человек редко видит все четыре ножки стула и никогда – все стороны ящика. Эти недостающие элементы будут восстановлены «по умолчанию», так как у нас есть сведения о том, что стул имеет сиденье, спинку и четыре ножки [Минский, 1988: 289-290].

Также «по умолчанию» в совокупности всех своих признаков будет восприниматься образ артефакта, поименованного в подобранных нами примерах из произведений художественной литературы, по «подаче» одного из этих признаков, закрепленного за отдельно взятой «конструктивной»

деталью «орудийного» примитива и как бы вынесенного за границы искомого образа.

Дело в том, что в соответствии с коннекционалистской моделью памяти, предложенной Макклемандом, информация о людях, событиях и предметах хранится в нескольких взаимосвязанных ячейках, а не сконцентрирована в одном месте. Последовательное извлечение информации об определенном лице, событии или объекте заключается в доступе к одному или нескольким элементам памяти, за которыми следует активация других существенных деталей. Такой подход позволяет системе памяти работать эффективно даже в тех случаях, когда какой-нибудь один из элементов данной совокупности окажется ущербным. Отсюда в когнитивной науке возникает такой термин, как «память, базирующаяся на знании» (knowledge-based memory). [Blackwell, 1994: 83].

Подчеркнем еще один момент – сразу понятным становятся «отступления от нормы» в указанных выше деталях, которые – с позиции наших знаний об объектах – нарушают «внутреннее видение» человеком орудий труда.

Анализируемый материал вновь подводится под уже известные рубрики.

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ

Борона

Нижеследующие иллюстрации дают представление об устройстве бороны:

*Борона старая, мы с хозяином из нее **колышки** берем* (А. Орлов. Тайный друг Её Величества).

Имеется в виду демонтаж бороны, вышедшей из строя. Колышек – одна из ее конструктивных деталей.

Отдельно могут быть упомянуты зубья бороны:

*Стальная борона с остро наточенными **зубьями** воткнулась ему в грудь* (С. Зверев. Южный фронт).

Плуг

В предложениях, описывающих работу плуга словами, выделенными жирным шрифтом, именуются детали, совокупность которых обеспечивает его функциональную предназначенность:

*Набухшие водой вспаханные пласты уже не отваливались за **лемеха**. Они распирали плуг, лезли **на раму*** (Ч. Айтматов. Верблюжий глаз).

*Плуг то и дело выворачивало из борозды, где **ножи** скрежетали по кремню* (Ч. Айтматов. Верблюжий глаз).

*Когда запряженный тремя, четырьмя парами круторогих быков тяжелый плуг режет в бескрайней степи борозду, отбеленный **лемех** отваливает жирную, маслянистую землю* (А. С. Серафимович. Железный поток).

Серп

Обратим внимание на конструктивный элемент серпа:

*Старый заржавелый серп с отполированным до блеска **цевьем**, (цевье – стержневая часть инструмента) - все раскрывало мне особый мир красоты* (Ф. Абрамов. Деревянные кони).

*Крошечный серп на длинной **рукояти** ужасно мешает и кажется совершенно бесполезным* (С. Логинов. Высокие технологии).

Действительно, рукоятка серпа должна быть короткой, иначе работа им затрудняется.

Вилы

Если зубцы – неотъемлемая часть вил, то обломанный черенок – дефект, нарушающий целостность образа:

*Особо впечатляли вилы с навозной накипью **на зубцах** и нарочито **обломанным черенком*** (М. Елизаров. Библиотекарь).

Длинная ручка обязательна для работы этого инструмента:

*Зажгите факелы и приготовьте вилы на длинных **ручках** (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).*

*Это ещё хуже - всаживать вилы в толстый, сухо-упругий сноп, подхватывать скользкую **рукоятку** вил коленом и с маху, до боли в животе, вскидывать эту великолепную шуришащую тяжесть (И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность).*

Коса

Пример со словом «коса» вербализует практически все ее конструктивные элементы:

*От прежнего хозяина дома ему досталась коса – старая, потемневшая от времени **рукоятка**, отполированная от многолетнего использования, и такое же старая металлическая часть: черное железо и остро отточенное блестящее **лезвие** (А. Родин. Агния).*

Отсутствие в облике косы хотя бы одной детали незамедлительно осознается:

*Коса была со сломанною **ручкой**, и **лезвие** ее, почерневшее от сырой травы, было тонко и глубоко выедено бруском: видно, что коса много послужила на своем веку (Г.И. Успенский. Не случись).*

*Около него лежала маленькая котомка и коса **без черенка** (М. Горький. Челкаш).*

***Острие** затупилось, и, сколько Степа ни шаркал по нему бруском, коса у же не срезала, а только приминала траву (А. И. Мусатов. Стожары).*

Грабли

Приводимые ниже выдержки из художественных текстов заостряют внимание читателя либо на «ущербном» для восприятия состоянии инструмента, либо неправильном обращении с ним.

*Взял он грабли с **вывалившимися зубьями**, принялся чинить (Н. Дубов. Небо с овчинку).*

*В ее руках грабли, обернутые **рукоятью** вниз, а **зубцами** вверх* (Г.И. Успенский. Пришло на память).

*Шофер слез, обошел машину, выругался, подняв с земли оброненный кем-то **железный зуб** от грабель* (А. Гайдар. Дым в лесу).

Лопата

Факт наличия той или иной детали инструмента, выраженной словом, или указание на полное отсутствие этой детали либо вписывается в хранимый в сознании образ, либо приводит к своеобразному «обману ожидания». Сравните:

*У него в котомке была **железная лопата без черенка*** (В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю).

*В середину сугроба была воткнута лопата с **длинной ручкой*** (Т.Устинова. Большое зло и мелкие пакости).

Лом

Лом по определению – прямой заостренный стержень, и отклонение от нормы сразу же бросается в глаза:

*Тут же валялось орудие разрушения – **согнутой**, с заостренным концом лом* (А. Проханов. Господин Гексоген).

Инструменты для работы с деревом или металлом

Топор

Описывая операции с использованием топора, авторы часто упоминают части его устройства:

*Веревка порвется, топор соскочит с **топорища*** (А. Белянин. Свиный ландграф).

Топорищем называют ручку топора. См. также:

*И топор такой удобный – легкий и острый, **топорище** изогнуто, как лук, и гладкое, будто лакированное* (Н. Дубов. Огни на реке).

Как известно, обух – тупая сторона топора, противоположная лезвию:

*Наконец человек в белом халате заносит над бочкой **обухом** топор* (А. Иличевский. По краям света).

Пила

Нижеследующий отрывок свидетельствует состоянии орудия труда, при котором его функционирование может быть затруднено:

*Пила! / На твоей струне заржавели все **зазубрины*** (С. И. Кирсанов. Возвращение. Больничная тетрадь).

В других примерах имеются указания и на предназначение орудия, описывается процедура работы с пилой.

Два приводимых нами примера интересны тем, что на фоне «сценарных» действий пилы проявляются ее важные детали – наличие у зазубренной ленты двух деревянных ручек – слева и справа.

*Свободная **рукоятка** болталась, пила гнулась и соскакивала* (А. Кузнецов. Бабий яр).

*Твое дело держать **ручку**, чтоб пила не вихлялась* (Р. Б. Ахмедов. Промельки).

Молоток

Конструктивный «дизайн» молотка может быть представлен в виде схемы:

*Обыкновенный молоток, поставленный стоймя, если ему менять форму на ударника, делается схож то с **Т**, то с **Г*** (С. Д. Кржижановский. Московские вывески).

*Достаточно приварить к опоре железный **стержень** или трубу - и молоток готов* (К. Скворцов. От кубка до рыцарского шлема).

Требуется воображение для того, чтобы представить не совсем обычный молоток:

Не клюка была у Патлатой, а железный молоток на длинной деревянной ручке (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны).

Обычно рабочую часть молотка называют «головкой», но оказывается, что ее можно именовать и по-другому.

Дед слюнявил молоток и тонко оттягивал лезвие (С. Есенин. Полное собрание сочинений).

Употребление слова «лезвие» применительно к молотку звучит несколько непривычно (см. определение «лезвия» - острый край металлического орудия). По всей вероятности, речь идет о противоположном конце «ударной» (плоской) части молотка.

Рубанок

Поведение конструктивных деталей рубанка во время его эксплуатации хорошо иллюстрирует эпизод из русского ремейка итальянской сказки:

Джузеппе взял рубанок, стукнул молотком по задней его части, вылезло лезвие, положил полено на верстак и повел стружку (А. Н. Толстой. Золотой ключик, или приключения Буратино).

Тот, кто держал в руках этот инструмент или видел его в работе, знает и про ручку рубанка:

В конце концов, раздался громкий хруст, и у рубанка отломилась ручка, за которую мастер придерживает инструмент (В. Васильев. Новогодний дозор).

Щипцы

Графический образ щипцов передается следующим образом:

Щипцы, если им развести концы, превращаются в X (С. Д. Кржижановский. Московские вывески).

Домашняя утварь

Ухват

В художественных произведениях содержатся также отдельные примеры, позволяющие лишь по одному элементу восстановить целостный образ предмета - атрибута каждой деревенской избы:

*Хозяйка сложила руки на **черень** ухвата и с минуту молча смотрела в огонь* (М. Бубеннов. Белая береза).

***Ручка** ухвата трещала и гнулась* (Ф. В. Гладков. Повесть о детстве).

Кочерга

Узнаваема и «схема» кочерги:

*В руках у него был загнутый на конце **железный прут** - кочерга* (В. Козырев. Билет в один конец)

Нож

Нижеследующие примеры вербализуют все конструктивные элементы приспособления, щедро снабжая их подробными характеристиками:

*На пакете лежал нож с почернелой деревянной **ручкой** (ручка, должно быть, была когда-то крашеной, а узкое, съеденное жизнью **лезвие** – широким* (А. Волос. Недвижимость).

*Неожиданно резко она вырвала из рук Сергея нож – длинный и узкий выщелкивающийся **клинок** в зеленоватой перламутровой ручке* (А. Кабаков. Сочинитель).

Упомянуты могут лишь отдельные детали:

*На ребрах лежал массивный железный нож с костяной **рукояткой*** (В. Гуляев. Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия).

Отсутствие одной из частей орудия сразу бросается в глаза:

*Оказывается, там был тайник, куда приходилось прятать все мало-мальски ценное: солонку, нож **без ручки** (А. Волос. Недвижимость).*

Ножницы

О «составных» элементах ножниц свидетельствуют нижеследующие примеры:

В руках - тупые ножницы с гвоздем (С. Черный. Сбор винограда).

*Он взял ножницы с ярко-зелеными веселенькими пластмассовыми **ручками** (А. Гаррос, А. Евдокимов. Головоломка).*

Хотя в примере не уточняется форма ручек, она легко представляема.

*Он раскрыл ножницы, провел **по лезвию** тыльной стороной ладони (А. Троицкий. Удар из прошлого).*

Разумеется, что у ножниц не одно, а два лезвия. И это вполне понятно. Своеобразной инструкцией по применению орудия служат приводимые ниже примеры:

*Кужельников, не снимая перчаток, взял ножницы двумя руками, сомкнул **лезвия**, и концы шпагата разлетелись, затрепетали на ветру (В. Войнович. Монументальная пропаганда).*

*Со стеклянной полочки левой рукой взял ножницы, блестящие, новые, слегка изогнутые в концах, продел в **кольца** ножниц большой и средний пальцы правой руки и пощелкал ножницами в воздухе (М. Мишин. Девять десятых).*

*Я уже поднес к пальцу ножницы, уже развел **кольца**, как вдруг ударил телефонный звонок (М. Мишин. Девять десятых).*

Игла

В художественных текстах можно найти указание на деталь, без которой не мыслится обыкновенная иголка:

*Вам понадобятся крепкие нитки и длинная игла с широким **ушком** (Е. Мельникова. Жатва на болоте).*

*Вы скажете, что иголка **без острия** никуда не годится?* (Ф. К. Сологуб. Звериный быт).

Шило

Ручка (черенок) и острие в виде толстой иглы – вот техническое устройство шила:

*Шило торчало над глазом толстым **черенком** и сидело крепко.* (Ф. В. Гладков. Повесть о детстве).

*Он вырвал из доски в стене длинное, тонкое шило на деревянной **рукоятке*** (П. Алешковский. Жизнеописание Хорька).

*Под ковриком лежало шило с плоской **ручкой** и длинным тонким **острием*** (Н. Александрова. Попугай в пиджаке от «Версаче»).

Подведем черту под иллюстрированным материалом, собранным для подтверждения того факта, что одной детали вполне достаточно для возникновения в нашем сознании целостного образа конкретного артефакта.

Если обратиться к дефинициям приведённых нами «орудийных» примитивов, то легко убедиться, что слово, «индуцирующее» «мыслительную картинку» инструмента, находит в них свое достойное место.

С нашей точки зрения, особый интерес представляют переносные значения слов «орудийной» тематики, к анализу которых мы переходим.

2.2. Коннотативные значения «орудийных» лексем, выявляющие их антропоцентрическую сущность

Для осуществления поставленных целей обратимся к метафорическим переосмыслениям орудий труда, по-своему воссоздающим их внешний вид и образы действий, совершаемых с их помощью. Нас интересовали номинации

«орудийных» примитивов, которые так или иначе сопряжены с именами, обозначающими части человеческого тела – соматизмами.

Вспомним еще раз важную для нас идею «органопроекции», развитую Э. Каппом, суть которой заключается в следующем: человек изобретает и конструирует приспособления по своему образу и подобию, передавая им собственные функции. Орудия находятся в таком глубоком родстве с человеком, что они могут быть поняты как проекции человеческих органов [Капп 1925: 95-104].

2.2.1. Образные переосмысления орудий труда в метафорах и сравнительных оборотах русского языка

В данном разделе предметом нашего анализа являются не только метафоры, но и сравнительные обороты с союзами «как» («словно», «будто»), которые также способны вызывать в памяти человека образы орудий труда, и в этой ипостаси мы ставим их в один ряд с метафорическими оборотами речи.

Указанные выше случаи интересны для нас тем, что в них затрагивается процесс как «прямой органопроекции», при котором орудия труда уподобляются человеку и органам его тела, так и «обратной органопроекции», уподобляющей человека орудиям труда.

Начнем с рассмотрения случаев прямой органопроекции, - и на этот раз – в ее лингвистическом варианте, предполагающих проекцию названий, соматических по своему первичному значению, на объекты «ближайшего» для человека мира, имеются ввиду предметы, типа: **ручка** двери, **ножка** стула, **язык** колокола, **ушко** иглы, **горлышко** бутылки и т.д.

В отличие от органопроекции в ее историческом аспекте (рука – прообраз граблей, молотка и других простейших орудий труда), в данном случае речь пойдет об органопроекциях, запечатленных в «орудийной» терминологии в виде «стертых» метафор, с одной стороны, утративших аллюзию к

конструктивным элементам человеческого тела, а с другой, своей формой, а иногда и своей функцией, вполне оправдывающих ту вербальную оболочку, которая когда-то была для них придумана.

Среди таких терминов нетрудно найти номинации, представленные в уменьшительно-ласкательной форме, типа **бородка** (деталь топора, поддерживающая топорище спереди), **язычок** (подвижная, укрепленная одним концом пластинка – «язычок» рубанка), **шейка** (узкая, утонченная часть чего-либо), **головка** (массивный брусок молотка, насаженный на рукоятку), **кулачок** (подвижное, толкающее звено в различных приспособлениях), **щечки** (название боковой части щипцов или плоскогубцев), **ушко** (отверстие в иголке для продевания нитки), или производные слова от соматизмов, типа: **проушина, зубец, ручник, рукоятка, подножка** и т.п.

От слова «рука» образовано имя тяжелого ручного молота – **ручник**. Остроконечные «волны» рабочей части пилы получили название **зубьев**. **Щека** выступает основанием для именованья боковой стороны лезвия топора. Концы клещей, тисков и некоторых других инструментов, служащие для зажима, известны как **губы**. **Плечо** – это термин, служащий для обозначения части рычага от опоры до точки приложения силы.

Впрочем, едва ли можно назвать все эти метафоры окончательно «стертыми», так как связь их с прототипами в определенной степени все же ощущается. Например, *мялка* для кожи называется *губой* или *языком*. При этом основанием для метафоризации выступает не столько внешнее подобие, сколько функциональное сходство. Точно также другие детали получают антропоморфные по своей сути наименования. Так, *рукоятка* косы называется *рукой*. *Пупок* – другое название этой же детали. Для метафорического переноса в данном случае значима соотнесенность расположения частей относительно целого: и пуп человека, и ручка, за которую держится косарь, расположены приблизительно в центре целых объектов – человека и косы. *Бабка* – это *камень для заточки* косы. В

представлении русских людей баба обладает дородностью, статью, крепким телосложением, что визуально соотнесено с формой камня. Переосмысливается поведенческая характеристика человека. *Лентяйка* – это *швабра* с зажимом [Ермоленкина 2002].

К сказанному добавим, что основой для таких переносов служат знания людей о внешнем облике орудий, их конструктивных элементах, а так же функции, принципе работы, характере выполняемых действий.

Вот как в образных репрезентациях выглядят:

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ

Борона

На сельскохозяйственное орудие «борона» проецируются как наименования анатомических атрибутов человеческого тела, так и описания совершаемых ими действий. Перед нами – случаи «прямой органопроекции». Детали бороны – зубья, схожие с орудием по форме и по выполняемым движениям, следует рассматривать как «стертую» антропоморфную метафору.

Шла борона прямехонько, Да вдруг махнула в сторону - На камень зуб попал! (Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Под навесом бревенчатого сарая скалила отполированные пахотой зубья_длинная борона (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев).

Вилы

Формы деталей вилок похожи и на зубы, и на руки своего антропоморфного прототипа:

Мужик стоял уже в пяти шагах, сжимая в руках короткие четырехзубые вилы (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев).

*Мужчины покрепче берут трехрогие, специально для этого, вилы с длинными **ручками** и подают солому наверх (Обобщенный очерк. Тимофей, Евдокия и четверо их сыновей).*

Грабли

*Грабли, обёрнутые рукоятью вниз, а **зубцами** вверх, играют в руках (Г. Успенский. Пришло на память).*

Инструменты для работы с деревом или металлом

Топор

Слова, называющие части человеческого тела, способны переноситься на орудие труда благодаря их сходству формы:

*Топор зло косил блестящим кривым **носом** (М. Гиголашвили. Чертово колесо).*

Пила

Как уже неоднократно отмечалось выше, зубы в своем источнике тоже «списаны» с человека:

*Пила такая **зубастая** (М. Горький. Фома Гордеев).*

Стоит задуматься над тем, что рабочие детали целого ряда инструментов называются «зубами», «зубцами», «зубчиками». Так, например, в романе М. Горького «Жизнь Матвея Кожемякина» читаем: *Боря проколол себе ладонь о **зубец** гребня, когда, шая, чесал пеньку.*

Не только форма, но и функция человеческих зубов (разжевывание пищи – первое условие жизнеспособности человеческого организма) были в свое время осознаны, смоделированы обликом простейших инструментов и даже своими названиями подтвердили, откуда идея их изобретения была заимствована.

Молоток

Молоток по внешним параметрам сравнивается с головой.

*Давид, наш завхоз, парень неплохой, порядочный, но молоток, который всегда при нем, ничем, поверь, от его **головой** не отличается* (Д. Рубина. Последний кабан из лесов Понтеведра).

Лопата

Усматривается сходство внешних очертаний ноги человека и черенка лопаты.

*Глупо ждать, пока тебя догонит **одноногая**, но проворная лопата* (С.Д. Кржижановский. Мост через Стикс).

Рубанок

Характерный силуэт людей послужил основой для метафорического переосмысления рубанка:

***Горбач** – в профессиональной речи рубанок для строгания выпуклых или вогнутых поверхностей* (СРЛЯ, 1992, т.3).

Клещи

Клещи, в свою очередь, оказываются «зубастыми».

*Она достала **зубастые** клещи в кровавых пятнах и приготовилась* (А. Терехов. Каменный мост).

Однако не менее интересен и любопытен и реверсивный процесс. Если метафоры и образные сравнения считать иллюстрацией идеи органопроекции, то нельзя обойти стороной случай, обратный данному явлению.

Приведем примеры «обратной органопроекции», уже зафиксированные словарями. *Колотовкой* (колотовка - деревянное приспособление для взбивания масла, теста) могут называть болтунью, сплетницу. *Мешалка*

(мешалка - деревянная палочка для размешивания) – это легкомысленная, болтливая женщина. Болтливый, пустой человек именуется *мутовкой* (мутовка - лопаточка с кружком или спиралью на конце, служащая для взбалтывания или взбивания). *Брызгайка* (устройство, разбрызгивающее воду), - еще одна номинация для женщины, любящей много и попусту говорить. *Гнетень* (пресс, используемый при засолке овощей) в переносном смысле – тяжелый, неуживчивый человек. *Зажим* (пресс) – скажут о скупом человеке [Ермоленкина 2002].

Рассмотрим случаи «обратной органопроекции», описанные в произведениях художественной литературы.

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ

Борона

Приводимое ниже выражение указывает на сходство внешних очертаний бороны и волосяного покрова на подбородке у мужчин:

*У него усы - что возжи, **Борода** - что борона* (М. Горький. Фрагменты выступлений Горького на I-ом Всесоюзном съезде советских писателей).

Соха

Словом «соха» проводится аналогия между человеком и конфигурацией древнейшего орудия для вспашки земли:

*Ну, чего **стал**, как **врытая соха**?* (М. А. Шолохов. Поднятая целина).

Плуг

Иногда объектом сравнения становятся совершенно несравнимые, на первый взгляд, вещи:

И смех этот, как плуг, поднимает глубокие пласты современной жизни (Л.К. Чуковская. Памяти Фриды).

Нельзя не поставить знак равенства между действием плуга и человека (без знаний о том, как плуг работает, такое сравнение было бы едва возможным):

*Как тяжкий плуг, **проходишь** ты* (М. М. Пришвин. Дневники).

Серп

«Схема» серпа угадывается в нижеприводимых иллюстрациях:

*Желание иметь маленькую **ногу**, изогнутую, как серп, сделалось своего рода манией* (В. Д. Черевков. По китайскому побережью).

*Она погладила его длинное, как серп, густобровое худое **лицо*** (Д. Рубина. Высокая вода венецианцев).

Посредством «орудийной» метафоры могут быть продемонстрированы черты человеческого лица:

*Я вспоминаю серп ее **бровей*** (В. Ян. Чингиз-хан).

Вилы

В том же ключе видятся следующие примеры:

*Вот она: **стоит** растопырей, словно вилы, которыми сено на стог подают!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора).

*А у этой Любки **бабка** была длинная и худая, как вилы, белая* (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

В основу сравнения может быть положено функциональное назначение орудия:

*Он запустил **руки**, как вилы, в сани и выбросил на снег кучу грязнейших лохмотьев* (В. Я. Шишков. Пейпус-озеро).

Видится сходство в действиях людей и вил.

***Взвод** вонзился в село, как вилы в копну сена* (К. Воробьев. Убиты под Москвой).

В другом случае идет сравнение с речью.

А Завид Хотеныч он ведь такой: растопырит слово, что вилы, да и молчит (Е. Лукин. Катали мы ваше солнце).

Грабли

Конструкция граблей привычно ассоциируется с большими, часто неловкими руками.

Еленины руки, обычно теплые и ловкие, как грабли расхаживали длинно, дурацки и делали все самое ненужное, беспокойное (М.А. Булгаков. Белая гвардия).

Замерзаем. Руки как грабли (М.М. Пришвин. Дневники).

Он широко разбрасывал руки – длинные, как грабли, с медвежьими кистями (А.А. Фадеев. Разлив).

Громадная костяная кисть, на тонкой высохшей кости, поистине напоминала грабли (Г.И. Успенский. Непорванные связи).

Лопата

Приведем примеры сходства внешней конфигурации человека и лопаты, который как бы «примеряет» на себя ширину и степень толщины орудия.

Купец Рябинин, как лопата, тощий (В. Я. Шишков. Угрюм-река).

Купец Рябинин плоскотелый, как лопата (В.Я. Шишков. Угрюм-река).

Части тела «угадываются» в конструктивных особенностях инструмента. Образ орудия ассоциируется с лицом:

Курносое лицо его плоско, точно лопата (М. Горький. В людях).

Желтое продолговатое лицо Шауро было точно как эта лопата (Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды).

У него было очень обыкновенное лицо, каких много, не выражающее ничего, как лопата (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада»).

Он почему-то лизнул ладонь широким, как лопата, языком (В. Я. Шишков. Угрюм-река).

Борода моя – лопата (А. Белый. Деревня).

Объектом сравнения становится рука.

Рука на ощупь оказалась крепкая, шершавая и твердая, как лопата (А. Геласимов. Степные боги).

Все это проделывала одна и та же рука, грязная и большая, как лопата (А. Н. Толстой. Приключения Растегина).

Она с ужасом смотрит на широкую, как лопата, руку Федора (В. Осеева. Динка прощается с детством).

Он залез на кобуру широкой, как лопата, ладонью (С. Бабаян. Господа офицеры).

С лопатой сравниваются и другие органы человеческого тела:

Иевлев энергично почесал широкий, как лопата, затылок (М. Елизаров. Библиотекарь).

Лом

Знание конфигурации лома поможет нам представить горделивую осанку вождя:

Другой «мученик», тоже из социал-демократов, любил выражаться витиевато и затейливо, но тут – к зависти прямого, как лом, Иосифа Джугашвили, написал: ... (А. Яковлев. Омут памяти).

Аналогичен и следующий пример:

Сидел он - не шелохнувшись, неестественно прямо, словно лом проглотил (В. Кочкин. Право искушать).

Принцип работы инструмента проецируется на физиологическое состояние человека:

Боли шли полной волной, не давая никаких пауз, так что я положительно задыхался, словно раскаленный лом воткнули в живот и вращали (М. Булгаков. Морфий).

Инструменты для работы с деревом или металлом

Топор

Отмечены случаи, когда лицо человека ассоциируется с «картиночной» репрезентацией топора.

Лицо у нее как топор - сказала А.А. (Н. Иванова-Гладильщикова. Непубликованные воспоминания Любови Большинцовой об Анне Ахматовой)

Один высокий, худой, и морда худая и костлявая, узкая, как топор (Я.Веров. *Никогда не отвечайте незнакомцам*).

В следующих примерах объектом сравнения становится функция орудия.

На этот раз неожиданно брошенное слово уподобляется удару топора.

Это было то самое слово, которое она изредка обрушивала на него, как топор (Л. Улицкая. *Бедная счастливая Кольванова*).

Представления о резкости и четкости ударов лежат в основе и следующего сравнения:

Мой стих, членораздельный, как топор (В. Пелевин. *Generation «П»*).

Грубые действия человека отождествляются со способностью топора рубить.

Они – топор, которым рука может колоть дрова или орехи, или забивать гвозди, или отрубить голову (В. Войнович. *Дело №34840*).

В тридцатом году поднялся топор всеобщей коллективизации (В. Гроссман. *Все течет*).

В данном случае иносказание коллективизации свидетельствует об эмоциональной оценке этого слова.

Встречаются случаи сравнительных оборотов, в которых находится что-то общее между характером человека и его «орудийной» репрезентацией:

«Он грубоватый, как топор, может врезать палкой» (Ф. Чуев. *Ильюшин*).

«Саша был упрям, как топор» (А. Геласимов. *Год обмана*).

Пила

Внешний вид пилы проецируется на характер лица и тела человека.

Зубы-треугольнички - зубья пилы (М. Руина. Хищник в аквариуме).

Спина - острая, как пила (Ф. Д. Крюков. Зыбь).

Признаки пилы переносятся на характер кожного покрова больного.

«Кожа прокаженного была шероховата, как пила» (А. В. Амфитеатров. Мечта).

Представление о работе пилой перешло в значение слова «пила» в его метафорическом контексте. Пила – это человек, который постоянно и непрерывно кого-то ругает, упрекает по мелочам. Так скажут о ком-либо придирчивом, сварливом или резком. *Ну, и пила этот адмирал!* [БАС 1959, Т.9: 1185].

Монотонные повторяющиеся движения пилы переосмысливаются и в следующих контекстах, приобретая новое значение.

В это время они бомбят. Некоторые их зовут - пила для нервов (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

Молоток

В свою очередь, в ассоциативную игру способен вступить и молоток.

Вано растирает твердые, как молоток, пятки и садится (А. Мариенгоф. Циники).

В приведенных ниже иллюстрациях характер работы человека сравнивается с его действием:

Нужно использовать свой опыт и знания, как молоток или зубило в толще горных пород (И.А. Ефремов. Лезвие бритвы).

Петр трудился, как отбойный молоток (А.А. Бушков. Бульдожья схватка).

Другие примеры отсылают нас к сравнениям ударов молотка с психическим, физиологическим состоянием человека:

Кровь молотком стучала в голове, холодный воздух раздирал легкие, а лестница все не кончалась (Д. Глуховский. Метро 2033).

Стучало *сердце* в ней, как молоток (М. Ю. Лермонтов. Сашка: Нравственная поэма).

Неприятный озноб пополз по спине, руки задрожали, *по вискам* словно кто-то бил молотком (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).

Тяжелая *злоба*, точно холодный молоток, повернулась в его душе (А. П. Чехов. Учитель словесности).

Но *горе* - тупое, как молоток, бьющее по голове (М. И. Цветаева. Дневниковые записи).

Иногда своеобразная речь человека уподобляется характерным движениям молотка в процессе работы с ним.

Саша старался *говорить* быстро, но все сказанное получилось так, будто молотком ударили по гнилому ореху (З. Прилепин. Санька).

И кажется, что это не человек *читает*, а молоток о стену выстукивает эти ровные, мерные ничего не значащие слова (Г. В. Иванов. Петербургские зимы).

Плоскогубцы

Общая конфигурация человека сопоставима с плоскогубцами, где объектом сравнения становится степень толщины орудия:

Ты же *худой* был, как плоскогубцы (В. Мясников. Водка).

На плоскогубцы видятся похожими и части тела:

Ядреные заскорузлые *пальцы* взяли, стиснули сзади его локти, стиснули, как плоскогубцы (М. Шолохов. Поднятая целина).

В переулке около кафе-мороженого гортанные кавказцы с *усами* будто ножницы и плоскогубцы торговали дивными розами (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки).

Функция орудия «смыкать» переносится на физиологическое состояние человека:

*Тихо и долго он вставал, а **боль**, если не покачивалась, сомкнув внизу свои плоскогубцы, то палачески обозначалась* (А. Эппель. Сидящие во тьме на венских стульях).

Клещи

Выявляются примеры, в которых в фигуре человека прослеживаются черты еще одного орудия труда:

*Молчаливый желтоволосый детина с **длинным туловищем и короткими кривыми ногами** кавалериста - несуразное сочетание, делавшее его похожим на перевернутые клещи, действительно оказался пьян* (В. Пелевин. Чапаев и пустота).

В метафорическом плане клещам уподобляются руки:

***Руки** у нее были сильные, что клещи - из них никогда ничего не выскальзывало* (Г. А. Галахова. Легкий кораблик - капустаный листок).

*Огромные, страшные, как клещи, **руки** Горелова поднялись* (Г. Адамов. Тайна двух океанов).

С клещами сравниваются и пальцы:

*Его **пальцы**, как железные клещи* (А. Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги).

*И сдавил своими сильными пальцами, которые становились твердыми, как стальные **клещи*** (А. Рыбин. Последняя игра).

Ноги и колени могут так же походить на клещи:

***Ноги**, привыкшие бить по лошадиным бокам, какие-то выгнутые, похожие на железные клещи* (В.В. Верещагин. 1812 год).

*Ее **колени**, словно клещи, обхватывают голову Виолет и резко тянут ее вниз* (Б. Вербер. Зеркало Кассандры).

В следующих примерах клещи находят для себя новые объекты для образных сравнений:

***Зубы** были стиснуты, как клещи* (И. А. Бунин. Весенний вечер).

*Его жующие **челюсти** смыкались и размыкались, точно огромные клещи* (С.Н. Сергеев-Ценский. Маска).

С метафорическим переосмыслением функции клещей связывается психологическое состояние человека:

***Тоска** схватила в клещи ее сердце* (А. В. Амфитеатров. Отравленная совесть).

Несколько иное значение приобретается в другом примере:

*У него **внутри** все время клещи щелкают* (Д. Быков. Орфография).

На схожесть действий людей и инструмента указывает последний пример данного параграфа:

***Вцепились** в него, как клещи, и не оторвешь* (М. Бубеннов. Белая береза).

Щипцы

Внешний облик щипцов и их характеристики угадываются в описаниях хватки рук и пальцев человека:

*Огромными своими, как кузнечные щипцы, **руками** взял Марию за плечи* (Г. В. Алексеев. Мария Гамильтон).

*Она схватила мальчика за плечо **пальцами**, твёрдыми, как щипцы, рванула к столу, ткнула носом в букварь* (В. П. Катаев. Сын полка).

*Дидро спрашивает: какова разница между щипцами и **пальцами**, сдвинутыми наподобие щипцов? Ответ — я привожу его лишь частично - гласит: «Деревянные щипцы не чувствуют, щипцы из мяса чувствуют* (В.В. Лункевич. От Гераклита до Дарвина).

***Нос с подбородком**, словно щипцы, которыми щелкают орехи* (Н. В. Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала).

Домашняя утварь

Ухват

Форма ухвата – незамкнутый круг – годится для описания позы человека:

*Короткие черные **руки** она держит перед собой хватом* (В. Распутин. Последний срок).

В другом примере – та же «схема», мыслимая за формой протеза, используемого для замены верхней конечности. В этом случае «металлическая рогатка на длинной рукоятке» позволяет некоторым образом восполнить функцию руки:

*Сделал мне один мой дружок в МТС вторую **руку**, железную, вроде хвата, и вскоре сел я на трактор* (Э.Г. Казакевич. При свете дня).

Конфигурация хвата прослеживается и в ряде других ситуаций. Очертания рабочей части хвата усматриваются в образных сравнениях:

*Схватит этого беса хозяйка за хвост и не заметит, а он в человеческих руках от испуга разинет **рот** до ушей, как у хвата развилки* (С. А. Клычков. Чертухинский балакирь).

Тоже самое - в отношении усов:

*Лихо поднятые вверх русые **усы**, словно хватом подпирающие прямой дородный нос, а также весь его облик, его манера держаться - все это придавало ему вид свирепой воинственности* (А. С. Новиков-Прибой. Цусима).

Кочерга

Кочерга становится прототипом для метафорического описания рук и ног человека. Имеется ввиду их несогнутое положение:

*У него кочерга, а не **рука*** (А. Т. Аверченко. Подходцев и двое других).

В свою очередь, нога является «прототипом» кочерги:

*В углу у печки - кочерга, железная **нога**, вдруг грохнется?* (И. С. Шмелев. Лето Господне).

Нож

Конфигурация человека, принявшего определенную позу, видится похожей на нож:

Здесь же на маленьком диванчике лежал, свернувшись, как складной нож, Игорь Литвак и громко храпел (А. Маринина. Черный список).

Владимир согнулся, как перочинный нож (А. Житинский. Лестница).

На корточках, похожая на складной нож, Марья Гансоновна чистила во дворе картошку (Н. Катерли. Сквозь сумрак бытия).

Таким же острым, как нож, представляется и человек. На этот раз отмечено не внешнее подобие, а схожие характеристики:

Такой холодный и острый, как финский нож, сидит напротив меня Левка (О. Копытов. Скворец прилетает редко).

Дверь отдернулась – и в щель внедрился шарнирный и острый, как складной нож, начальник отдела информационной безопасности Михаил Анатольевич (А. Гаррос, А. Евдокимов. Головоломка).

С ножом сравнимы и органы человеческого тела:

Знаешь, так я устал, жизнь эта меня во как, - он прикладывал руку-нож к горлу (У. Нова. Инка).

Палец ее, как нож, был наставлен прямо в лоб моего звездолетчика (Н. Садур. Занебесный мальчик).

В следующих примерах объектом уподобления становится функция орудия.

Подчеркивается его характерная манера движения:

Попробуй по пути домой двигаться медленно и плавно, ты не нож (У. Нова. Инка).

Образ жизни представляется похожим на движения ножа:

Иван, Брюсов прошли по жизни, как горячий нож по маслу, - точно, экономно, сразу до доньшка (К. Кобрин. Письма в Кейптаун о русской поэзии)

И на своем пути пройду сквозь всякую тюрьму, как нож проходит сквозь масло (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет).

Входить, как нож, может и взгляд:

Это взгляд, который входит в тело врага, как нож (Д. Биленкин. Дыра в стене).

Другие примеры отсылают нас к сравнениям ножа с психическим, физиологическим состоянием человека:

Я сажусь на диван, и вдруг острая, как нож, мысль пронзает душу: «А к чему эта гонка?» (С. Есин. Имитатор).

В мою память история вонзилась, как нож (Ю. Трифонов. Старик).

Но если старший ребенок девочка, ей восторги по поводу младшей – нож острый (Н. Усольцева. Старший и младший. Детские войны).

Было чувство, ударившее, как нож, что он уже его прикончил, но пронзал ледяной озноб, и он с облегчением постигал, что выстрела совершить не успел, не мог (О. Павлов. Дело Матюшина)

Любовь сразила меня, «как финский нож» (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов»).

За счастье острое и колкое, как нож! (Т. Окуневская. Татьянин день).

Острая боль ударила как ножом (И. Грекова. Перелом).

Встречаются случаи сравнительных оборотов, в которых находится что-то общее между манерой вести беседу и резким действием ножа:

В ссору вошел, как нож в сырую землю, вспыльчивый и упрямый первенец (Д. Маркиш. Золотая башня).

Вопрос за вопросом шли, как ножи, и порезаться достаточно было на одном (А. Солженицын. В круге первом).

Ножницы

И вновь усматривается нечто общее между человеческой фигурой и всем знакомым бытовым предметом - ножницами:

Вообще всей своей фигурой он напоминал ножницы, опрокинутые острым концом вниз (М. Е. Салтыков-Щедрин. Игрушечного дела людишки).

Она похожа на раскрытые ножницы (А. Мариенгоф. Бритый человек).

*Когда он широко расставлял ноги, то длинная **тень** его походила на ножницы* (А. П. Чехов. В усадьбе).

Стойка, принимаемая кем-то в определенных обстоятельствах, уподобляется образу раскрытых ножниц:

См. ниже:

*Он мельком улыбнулся малышу, который вбежал ему в ножницы **ног*** (В. В. Набоков. Волшебник).

*Ловкими когтистыми **пальцами**, напоминающими стальные ножницы, она безжалостно ломала хрупкие стенки яичной скорлупы* (С. Евдокимов. Пятая колонка).

Отмечена параллель между ножницами и чертами человеческого лица:

*Как бы он ни повернулся - все равно у него только профиль, остро отточенный: сверкающее лезвие - нос, ножницы - **губы*** (Е. И. Замятин. Мы).

Имеются случаи, когда в сравнениях с действиями ножниц мы узнаем чью-то походку. Этот «кто-то» идёт, как на шарнирах, своеобразно передвигая ноги:

*Обе **ноги** медленно двигались, то расходясь, то смыкаясь, будто большие ножницы что-то с трудом перестригали* (В. Я. Шишков. Угрюм-река).

Интересны и сравнения ножниц с колючим взглядом (обратим внимание на то, что корень слова «ножницы» - «нож»):

*Его маленькие **глазки** лучисто улыбались, - казалось, из-под рыжеватых бровей высовываются два острия и, точно ножницы, стригут что-то в воздухе* (М. Горький. Мать).

Функция данного орудия способна переносится и на человеческую речь:

*Легкие **слова** ее тоже как будто металлически щелкают, точно маленькие ножницы* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Игла

Имеются случаи сравнения человеческого корпуса с иглой:

Худая, как штопальная игла, Мельпомена вздыхала да охала (И. Грошек. Реставрация обеда).

Таким же острым, как игла, представляется чей-то взгляд:

Взгляд у Сусанны сразу же стал пронизывающим, сухим и острым, как игла (С. Есин. Имитатор).

Колкой, как иголка, может быть и речь человека, и его вербальная реакция на нечто неожиданное:

Почти страшно было после утончённых, как игла, шуток Марциала (В. Я. Брюсов. Огненный ангел).

Все слова писаря, словно острая игла, кололи мне душу (И. Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида).

И в тот же миг дикий, тонкий и острый, как игла, женский крик пронизал бор и высоко вонзился в потемневшее небо (М. П. Арцыбашев. Смерть Ланде).

Неожиданно пришедшее осознание чего-то (чаще всего – неприятного) также сопоставимо с уколом иголки:

Скользнула острая, как иголка, мысль о личной погибшей жизни, но она потонула в ярком наплыве могучего чувства (М. П. Арцыбашев. Миллионы).

С действиями иглы связываются разные по своему характеру чувства человека:

Игла обиды прошла близко-близко у сердца (И. Ефимов. Суд да дело).

Любовь к Онисимову вошла в мое сердце, как игла счастья, но я ни в чем ее не выражала, мою любовь (В. Токарева. Центровка).

Шило

«Шило» - известное прозвище человека определенного склада. Знание конструкции орудия (по В.И. Далю шило - жало, острие тычком) позволяет ассоциативно соотнести его с тем, кто не способен усидеть на месте.

Однако этот же ярлык может быть «навешен» на чрезвычайно худого человека, конфигурацией своего тела напоминающего это орудие:

Он открыл глаза и обнаружил склонившегося над ним десятиклассника, носившего прозвище *Шило*, так как конституция его **тела** была очень сходна с этим колющим инструментом (Д. Липскеров. Последний сон разума).

Был он **тощим**, словно шило (Ф. Кеведо. Стихотворения).

Отмечены сравнительные обороты, в которых характеристики, присущие шилу, служат в качестве объективации поведенческих стереотипов:

Она, что называется, шило, то есть, видя всякую вещь насквозь, сверлом входила в ее обсуждение, сверлом выходя наружу (Б. Л. Пастернак. Начало прозы 1936 года).

Как шило, **тело** нырнуло в черную дыру спрессованного пространством времени и, проколов ее, разорвало время на тысячи кусков и кусочков (В. Скрипкин. Тинга).

Человек ловкий в движениях, вежливый, **острый**, как шило (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

Он на собраниях, как шило, **наострился** (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

См. также:

Выражение тупое и унылое было на веснушчатом лице его с острым, как шило, **носиком** (Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи).

Фиксируются и ассоциации, улавливающие сходство между частями человеческого тела и действием шила в процессе его работы:

Легко, как шило сквозь гнилую кожу, проходил неумолимый **язык** Тиунова (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

Нередко «шилообразным» оказывается чей-то взгляд, потому что он воспринимается как колкий и пронизывающий:

Смотрит острыми, как шило, серыми **глазками** (А. С. Серафимович. Железный поток).

Взгляд Сухого колот, как шило (В. Громов. Компромат для олигарха).

Глаза его блестели острой, как шило, **усмешкой** (М. Горький. Мать).

Это же самое сравнение можно провести и с речью человека:

Каждое из этих слов вонзалось, как шило, в оскорбленное сердце Агана
(Д. В. Григорович. Переселенцы).

Лексемы, обозначающие орудия труда, находят образное переосмысление и в загадках.

2.2.2. Образные переосмысления орудий труда в русских загадках

В «фольклоре малых форм» – загадках, как правило, фигурируют важные для жизни человека инструменты. Загадки нацелены на актуализацию их внешних образов и образов их действий, преднамеренно сокрытых в контексте зашифрованных задач.

Загадки рассматриваются с когнитивно значимых и антропоморфных по своей сущности позиций. В этом плане их двойственность заключается в том, что инициатор языковой игры часто прячет задуманные им орудия труда и их конструктивные детали (а мы говорим здесь только о таких загадках), за номинациями соматической природы, тем самым «возвращая» собственному антропоморфному образу те конструктивные элементы своего телесного «я», которые когда-то послужили прообразом при задумке и создании простейших инструментов, во многом облегчивших труд человека. Таким образом, процесс, называемый «органопроекцией», получает свое воплощение в загадках.

Этот факт можно проиллюстрировать следующими примерами:

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ

Борона

Внешний облик бороны представляется следующим образом:

Ног много, а с поля на спине едет.

Чтобы найти правильную отгадку, наверное, надо было непосредственно видеть перед собой это сельскохозяйственное орудие, или нацелить внимание того, к кому обращена загадка, на череду подобных артефактов. Иначе истолковать данный «ребус» будет совсем непросто.

То же самое можно сказать и о следующей загадке:

Соха

Три туловища, три головы, восемь ног, железный хвост, кованный нос.

Работающая в земле часть сохи, представленная в загадке, получает название «нога»:

Стоит сноха ноги развела.

В загадке «Баба Яга, вилами **нога**, кормит весь свет, а сама себя нет» внешняя «схема» орудия переносится на сказочный персонаж.

Нечто подобное наблюдаем в других загадках:

*Два посоха, одна **нога**.*

Сходство с человеком дополняется свойственной ему манерой перемещения «идти» и «ковылять»:

Деревянные ручки, железные ножки, шла, ковыляла, спину гнуть заставляла.

Само собой разумеется, что многие загадки архаичны, так же, как и стоящие за ними объекты. Современный носитель русского языка поймет, что перед ним загадка только по иносказательной форме ее плана выражения.

Плуг

Очертания режущей части плуга уподобляются «носу» человека:

Предназначение «роет» является подсказкой, наводящей нас на мысль об этом орудии:

Железный нос в землю врос, роет, калечит, зеркалом сверкает.

Серп

Форма серпа сопоставима с линиями, ограничивающими тело человека в его изогнутой позиции:

*Очень много он трудился, стал **горбатым**, искривился. Ему это не мешает, ловко хлеб он убирает.*

***Горбатый** дедка все поле выскакал.*

*Маленький, **горбатенький**, все поле обскакал / И сутул, и горбат, а все поле обскакал.*

Подчеркивается порядок действий, сезонность сельскохозяйственных работ:

*Ни свет ни заря пошел **горбатый** со двора.*

*Маленькой, горбатенькой два поля **оббежал**, год пролежал да опять **побежал**.*

Еще раз подчеркнем, что для современного человека загадки наших далеких предков часто остаются «вещью в себе», так как образы бороны, плуга и сохи практически «стерты» из памяти современных носителей русского языка.

О загадках, приводимых нами далее, можно сказать, что их затейливые определения «пробиваются» через толщу времен – они более понятны в наши дни, так как объекты их своеобразной «шифровки» - это предметы, которые еще не сошли со сцены деревенского, а иногда и городского быта.

Однако наша задача по-прежнему заключается в том, чтобы в каждом «загадочном» определении того или иного артефакта просматривалась связь задуманного инициатором языковой игры определенного орудия труда и способом его «очеловечивания понарошку».

Вилы

С человеком сравнивается устройство и функционирование вил:

Туловище деревянное, *голова* железная, по двору шныряет, золото собирает.

Коса

В основе метафорического сближения косы и человека лежит внешнее подобие их силуэта. Орудию «приписывается» обладание «носом» и «руками»:

Сама длинная, нос длинный, *а ручки* маленькие».

Наточили острый нос, колотили острый нос, поработал острый нос – увезли зеленый воз.

Грабли

Видится «сближение» деталей граблей с «пальцами» человека. Обыгрывается такое необходимое качество инструмента, как его заточенность. Подсказка дана в виде предназначения рабочего инструмента:

Стоят в один ряд острые пальчики – цап-царапки: подбирай охапки.

В другом случае предметом загадывания становятся зубцы граблей:

Зубастые, а не кусаются. Зубы имеют, а не кусаются.

Инструменты для работы с деревом или металлом

Топор

Внимание отгадчика акцентируется на устройстве топора, сопоставимым с частями человеческого тела: топору приписывается наличие «лица», «спины»:

Лицом к стене, *а спиной* к избе.

В игру вступает и функция орудия. Железная лопасть топора ассоциируется с «зубом»:

Кто железным, плоским зубом с елью справится и дубом?

Форма режущей части топора уподобляется голове:

Стальная голова порубила все дрова.

Приведем другие аналогичные примеры:

Что за Мастер? Крепкий Мастер! Полено развалил на части. Стальная голова поколола нам дрова. И в деревнях до сих пор Мастер славится.

На дворе дрова. Пришла стальная голова. Разлетелись чурбаны во все стороны! На дровишечки! На поленицы!

Метафорически обыгрывается форма инструмента:

В нём сучки и нос лопатой, со спиной он горбатой. Нарубил дров полон двор, как зовут его?

Он целый день звенел в бору густом, от инея белесым, а ночью, подойдя к костру заснул, в бревно уткнувшись носом.

Для хода дальнейшего исследования необходимо сделать следующую оговорку. В разделе, посвященном метафорическим переносам, мы не случайно не оговорили случаи персонификации «орудийных» примитивов, которые соотносились бы с функциональными характеристиками артефактов, хотя таких примитивов было достаточно (так, пила может пробовать доску на вкус, плеваться опилками, рубанок способен споткнуться, ножницы прыгать в руках человека и т.п.). Мы отказались от этого материала на том основании, что описание в виде персонификации действий, производимых орудиями труда, носят авторский характер, они часто варьируются, и, как правило, в общенародном языке не фиксируются.

Что касается загадок, то примеры метафоризации действий орудий труда, которые тесно сопряжены с персонификацией, нами не выбраковываются, потому что содержащие их загадки апеллируют не к «мыслительным картинкам», а именно к «сценарным» характеристикам своеобразно «зашифрованных» инструментов. Более того, формулировка загадок с их употреблением, нередко многократно воспроизводима:

Кланяется, кланяется, придет домой – растянется.

Описывается манера поведения, присущая человеку, при этом загадкой имплицитно описывается процесс работы с инструментом, принцип его действия, динамика:

Я, мой друг, хоть и железный, но зато такой любезный, если попадет на неровную доску, - вмиг подровняю ей бока. 100 поклонов отдам я ей, сразу станет доска ровней.

См. также:

*Хоть и **ростом** невелик, а к почтению привык: перед ним дубы, и клены, и березы бьют поклоны.*

Стук да звон! Стук да звон! – За поклоном – поклон. Только щепки вокруг.

*Захочу, так **поклонюсь, поленюсь, так повалюсь.***

Пила

Пила в загадках метафоризируется в качестве живого существа, имеющего «ручки» и «зубы»:

*Две **ручки**, во все брюхо **зубки**.*

В большинстве загадок актуализируется присущая «зубам» функция.

*Древесину **ест** едок, сто **зубов** в один рядок.*

То же в нижеследующих примерах:

*«Все пробует на **зуб**: и сосну, и клен и дуб.*

*Железная сестрица зубаста и остра: её и клен боится, и тополь, и сосна... и даже дуб боится попасть на **зуб** сестрице.*

Внимание сосредоточенно на последовательности выполняемых движений:

*Туда-сюда снует, что в **зубы** возьмет, на две части разжует.*

*Доски грызла и кусала, на пол крошек набросала, но не **съела** ни куска, знать, невкусная доска.*

*Принялась она за дело, завизжала и запела. **Ела, ела, дуб, дуб, поломала зуб, зуб.***

Одушевленная волей автора пила как бы удивляется сама тому, что у ее «зубов» отсутствуют признаки, свойственные зубам человека:

Зубы имею, а *зубной* боли не знаю.

Зубы есть, а хлеба не ем.

В других загадках наблюдается переход от образа того или иного орудия труда к образу действия. Перед нами разворачивается целый сценарий выполняемых движений, иногда (с позиции человека) по-странному не завершенных:

Скоро ест, а мелко *жует*, сама не *глотает* и другим не дает.

В следующей загадке пила также персонифицируется: «бежит», «визжит».

Поперек бревна бежит и от радости *визжит*.

Молоток

«Конструкция» человеческого тела проецируется на молоток:

Сам худ, а *голова* с пуд.

Сам с локоток, а *борода* с веник.

Отвертка

Металлический стержень отвертки представляется «ногой»:

Вострушка-вертушка уперлась в винт ногой, потерял болтун покой.

Подмечен принцип действия орудия:

Крутится матрешка на железной ножке.

Показана последовательность движений:

Она с винтом пустилась в пляс, а он, *кружась*, в доске увяз.

Плоскогубцы

Внешний вид плоскогубцев, а так же функция «хватать» делает их похожими на «рот».

Цепкий рот на тех сердит, кто зазря в доске сидит.

На этот раз дана инструкция работы с инструментом:

Губы плоские мои раскрывайте как свои.

Домашняя утварь

Ухват

Конфигурация ухвата ассоциируется с «ногой» или «рукой»:

*Две **ноги**, третья палка.*

*Две закорюки, одна **ножка**.*

***Однорук**, зато рогат, он в избе первейший хват.*

Кочерга

С «ногой» схожа так же кочерга:

*Железная **нога** – это ... (кочерга).*

*У нее одна **нога**, ох, горячая она.*

Нож

Очертание лезвия ножа уподобляется «зубу» или «языку», а рукоятка – «ручке»:

*Маленький мужичок – костяная **ручка**.*

*Он хозяйке лучший друг. Режет свеклу, режет лук. До чего ж хорош, пригож, **однозубый** длинный (нож).*

*Я обязательно есть в доме. Дружу я с вилкой на столе. **Язык** всегда мой наготове. Им не порежься поневоле.*

В следующей загадке описывается целый сценарий производимых предметом действий:

*Разогнулся старичок. Вынул острый **язычок**. Настрогал лучинок лес. И опять в себя залез.*

Ножницы

В свою очередь, ножницы наделены «ручками» и «ножками».

*«Два брата-акробата, **ручки** кольцом, **ножки** острые».*

Винт, скрепляющий два лезвия, обозначается словом «сердце», традиционно понимающимся как центр, сосредоточение чего-либо.

*«Два братца, одно **сердце**».*

Иголка

В «профиле» иголки угадывается конфигурация ноги:

***Тонконогая** Ненила всех одела – нарядила. На самой бедняжке нет даже рубашки.*

В других загадках про иголку в качестве подсказки выступают соматизмы «глаз», «нос» и «ухо»:

***Одноглазая** старушка узоры вышивает.*

Подмечена и функция орудия:

*Маленького роста я, тонкая и острая, **носом** путь себе ищу, за собою хвост тащу.*

*Я **одноухая** старуха, я прыгаю по полотну, и нитку длинную из уха, как паутинку, я тяну.*

*Держится подружка за моё **ушко**, стёжкой одною век бежит за мною.*

См. также:

***Шагает** мастерица по шёлку да по ситцу, как мал её шажок, зовётся он – **стежок**.*

ВЫВОДЫ

Анализ, приведенный в первой части практической главы работы, позволяет прийти к следующим выводам. В социальной памяти людей есть особая сфера, в которой хранятся знания о простейших орудиях труда, их внешнем облике, а также совокупности действий, необходимых для обращения с этими вещами.

Знания об устройстве орудий труда и их функциональной предназначенности, принципе работы были рассмотрены на материалах

лексикографических толкований и контекстных употреблений, которые трактовались нами как объективация когнитивной структуры, именуемой «инсайтом».

Проанализированные лексикографические толкования различных лет послужили иллюстрацией положения о том, что на словарных дефинициях лежит печать времени их создания. Каждая эпоха по-разному представляет знания об орудиях труда. Соха, плуг остались в своих конструкциях такими же, какими они были сто - двести лет тому назад, но их некогда важные для сознания носителя языка детали утратили свою значимость, поэтому в современных дефинициях они отсутствуют, так как в настоящее время нет необходимости в более подробном толковании этих историзмов. Сопоставив определения орудий труда, мы можем говорить о том, в какой мере менялись представления о них в ходе исторического развития социума.

Анализ практического материала позволяет также прийти к следующим выводам. Существует обратно пропорциональная зависимость между структурой представления знаний, которую мы называем «инсайтом», и ее словарным определением. Чем проще архитектоника ментальной репрезентации, тем подробнее она прописана в словарных дефинициях, но эта «излишняя» подробность служит доказательством того, что в человеческом сознании «орудийно-инструментальные» образы отражаются с полным набором присущих им деталей.

Также получила подтверждение идея о том, что целостный образ орудий труда хранится в памяти в своем «гештальтном формате» в совокупности всех присущих ему признаков и мгновенно реконструируется даже в том случае, когда говорящий (или пишущий) называет лишь один из них, так как в голове уже содержатся знания об их устройстве, известна и манера обращения с предметом. В нашей работе было наглядно продемонстрировано, что одной детали орудия труда, упомянутой в тексте, достаточно, чтобы соответствующий «картинный» образ (или образ действия с ним) был репрезентирован сознанию. Этот признак – своего рода

«намеки», «указатели» на целостную «картинку» (весь «сценарий» действия с отдельным предметом).

Как показывает проведенное нами исследование, имеющиеся у людей сведения об устройстве и функционировании технических примитивов легли в основу метафорических переосмыслений и образных сравнений. Вторая часть главы сосредоточена на таких примерах, в которых образным языком проводятся параллели между человеком и сотворенными им артефактами. Технические примитивы простейших инструментов оказываются так или иначе сопряженными с именами, обозначающими части человеческого тела – соматизмами и раскрываются в полной мере как средства, включающие в себя знания человеком самого себя и окружающего мира.

Имеющиеся в корпусе русского языка метафоры и сравнения можно разделить на иллюстрирующие как прямую, так и обратную органопроекцию, в которых реализуются в первую очередь представления людей об их «самости» в подмеченном сходстве с конструктивными элементами известных всем орудий труда.

Так, структурные и функциональные характеристики различных орудий труда находят для себя эталоны сравнения в глазах, рту, зубах, усах и бороде человека. В «картиночных» репрезентациях этих орудий и их функциональной предназначенности угадывается нечто общее с теми или иными соматизмами.

Случаи прямой органопроекции встречаются и в загадках.

Демонстрируется и противоположный процесс, называемый нами «обратной органопроекцией», когда на человека и части его тела переносятся «орудийные» номинации: руки как грабли, борода лопатой, сердце стучит, как молоток. Считаю идею «обратной органопроекции» достойной особого внимания.

Глава III

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОРУДИЙ ТРУДА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Предметом анализа первой части данной главы выступают лексикографические толкования орудий труда, почерпнутые из авторитетных источников: The Concise Oxford Dictionary of Current English [далее – CODCE], Oxford Advanced Learner's Dictionary [далее – OALD], Longman Dictionary of Contemporary English [LDCE], Современного словаря иностранных слов [ССИС], Русско-английского технического словаря [РАТС], а так же интернет-ресурсов: The Collaborative International Dictionary of English [CIDE], Useful English Dictionary [UED], New Collegiate Dictionary [NCD], Longman Dictionary of English Language and Culture [LDELIC].

Отдельным подпунктом представлены употребления данных лексем в контекстах, взятые из Британского национального корпуса (British National Corpus) и Корпуса современного американского английского (Corpus of Contemporary American English), интернет-ресурса Google Books. Добавим, что мы не проводим различия между английским и американским корпусами. Для нас важным является то, что оба они в равной мере вербализуют представления об орудиях труда в сознании носителей английского языка и его американского варианта.

Как и в первой практической главе работы, предметом нашего внимания будут не только прямые, но и переносные значения слов, объективированные в метафорах, образных сравнениях и загадках, которые позволяют выявить факты «прямой» и «обратной органопроекции».

Как и в русском разделе нашей работы, начнем анализ с денотативных значений орудий труда, лексикографические толкования которых вербализуют имеющиеся у людей сведения об их устройстве и функционировании.

3.1. «Картиночные» образы орудий труда и образы действий с ними, хранимые в денотативных значениях лексем английского языка

3.1.1. Орудия труда в английских словарных дефинициях

Рассмотрим словарные определения приспособлений и устройств, содержащие информацию об их конструктивных элементах и предназначении.

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ

Pitchfork (вилы)

Вилы в Longman Dictionary of Contemporary English (далее – LDCE) описываются следующим образом: Pitchfork – “*a long-handled farm tool with two long metal points, used esp. for lifting and throwing hay*” [LDCE 1992, V. 2: 783]. – Вилы – «фермерский инструмент на длинной ручке с длинными металлическими штырями, используемый главным образом для поднятия и перекидывания сена».

В Oxford Advanced Learner’s Dictionary (далее – OALD) отмечены случаи сравнения вил с обычной вилкой: “*a folk with a long handle*” [OALD, 1995: 878].

Отметим, что в дефиниции русского слова «вилы» (сельскохозяйственное орудие в виде нескольких длинных зубьев на длинной рукояти») [СРЯ, 1981: 75] нет уточнений по «схематическому рисунку» инструмента, которые содержатся в его английском переводном аналоге.

Scythe (коса)

Коса, согласно Oxford advanced Learner’s dictionary, - «*a tool with a slightly curved blade attached to a long handle, used for cutting long grass, corn, etc.*» [OALD, 1995: 1057]; – «инструмент со слегка закругленным лезвием,

прикрепленным к длинной ручке, используемый для срезки длинной травы, пшеницы».

Возможно и дополнение к указанной информации: «*the scythe is worked with a swinging movement*» [LDCE, 1992, V.2: 940]; – «*работа косой производится маховыми движениями (рук)*».

Rake (грабли)

Приведем пример словарного определения граблей: «*a tool with a long handle and a row of metal points at the end for gathering fallen leaves, making soil smooth, etc.*» [OALD, 1995: 960]; – «*орудие с длинной ручкой и рядом металлических штырей на конце для сгребания упавших листьев, разрыхления почвы*».

Интересно толкование The Concise Oxford Dictionary of Current English (далее – CODCE), подмечающее внешнее сходство граблей и расчески: «*instrument consisting of pole with cross-bar toothed like comb*» [CODCE, 1919: 688]; – «*инструмент, состоящий из перекладины с перекрещенными, похожими на расческу зубьями на конце*».

Spade (лопата)

Лопата именуется, как: «*a tool for digging and cutting ground, turf, etc. with sharp edged iron blade and wooden handle used with both hands*» [CODCE, 1919: 834]; – «*орудие, предназначенное для того, чтобы копать и разрезать землю или торф, с острой металлической лопастью и деревянной ручкой, удерживаемое двумя руками*».

Иногда уточняется, что врезание лопаты в землю производится путем нажатия на «ребро» лопаты ступней ноги: «*for pushing into the ground with the foot*» [LDCE, 1992, V.2: 1009].

Crowbar (лом)

Лом определяется следующим образом: «*a straight iron bar, usually with a curved end, used to force open boxes, move heavy objects, etc.*» [OALD, 1995: 280]; – «*прямой железный прут, как правило, с загнутым концом, используемый для открывания коробок с силой, передвижения тяжелых предметов и т.п.*» Подмечается внешнее сходство лома и клюва: «*usually with beak-like end*» [CODCE, 1919: 198]; - «*с наконечником в виде клюва*».

Инструменты для работы с деревом или металлом

Axe (топор)

Приведем пример наиболее типичного словарного определения топора:

Axe - «a tool with wooden handle and a heavy metal blade used for chopping wood, cutting down trees» [OALD, 1995: 71]; – «*орудие с длинной деревянной ручкой и тяжелым металлическим лезвием, используемое для рубки древесины, срубания деревьев*».

Добавим для сравнения, что словарь русского языка представляет топор как «*орудие для рубки в виде насаженной на деревянную рукоять толстой железной лопасти с острым лезвием с одной стороны и обухом с другой*» [СРЯ, 1981: 713], при этом функциональная принадлежность топора не указывается.

Saw (пила)

Как устроена пила и как следует с ней обращаться, поясняется в следующей словарной дефиниции: «*a tool that has a long blade with sharp teeth on one of its edges. A saw is moved backwards and forwards by hand or driven by electrical, etc. power and is used for cutting wood, metal, etc.* » [OALD, 1995: 1044]; – «*инструмент, имеющий на одной своей стороне длинное лезвие с острыми зубьями. Пила двигается вперед и назад вручную, или приводится в*

действие электрическим током; используется для резки древесины, металла, и т.п.».

В словаре Longman Dictionary of English Language and Culture (далее LDEL) имеется описание пилы другого рода, циркулярной (в виде диска): «*a saw which cuts with sharp teeth on a round metal blade*» [LDEL]; «*by reciprocating or rotatory motion*» [CODCE, 1919: 761]; – «пила, режущая острыми зубьями на круглом металлическом лезвии», «путем возвратно-поступательных или вращательных движений». (Впрочем, это уже не инструментальный примитив).

Наглядно-образный характер имеет еще одно описание пилы: «*a row of V-shaped teeth on the edge*» [LDCE, 1992, V.2: 929]; – «лезвие с V-образным рядом зубьев одной из его сторон».

Hammer (молоток)

По дефиниции одного из словарей, молоток: «*is an instrument for beating, breaking, driving nails, etc. with solid (usu. steel) head at right angles to handle*» [CODCE, 1919: 374]; – «орудие для битья, разбивания, забивания гвоздей, тяжелый металлический брусок, насаженный на рукоятку под прямым углом».

Screwdriver (отвертка)

Приведем пример словарного определения отвертки: «*a tool with a blade that fits into the head of a screw to turn it when driving it into place or removing it*» [OALD, 1995: 1055]; – «инструмент с лезвием, который входит в головку винта, чтобы вкрутить его на место или удалить». Некое сравнение одного инструмента с другим делает другой словарь: «*like blunt chisel*» [CODCE, 1919: 771]; – «инструмент вроде тупой стамески».

Plane (рубанок)

В толковом словаре находим следующее определение рубанка: *«tool for smoothing surface of wood work by paring shavings from it, consisting of wooden or metal stock from smooth bottom of which projects a steel blade»* [CODCE, 1919: 625]; – «инструмент для выравнивания поверхности древесины в результате снятия с нее стружки, состоящий из деревянной или металлической колодки с гладким дном, из которой выступает стальное лезвие».

Pliers (плоскогубцы, кусачки, клещи)

Отметим разницу в смысловом объеме слов. Английское “pliers”, которому в русском языке соответствуют три разных, хотя и родственных орудия, определяет более широкий круг инструментов.

Pliers - *“a small tool made of two crossed pieces of metal with long flat jaws at one end, used to hold small things or to bend and cut wires”* [LDCE, 1992, V.2: 790]; – плоскогубцы (кусачки, клещи) – «небольшой инструмент, состоящий из двух перекрещенных ручек с длинными плоскими щечками, используемый для того, чтобы удерживать маленькие вещи, гнуть или резать проволоку».

О действии этого орудия говорится так: pliers – *“a tool with long flat metal jaws in which sth, eg wire, can be held firm when the jaws are closed_so that it can be bent or twisted”* [OALD, 1998: 887]; - плоскогубцы – «инструмент с длинными плоскими металлическими челюстями, в которых что-либо, например проволока, может крепко удерживаться, когда челюсти инструмента смыкаются».

Tongs (щипцы, клещи)

В данном случае также отличается объем значений английского и русских слов.

В толковом словаре «щипцы» представляются следующим образом: *«a device with two movable parts which are joined at one end, used for picking up*

and holding things» [OALD, 1998: 1259]; – «устройство с двумя подвижными частями, которые соединены с одного конца, используемое для поднятия и удерживания предметов».

Домашняя утварь

Poker (кочерга).

Poker – *“a strong metal rod or bar for moving or breaking up coal in a fire”* [OALD, 1998: 892]; – кочерга – *«прочный металлический стержень или брусок для переворачивания или разгребания угля в огне». Указывается и ее предназначение: “in order to make it burn better” [LDCE, 1992, V.2: 795]; – «используется для того, чтобы он (уголь) лучше горел».*

Knife (нож)

Наиболее полное определение ножа дается в The Concise Oxford Dictionary of Current English: *«blade with sharpened longitudinal edge fixed in handle either rigidly, as in table, carving, knife, or with joint, as in pocket-knife, used as cutting instrument or as weapon»* [CODCE, 1919: 449]; – *«лезвие с заточенным продольным краем, прикрепленным к ручке или жестко, как в кухонном, разделочном ноже, или шарнирно, как в карманном ноже, используемое как режущий инструмент или оружие».*

Scissors (ножницы)

Примеры из словарей указывают на то, как сконструированы ножницы и для чего они нужны. Описывается методика их использования: *«an instrument consisting of two blades joined in the middle with a ring at the end of each through which one puts one’s thumb and a finger in order to open and close them. Scissors are used eg. for cutting paper or cloth»* [LDCE, 1992, V2: 934]; – *«инструмент, состоящий из двух пластин, соединенных в середине, с кольцом на каждом конце через которые просовываются большой и указательный палец,*

приводящие эти пластины в движение. Ножницы используются, например, для разрезания бумаги или ткани».

О принципе работы ножниц говорится так: *«scissors are so pivoted that their cutting edges work by leverage against each other»* [CODCE, 1919: 767]; – *«ножницы поворачиваются так, что их режущие концы расходятся в разные стороны».*

В другом определении ножницы представляются в виде образа-схемы: *«they (scissors) open in the shape of the letter X»* [OALD, 1995: 1051]; – *«ножницы открываются в форме буквы X».*

Needle (иглолка)

Дефиниция иглы представляется следующим образом: *“a small thin piece of polished steel with a point at one end and a hole for thread at the other, used in sewing”* [OALD, 1998: 777]; – *«маленький тонкий кусок полированной стали с острым концом с одной стороны и отверстием для нити с другой, используемый в шитье».*

Awl (шило)

Awl – *“a small pointed tool for making holes, esp. in leather or wood”* [OALD, 1995: 71]. – Шило – *«небольшой заостренный инструмент для проделывания дырок, особенно в коже или дереве».*

В другом источнике уточняется устройство инструмента – *“often with a broad handle”* [LDCE, 1992 V.1: 61]; – *«часто с широкой ручкой».*

3.1.2. Стирание образов орудий труда из социальной памяти народа

К сожалению, при работе над диссертацией мы не имели возможности пользоваться справочными изданиями на английском языке, которые могли бы быть хоть отчасти похожими на Толковый Словарь В.И. Даля. Поэтому мы ограничимся упоминанием лишь тех орудий труда, которые в далеком

прошлом использовались носителями английского языка, а в настоящее время практически не употребляются. Тем не менее, наличие языковых единиц, их обозначающих в словарях (и особенно в Longman Dictionary of English Language and Culture), свидетельствует о том, что социальная память до сих пор удерживает эти номинации.

Так, например, слово «соха» звучит по-английски как “wooden plough” – (букв.) деревянный плуг. Любопытно, что Историко-этимологический словарь современного английского языка Н.Н. Маковского (далее – ИЭССАЯ) отмечает: «Плуг первоначально представлял собой палку» [ИЭССАЯ, 2000: 258]. Английское “flail” (цеп) определяется как “*a tool consisting of a stick swinging from a long handle used especially formerly to separate grains of wheat, etc. from their dry outer covering by beating the wheat repeatedly*” [OALD, 1995: 442]; – «орудие, представляющее собой палку, свисающую с длинной ручки, которое в прежние времена использовалось, чтобы отделить зерна пшеницы от плевел, многократно ударяя по ним». См. также spindle (веретено) – “*a thin rod on which thread is twisted or wound during spinning*” [OALD, 1995: 1145], что в переводе звучит как «заостренный стержень, используемый для скручивания нити из пряжи». В этой связи можно вспомнить и об английской прялке: Spinning - wheel – “*a small machine used especially formerly at home to spin thread*” [LDCE, 1995, V. 2: 1015]; - Прялка – «небольшое приспособление, которое раньше применялось для скручивания нити». Сравните у В.И. Даля: «снаряд для прядения без веретена: одна рука тянет нитку из кудели, а нога, подножкой, обращает колесо» (отсюда в английском варианте: spinning wheel – скручивающее колесо) [Даль, 1956, т.3: 533].

Несомненный интерес представляет тот факт, что в далеком прошлом наши предки пользовались одинаковыми орудиями труда, что свидетельствует о сходных моментах в развитии мировой цивилизации.

Приведем примеры из современных лексикографических источников, иллюстрирующих тот факт, что орудия труда, вышедшие из современного употребления, сохраняются в социальной памяти людей.

Narrow (борона)

Борона представляется следующим образом: «*a farming tool with sharp metal teeth used to break up the earth and make it smooth*» [LDCE, 1992, V 1: 479]; – «фермерское орудие труда с острыми металлическими зубьями, используемая для разбивания земли и придания ей гладкости».

См. также: «*for breaking clods on ploughed land, covering seed*» [CODCE, 1919: 377]; – «для разбивания комьев на вспаханной земле, покрывающей семена».

Plough (плуг, соха)

Слово «плуг» в словаре трактуется следующим образом: «*a farming implement with a curved blade, pulled by animals. It is used for digging and turning over the soil, esp. before seeds are planted*» [OALD, 1995: 887]; - «фермерское приспособление с закругленным лезвием, которое тянут животные. Оно используется для копания и переворачивания земли, особенно перед посадкой семян».

По определению, данному в Longman Dictionary of Contemporary English, плуг обладает режущей пластиной «*with a heavy cutting blade*» [LDCE, 1992 V.2: 790]; «*for cutting furrows in soil*» [CODCE, 1919: 630]; – «для прорезания борозд в земле» – дополняет другой лексикографический источник.

Sickle (серп)

Словарные дефиниции фиксируют устройство и предназначение серпа: «*reaping-hook, short-handled semicircular-bladed implement now chiefly used for lopping and trimming, formerly for cutting corn*» [CODCE, 1919: 805]; – «крючок для жатвы с полукруглыми лопастями и короткой ручкой,

используемый для сечения и обрезки чего-то, ранее - для срезания хлебных злаков или высокой травы».

В другом определении содержатся сведения об особенностях применения данного орудия: «*held in the hand, used for cutting grain or long grass*» [LDCE, 1992 V.2: 974]; – «*(его) держат в руке и используют для срезания урожая или длинной травы*».

3.1.3. Английские наименования орудий труда в контекстных реализациях

Как и в русской части исследования, обратимся к художественным и публицистическим произведениям на английском языке, чтобы еще раз показать, что упоминанием какой-то одной детали (или их ограниченного числа), можно мысленно реконструировать весь набор «инсайтовых» характеристик конкретного артефакта.

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ

Narrow (борона)

В художественных произведениях запечатлены различные детали конструктивного устройства бороны:

*Soon he and I were seated side by side on the **beam** of a harrow* (J. Hersey. White Lotus). - *Вскоре он и я сидели плечом к плечу **на перекладине** бороны.*

*Strong **handles**, passing through the **bar** of the harrow, answer all the purposes of Mr Chandler's harrow* (T. G. Fessenden, T. W. Shepard. The New England Farmer). – *Крепкие **рукояти**, встроенные в **планку** бороны, отвечали всем требованиям мистера Чандлера.*

*The harrow **blades** are like icicles when I close my fingers on them.* (D. Rabe. Recital of the Dog). – ***Лопаст** бороны похожи на сосульки, когда я охватываю их пальцами.*

Plough (плуг, соха)

См., например, описания плуга:

*The plough is primitive: just think of a plough as a **forked stick** with a cutting blade at its base (J. Hirst. The shortest history of Europe). - Плуг примитивен: просто подумайте о плуге как о **разветвленной палке с режущим лезвием на основании**.*

В художественных текстах находим информацию о конструктивных элементах данного орудия труда:

*Her hands were chafed raw from holding the plough **handles** (M. Dickinson, P. Macmillan. Plough the Furrow) - Ее руки натерлись в кровь от удерживания **ручек** плуга.*

*Bulbs were planted in rows of six, ploughed out by a light, wooden-**framed** Cooke 's one-horse plough (A. Pavord. Gardens: Tales from Little Holland) - Луковицы были посажены в рядки по 6, вспаханы легким, с **деревянной рамой** плугом Кука, который тянула одна лошадь.*

*The beating of the horse's leg together with the action of the iron **bottom** of the plough showed the bad effect (R. Owen. Report to the country of Lanark). – Удары ноги лошади в унисон с **железным днищем** плуга были не из приятных.*

Будет не лишним указать, что древнеанглийское “hros” - лошадь соотносится со словом “herse” – старинным обозначением бороны [ИЭС, 2000: 285].

Sickle (серп)

Конфигурация серпа и присущие ему характеристики прописаны следующим образом:

Указывается длина орудия:

*To beat out a curved sickle **blade** a yard long, even in width and thickness, requires a degree of skill (R. Dick-Read. Sanamu: Adventures in search of African*

art). - *Выковать кривое **лезвие** серпа в ярд длиной, даже в ширину и толщину, требует определенных умений.*

Отмечается его характерный блеск.

*These flint sickle **blades** are shiny* (Carleton S. Coon. The Story of Man). - *Кремневые **лезвия** серпа блестят.*

Лезвие серпа привлекает особое внимание:

*Greek myth portrays Saturn, using a **jagged-edged** sickle* (A. De Grazia. The Lately Tortured Earth). - *Греческий миф изображает Сатурна, работающего серпом с **зазубренным краем**.*

Pitchfork (вилы)

В приводимом далее примере очерчивается контур вил:

*The scheme of the pitchfork looks like an **italic m*** (P. M. Edizioni, A. Dedalus. Treasure hunt with Marcel Duchamp). – *Схема вил выглядит как напечатанная курсивом буква «m».*

Английские вилы не отличаются от русских. Их главный атрибут – зубцы:

*He batted the pitchfork behind the **prongs** with the back of his hand* (J. P. Brown. Wolves at Our Door). – *Он постучал по металлу **со стороны зубцов** тыльной стороной ладони.*

То же самое и в других иллюстрациях:

*He fetched a pitchfork with sharp **tines** close together.* (J. E. Hammond. Tietjens Boni and Liveright). – *Он поднял вилы с острыми близко расположенными друг к другу **зубцами**.*

*A **three-pointed** pitchfork turned downward* (P. M. Edizioni, A. Dedalus. Treasure hunt with Marcel Duchamp). – *Вилы из трех зубцов опустились вниз.*

Вполне понятно, что рабочая часть вил насаживается на деревянный стержень:

*The man lies where he fell, his hand on the **shaft** of the pitchfork.* (V. Tilsley. Holy Night). – *Мужчина лежит там, где упал, рукой на **рукоятке** вил.*

Scythe (коса)

Иметь остро отточенное лезвие для среза травы – основной функциональный признак косы:

The scythe was a pole with a huge, wicked blade on the end (J. Scharmann. Gladius). – *Коса была шестом с огромным, ужасным лезвием на конце.*

Визуальное представление о данном орудии труда прослеживается в следующем примере:

*He loved the feel of the scythe, the oiled wood smooth under his hands, the long elegant curve ending in its shining **blade*** (E. Moon Hachette. A Legacy Of Honour). – *Ему нравилось ощущать косу, масляное гладкое дерево под руками, длинный элегантный изгиб, заканчивающийся блестящим лезвием.*

Необычный вид косы привлекает особое внимание:

*The **handle** of the scythe was cleverly curved so the **blade** balanced from side to side* (A. R. Thompson. Big Wheat). – *Ручка косы была так ловко изогнута, что лезвие балансировало из стороны в сторону.*

Приведенные нами выдержки из художественных произведений достаточно полно демонстрируют «прорисовку» образов устаревших орудий труда, но, тем не менее, хранимых в памяти языкового коллектива.

Rake (грабли)

Перейдем к названиям инструментов, которые и сегодня находят для себя широкое применение:

*The rake **teeth** penetrate the ground to remove shallow roots and rocks and to effectively gather surface material* (Equipment for reforestation and timber stand improvement). – *Зубья граблей проникают в землю для удаления мелких корней и камней и эффективного сбора того, что лежит на поверхности.*

*You wrap your hand around the **handle** of a rake as if you are picking up the end of a piece of pipe* (R. Taylor. My Favorite Teacher Was an Ironworker). – *Вы*

охватываете рукой **ручку** граблей, как будто поднимаете конец куска трубы.

Spade (лопата)

В описании лопаты английские авторы отмечают две ее части:

*I lowered the **blade** end of the spade in front of the snake's head* (S. James. The Knight.). – Я опустил **лезвие** лопаты к голове змеи. (Таким образом, лезвие, лопасть лопаты – главная, рабочая часть инструмента).

Ручка лопаты – ее второй обязательный элемент:

*Charlie made the patient stand there on the path holding a spade horizontally with a hand at the **shaft*** (P. McGrath, K. Doubleday. Asylum). – Чарли заставил пациента остановиться на дорожке, держа лопату горизонтально рукой за **черенок**.

Crowbar (лом)

Художественные тексты выделяют особенности конфигурации того или иного конца лома:

*He set a candle down on the floor, fixing it in place with a few drops of melted wax, and stuck the **lever end** of his crowbar between the stone and the step* (V. Massimo. The Tower). – Он поставил свечу на пол, зафиксировав ее на месте несколькими каплями расплавленного воска, и воткнул **плоский конец** лома между камнем и ступенькой.

*He took a small crowbar hanging on the wall and wedged the **straight end** into a small crack in the floor* (V. F. Simon. Consent to Kill: A Thriller). – Он взял маленький лом, висящий на стене, и всунул его **прямой конец** в маленькую трещину в полу.

*One of them took out a crowbar and pushed the **flat edge** into the doorjamb* (A. Lascelle. Oath & Honour). – Один из них достал лом и протолкнул его **плоский конец** в дверной проем.

Отклонение от привычной конфигурации орудия сразу же бросается в глаза:

*Mr. Layton's crowbar had been broken off and resharpened and so **lacked the slight angle** a crowbar needs **at the business end*** (L. Enger. Peace Like a River Grove) – Лом мистера Лейтона был сломан и перезаточен, в результате чего ему не хватало **угла наклона**, требуемого для **рабочего конца**.

*Harold turned quite abruptly, reached into a booth, and plucked from it a crowbar about three feet in length and **slightly bent*** (R. Sheckley. Victim Prime) – Харольд довольно резко повернулся, залез в кабину и достал оттуда лом около трех футов в длину, **слегка погнутый**.

Инструменты для работы с деревом или металлом

Ахе (топор)

В подобранных нами примерах находим «схему» топора:

*He took a T-shaped axe with a long **handle*** (R. Whitby. Orizaba odyssey). – Он взял T-образный топор с длинной **ручкой**.

Художественные тексты выявляют детали топора, по которым он легко узнаваем:

*My brother, Brin, hit him across the back of the head with the **butt** of an axe* (D. Eddings. Guardians of the West). - Мой брат Брин ударил его сзади по голове **обухом** топора.

Есть указание на форму и размер рукоятки:

*He took a felling axe with a three foot **handle*** (Central television news scripts). - Он взял топор лесоруба с трехфутовой **рукояткой**.

*He seized his axe by the **haft** and was pulling it toward the ground* (D. Macmillan. The Wayfarer Redemption). – Он схватил топор за **рукоятку** и опустил его на землю.

Saw (пила)

«Мыслительная картинка» пилы объективируются следующим образом:

*The men cut the forest with long **two handed** saws (L. Starling. The Crown of Light). – Мужчины вырезали лес длинной пилой с **двумя ручками**.*

Зубцы орудия требуют особых мер предосторожности.

*So if a rival offered him a saw with a **blade** guard at a salary only \$75 less than his current salary, the offer would be accepted (H. R. Frank. The Darwin Economy, Liberty, Competition, and the Common Good). – Итак, если бы конкурент предложил ему пилу со щитком для **лезвия** на 75\$ меньше, чем его нынешняя, он бы принял предложение.*

Hammer (молоток)

«Инсайтовые» характеристики данного орудия демонстрируются путем указания на внушительный вес головки молотка:

*Generally we use a hammer simply because it is a convenient and cheap way of getting a high local force, which we do by decelerating the heavy **head** (J. E. Gordon. Why you don't fall through the floor). - Обычно мы используем молоток, просто потому что это удобный и дешевый способ придать (руке) силу, нанося удары его тяжелой **головкой**.*

Screwdriver (отвертка)

В разных текстах фиксируются детали, присущие данному инструменту:

*Horley took the thing and jammed it hard under the tape, levering upwards so hard that the **blade** of the screwdriver bent (P. Pullman. The Collectors: His Dark Materials Story). – Хорлей взял эту вещь и с силой затолкал под ленту, поддевая вверх с таким усилием, что **лезвие** отвертки погнулось.*

*Mike found an old screwdriver with a wooden **handle** (L. Duane. Ghost Worlds). – Майк нашел старую отвертку с деревянной **ручкой**.*

*Henry backed up a couple of steps and pulled his long **shafted** screwdriver (J. Russo. The Hungry Dead: Midnight and Escape from the Living Dead). – Хенри*

попятился на несколько шагов и вытащил его отвертку с длинной рукояткой.

Деталь может и не называться соответствующим ей термином:

*Then (he) rests the tip of the screwdriver on the lid and taps the **plastic back end** of the screwdriver* (R. Shelley. We Flushed it Down the Potty). – Затем он положил кончик отвертки на крышку и постучал ее **пластиковым концом**.

Внимание обращается на конструктивную особенность отвертки:

*It had taken her nearly two hours to drill the hole through the wooden board with the **crossed-point** of the screwdriver* (A. Loker. Grave Mistakes). – Ей потребовалось почти два часа, чтобы проделать дыру в деревянной доске **крестовой** отверткой.

Pliers (плоскогубцы, кусачки, клещи)

В приводимом ниже примере выявляется не только один из признаков, присущих указанным выше инструментам, но и иллюстрируется принцип их действия:

*These guys grabbed a rivet with a pair of **long-handled** pliers* (L. Larry. Back Then: Memoirs of a Country Boy). – Ребята подцепили заклепку щипцами с длинными **ручками**.

Tongs (щипцы, клещи)

То же самое – и конструктивный элемент щипцов, и способ их применения можно найти в одном и том же предложении:

*The waterman seized the **handles** of his tongs and allowed the heavy irons to slip down into the water* (J. Wennersten. The Oyster Wars of Chesapeake Bay). – Лодочник схватился за **рукоятку** щипцов, позволив тяжелым железкам соскользнуть в воду, пока ручки не встали вертикально перед ним.

В другом случае автор прибегает к приему аналогии для того, чтобы объяснить, как выглядит данный инструмент.

*Tongs are like scissors - two rakes at the end of long wooden **poles*** (M. Heller. The Gridlock Economy: How Too Much Ownership Wrecks Markets, Stops Innovation, and Costs Lives). – *Щипцы_похожи на ножницы – два острых конца по бокам длинных деревянных **ручек**.*

Далее показано, что неисправность инструмента сказывается на его применении:

*She rises slowly, studying the damage: Iron tongs with the hinges **sprung**, so that the gripper ends no longer meet* (P. Durban. So Far Back Farrar, Straus, and Giroux). – *Она медленно поднимается, изучая дефект: у железных щипцов вывалились **петли**, так что их захватывающие концы больше не сходились.*

Домашняя утварь

Рокер (кочерга)

При просмотре приводимых ниже примеров сознанию четко представляется облик кочерги:

*Take a poker, **with two prongs** is best, and stick it in the ground* (J. Sharon. The vermin destroyer). - *Возьми кочергу, лучше с **двумя зубцами**, и воткни ее в землю.*

*Mort Decker tried to insert **the point** of the poker in the lock, to force it* (F. V. Webster. The Young Firemen of Lakeville, or Herbert Dare's Pluck). – *Морт Декер старался вставить **острый конец** кочерги в замок, чтобы он поддался.*

*Peggy Ann took her **hooked** poker and lifted the heavy lid* (C. McCullers. Clock Without Hands). – *Пегги Анна взяла свою **загнутую** кочергу и открыла тяжелую крышку.*

*With a shaking hand he thrust a leg of the chair which he had broken to pieces, and got the end of it engaged with the looped **handle** of the long iron poker* (D. Marquis. Sons of the Puritans). – *Трясущейся рукой он потянулся за ножкой стула, который разломал на куски и зацепил его закругленной **ручкой** длинной железной кочерги.*

Приведенные здесь фрагменты текстов представляют разные конфигурационные параметры кочерги: она венчается одним или двумя зубцами, загнутой может быть ее ручка или острие зубца, которым ворошат угли.

Knife (нож)

В описании ножа английские авторы отмечают его ручку:

*The lass had picked up a cloth and wiped Hector's unshaven chin; then his hands, and the **handle** of his knife* (F. Hendry. Quest for a babe) – Девача подобрала тряпку, и вытерла небритую щеку Хектора, затем его руки, **рукоять** его ножа.

Лезвие – другой обязательный элемент ножа:

*Donald held up their biggest knife, kissed its **blade**, and cleft the crust* (D. Craig. King Cameron). – Дональд поднял их самый большой нож, поцеловал его **лезвие**, и расколол кору.

Подчеркивается форма лезвия:

*His arm was raised with a great **jagged knife** clasped in it* (D. Clifford. The affair of the forest). – Его рука была поднята с зажатым в ней огромным **зазубренным** ножом.

Scissors (ножницы)

В приведенном далее отрывке воссоздается «мыслительная картинка» ножниц:

*The V of the scissor **blades** tore effortlessly through the silk* (B. Jefferson. Bones of Betrayal). – Похожая на букву V фигура **лезвий** ножниц продралось без усилий сквозь шелк.

Кроме конструктивных элементов этого инструмента, обращают на себя внимание своего рода инструкции по их применению:

*If you'd been cutting with the scissors, your forefinger would have been inside one of the holes, not near the **blades*** (K. Ross. Cut to the Quick). - Если бы вы

резали ножницами, ваш указательный палец должен был быть внутри одной из дырок, удаленных от лезвий.

*He took a tress of her hair, he put thumb and forefinger through the **handle** of the scissors. The **blades** moved apart. He cut* (Ian R. MacLeod. Sealight). - Он взял прядь ее волос, продел большой и указательный пальцы в **ручки** ножниц. Лезвия раздвинулись. Он разрезал.

*Taking a pair of scissors, he sat manipulating the **blades** so that the scissors opened and closed* (R. Szur. Extending Horizons: Psychoanalytic Psychotherapy with Children, Adolescents). – Взяв ножницы, он сидел, манипулируя **лезвиями**, так что те открывались и закрывались.

Needle (иголка)

Уже для текста Библии иголка не была чем-то новым, то есть время первичного изготовления этого примитивного, но очень нужного предмета трудно определить.

*It's way easier to smoosh a camel through the **eye** of a needle than for a rich dude to get into heaven* (The Bible). – Легче верблюду пролезть сквозь **иголье ушко**, чем богачу попасть в царство Божье.

Awl (шило)

Общий вид орудия схематически представляется следующим образом:

*You need a short, **T-shaped** iron awl to stuff more and more feathers through that little hole* (K. C. Penguin. Tommy's Honor). – Вам потребуется короткое, **T-образное** железное шило, чтобы пропускать все больше и больше перьев через эту дырочку.

В разных текстах фиксируются детали, присущие данному инструменту:

*She spied a discarded awl. Its wooden **handle** cracked and splinter* (N. C. Knopf. The Hills at Home). – Она заметила выброшенное шило. Его **деревянная рукоятка** треснула и раскололась.

Описываются характерный блеск остря, материал изготовления шила, размер и всевозможные варианты его использования:

*It was a narrow awl with an incredibly fine gold **needle*** (R. Roussel. Locus Solus). – *Это было узкое шило с невероятной золотой **иглой**.*

*There was a long, **pointed** awl that she'd used to loosen coins* (K. Thorup. Crazy Marie). – *Там было длинное, **заостренное** шило, которое она использовала, чтобы ослабить сцепки монет.* (Очевидно, монеты оказались каким-то образом тесно друг к другу прикрепленными).

3.2. Коннотативные значения «орудийных» лексем, выявляющие их антропоцентрическую сущность

Так же, как и в русском языке, номинации, обозначающие простейшие орудия труда, открыты для образных переосмыслений, они образуют метафоры и входят в состав сравнительных оборотов, часто демонстрируя тем самым описанный нами выше феномен прямой и обратной органопроекции.

По устоявшейся модели проследим факты образных сравнений и метафорических переносов на материале английского языка, рассматривая в указанном ракурсе уже знакомые читателю лексеммы.

3.2.1. Образные переосмысления орудий труда в метафорах и сравнительных оборотах английского языка

Продemonстрируем явление **органопроекции** (иначе – стертых метафор) на отдельных примерах из англоязычной художественной литературы, корректируя предлагаемые нами переводы по Русско-английскому техническому словарю под редакцией А.Е. Чернухина (РАТС, 1971) и по англо-русскому политехническому словарю (БАРПС, 1999).

По-прежнему каждое из рассматриваемых нами предложений будет открываться соответствующей рубрикой.

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ в их репрезентации в формате стертых метафор представлены «бороной», «вилами» и «лопатой».

Narrow (борона)

Борона наделяется «пальцами». (Хоты разумеется, что слово “fingers” не трактуется буквально):

*A harrow is simply a number of rectangular grilles, connected to make a considerable width, with rows of short, blunt metal **fingers** that rake the ground.* (D. Bauer. Prairie City). *Борона – это просто ряд прямоугольных решеток, связанных, чтобы достичь определенной глубины рядами коротких тупых металлических зубьев, которые разгребают землю.* (В оригинале – “fingers”. Букв. «пальцев»).

Pitchfork (вилы)

Металлическая планка вил видится похожей на плечи людей:

*My father stood his foot on metal **shoulders** of his pitchfork.* (K. Moses. Sawkwalk: A Memoir). - *Отец поставил ногу на металлическую планку вил.* (В оригинале – “shoulders”. Букв «плечи»).

Spade (лопата)

«Нос» лопаты – ее рабочая часть:

*Choose a spade that has a slightly pointy **nose** with upturned edges* (V. Widman. Driving Skills: A Manual for On and Off Road Travel). – *Выберите*

лопату со слегка заостренным лезвием и загнутыми краями. (В оригинале – “nose”. Букв. «носом»).

*Using the **square-nosed** spade, make a small soil excavation* (K. Coughlan, H. Cresswell, N. McKenzie. Soil Physical Measurement and Interpretation for Land Evaluation). – *Используя лопату с прямоугольной планкой, выройте маленькую земляную выемку.* (В оригинале – “square-nosed”. Букв. «с квадратным носом»).

“Shoulder” - верхняя часть лопасти лопаты:

*With one foot on the **shoulder** of the spade's blade, I shoved it deep, then bit and lifted the first clump* (M. E. Penguin. The Turtle Warrior). – *Одной ногой на уступе лопаты, я копнул глубоко, зачерпнул и поднял первый комок.* (В оригинале – “shoulder”. Букв. «плечо»).

Crowbar (лом)

Сравните с другими конструктивными элементами орудий труда, которые обозначаются словами “nose” и “teeth”.

*This idea is a standard **long nose** crowbar with a scissor like bar with stand in the middle* (D. V. Noy. Product Concepts). – *Эта идея – обычный длинный лом с металлическим стержнем, похожим на ножницы, и подставкой посередине.* (В оригинале – “nose”. Букв. «нос»).

*I poked the crowbar's **teeth** along the seam where new slats met the baseboard* (R. Crooke. The Earth and Its Sorrows). – *Я просунул зубец лома вдоль шва, где новые планки упирались в плинтус.*

Инструменты для работы с деревом или металлом

Ахе (топор)

Как и в русском языке, рабочая часть топора названа головищем, то есть стертая метафора совпадает с термином:

Axe-heads brought over some distances might have been hafted (H. Williams. Archaeologies of Remembrance: Death and Memory in Past Societies). – *Привезенные из такой дали **головища** топоров могли бы быть насажены на рукоятки.*

Screwdriver (отвертка)

То же об отвертке:

*There was one screwdriver, whose **head** was worn and rounded* (P. Pullman. The Collectors: His Dark Materials Story). – *Там была одна отвертка, чей наконечник был изношен и закруглен.* (В оригинале – «head». Букв. - голова).

*Now I shove a giant **flathead** screwdriver into the ignition and turn and pray* (J. Kent. Shopping for a Billionaire). – *Сейчас я засуну гигантскую шлицевую отвертку в замок зажигания, поверну и помолюсь* (В оригинале – «flathead». Букв – плоскоголовая).

Pliers (плоскогубцы, кусачки, клещи)

“Jaws” у английских плоскогубцев в их русском аналоге именуется «губами»:

*He took out the pliers, settled the key firmly in their **jaws*** (L. Gavin. The crocus list) - *Он достал плоскогубцы и крепко зажал ключ их **губами**.*

Tongs (щипцы, клещи)

“Arm” – это стертая метафора для обозначения рукоятки:

*I climbed the ladder and grabbed the **arm** of the tongs* (S. Lawrence. River House). – *Я взобрался по лестнице и ухватился за рукоятку клещей.* (В оригинале “arm”. Букв. «рука от плеча до кисти»).

Бытовая утварь

Любопытно, что одним и тем же словом именуются детали в принципе не похожих друг на друга «орудийных» артефактов:

Poker (кочерга)

*In the outer room stood a single long gloomy poker, with its **head** up the chimney* (C.Mathews. The Career of Puffer Hopkins). – *В другой комнате стояла одинокая печальная кочерга, крюком повернутая к дымоходу.* (В оригинале – “head”. Букв. «головой, головкой»).

Таким образом, мы видим, что в английском и русском языках «стертые метафоры» в отдельных случаях совпадают, но часто в русских переводах органопроекции апеллируют к другим участкам человеческого тела, или заменяются словом, лишенным антропоморфной природы.

Ниже речь пойдет о явлениях «обратной органопроекции», в процессе которой лексемы, обозначающие конструктивные детали орудий труда, проецируются на части человеческого тела и человека в целом.

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ Narrow (борона)

В нижеследующем примере люди сравниваются с зубьями бороны на основе знания устройства и опыта обращения с этим орудием:

*He calls out again and they **advance a step** like the **spikes of a single harrow*** (J. Gardner. Wreckage of Agathon). - *Он снова кричит, и они **продвигаются вперед**, как **зубья** одной бороны.*

Plough (плуг)

Далее вербализуется отмеченное писателем сходство между тем, как идут разъяренные люди и вгрызается в пахоту лемех старейшего сельскохозяйственного орудия:

*The **mob** was moving like a plough's wooden tooth tearing up the soil*. (The magazine of Fantasy & Science Fiction). - *Толпа двигалась, так, словно землю рвал зуб деревянного плуга.*

См. также:

*Toro's massive **head** now lowered like a plough skimming over the courtyard stones* (S. Epstein. Dream Museum). - *Массивная голова Торо наклонилась, как плуг, скользящий по камням двора.*

Sickle (серп)

Предназначение серпа «срезать под корень» ассоциируется с воинственными действиями, направленными на уничтожение противника. Об этом красноречиво свидетельствуют приводимые ниже иллюстрации:

*There the fierce king **cut** a wide path for himself, like a reaper with his sickle.* (H. Lamb. The Crusades: The Flame of Islam). - *Свирепый царь прорубал для себя широкую дорогу, как жнец с серпом.*

*They'll **mow** you down like grass before a new sickle* (M. Sandoz. Slogum House). - *Они подомнут тебя, словно серп траву.*

Нельзя не отдать должное социальной памяти, которая реанимирует в сознании носителей языка устройство и образ действия артефактов, что позволяет вести словесную игру, выстраивая (вполне ожидаемые) образные сравнения.

Pitchfork (вилы)

Внешние очертания данного приспособления усматриваются в образе человека:

*I couldn't stand **Ronald Reagan**, who looked like a pitchfork* (E. J. Gaines. Bloodline). – *Я не мог выносить Рональда Рейгана, который выглядел, как вилы.*

Такое качество, как острота орудия, лежит в основе следующего выражения:

*For the mother, **birth** was compared to falling on a pitchfork.* (W. Simonds, B. K. Rothman, B. M. Norman. *Laboring on: Birth in Transition in the United States*).

– Для матери **роды** сравнимы с падением на вилы.

Принцип работы вил сопоставим с действиями людей, обращающихся своей молитвой к Всевышнему:

*As a pitchfork turns the sheaves of grain from one position to another, so the **prayer** of the righteous turns the attribute of God from wrath to mercy* (L. Ronald. *What the Rabbis Said: 250 Topics from the Talmud*). – Как вилы переворачивают снопы сена с места на место, так и **молитва** правоверного меняет отношение Бога с гнева на милость.

Scythe (коса)

Когда слово «коса» употребляется в сравнительных оборотах, чаще всего имеется в виду ее качество как режущего инструмента. И этот признак сравним с переживаниями человека:

*Sharp like his scythe his **sorrow** was* (H. Bloom. *Poets and Poems*). – Острой, как коса, была его **печаль**.

В основу сравнительной конструкции может быть положена работа косы, подрезающей траву.

*The **cavalry** had charged through the crowd like a scythe through a cornfield* (B. Jagger. *A song twice over*). - **Кавалерия** прорвалась сквозь толпу, как коса сквозь поле.

И вновь, теперь уже метафорой передается действие сельскохозяйственного орудия.

*His century was greeted with an angry scythe of the **battle*** (Wisden. *Cricket Monthly*). – Его век встречала безжалостная коса **войны**.

Rake (грабли)

Очертания граблей ассоциируются с видом очень худого и высокого человека.

*As **lean** as a rake* - **худой**, как грабли.

*I was like a rake, I was like a **skeleton*** (Oral history project: interview). – Я был, как грабли, я был, как **скелет**.

*You are as **skinny** as a rake* (Team focus training course (TNT Express)). – Ты **костлявый**, как грабли.

Spade (лопата)

Люди подмечают сходство бороды, подбородка и носа с конфигурацией лопаты:

*Spade **beard** - борода лопатой* (UED).

*His **beard** was as sharp as a spade* (J. Irving. The Hotel New Hampshire. 1981). - Его **борода** острая, как лопата.

*His **nose** spread out on the end like a spade* (R. Sheldon. Dead man's tunnel. 2012). - Его **нос** расщеплялся на конце, как лопата.

*She had a **chin** like a spade* (C P. Boyko. Gawfler). - У нее **подбородок**, как лопата.

*He raised his **elbow** like a spade.* (R. Ziedonis. The Flying Fish). - Он поднял **локоть**, как лопату.

Человек также «проецирует» на себя и действия лопаты, когда она неоднократно бьется обо что-то твердое:

*We take them out to read again, the **heart** thudding like a spade* (C. A. Duffy. The other country). - Мы начинаем читать опять, и **сердце** стучит, как лопата.

Crowbar (лом)

Принцип использования лома сопоставим с действиями людей:

*Like a crowbar, this guy simply **pried me over and pinned** me to the mat (M. Brian. Tailed). – Как будто лом, этот парень просто **приподнял меня и прижал** к мату.*

Действовать, как лом, могут отдельные части тела:

*She used her **finger** like a crowbar to remove the chunks of dark meat (E. M. Brown. Lemon City). – Она использовала **палец** как лом, чтобы удалить куски темного мяса.*

С принципом работы лома сопоставимы внутренние переживания человека:

*Formulating your personal **ambition** can serve as a crowbar to pry off your rusty prejudices which block your creativity (H. K. Rampersad. TPS-Lean Six Sigma). – Формулирование ваших личных **амбиций** может служить ломом для вырывания заржавевших предрассудков, блокирующих творческий потенциал.*

Движения ломом воспринимаются как резкие и болезненные:

*His **words** hit me like a crowbar across the forehead (G. Zondervan. A Little Guide to Christian Spirituality: Three Dimensions of Life with God). – Его **слова** ударили меня, как ломом по лбу.*

*His lapse irritated him, and that **thought of irritation** shot like a crowbar through his head (M. Noman. Jonah). - Его раздражал собственный ляпсус, и эта **мысль о раздражении** ударила его, как лом по голове.*

*An irresistible **wave of lethargy** hit him in the head like a crowbar (A. Camilleri. Excursion to Tindari). - Непреодолимая **волна вялости** ударила его, как лом по голове.*

Инструменты для работы с деревом или металлом

Ахе (топор)

Основой сравнения может служить форма топора:

*Her father's **nose** was shaped like an axe blade* (R.Shea, The Holy War). - **Нос** ее папы был формы лезвия топора.

*A pit-bullish man with **a glare** like an axe* (M. T. Sullivan. Triple cross). - Мужчина с видом пимбуля и **оскалом** топора.

Объектом сопоставления становится не только лопасть топора, но и его другая, не менее важная деталь:

*Marla herself was about as **psychic** as an axe handle* (T. Pratt. Spell games). - Марла была **мощная**, как топорнице.

*As the tree cannot make axe helves of itself, neither can a **man** make sin* (B. Hibbard. Memoirs of the life and travels of B. Hibbard, Minister of the Gospel). – Как **человек** не может согрешить, так же и дерево не может сотворить из себя рукоятки топора.

Посредством союза «как» руки человека уподобляются топору:

*He brought his two **hands** up to his shoulder, then swung them like an axe* (E. Cole, Alarm Clock). - Он поднял две **руки** вверх к плечам и замахнулся ими, как топором.

Имеются так же случаи, когда слова, сравниваемые с работой топора, воспринимаются, как жесткие и категоричные:

*The **words** fell heavy as an axe into a rotten tree-stump* (Hendry. Quest for a babe). – **Слова** падали тяжело, как топор в гнилой пень.

Saw (пила)

Рассмотрим варианты сравнительных конструкций, в состав которых включаются «орудийные» номинации, имитирующие такие характеристики топора, как степень толщины и заостренность.

He was thin and pointy like a saw blade (B. Strickland. Would you trust this man?) - Он был тонким и заостренным, как пластина пилы.

Вполне естественно, что с пилой ассоциируются зубы человека.

*His **teeth** are as jagged as a saw blade* (M. Thomas. The beast of Downy Mount). - Его **зубы**, как зубчатая пластина пилы.

Здесь отмечен совершенно уникальный случай. В результате «первичной» органопроекции «зубья» пилы названы так вслед за костными образованиями в ротовой полости человека, с помощью которых он разжевывает, измельчает пищу, но одновременно данный пример можно рассматривать как факт «обратной» органопроекции – органы тела, в свою очередь, сравниваются с зубьями пилы:

*You'd got to have **teeth** sharp as a saw to eat this meat* (W. W. Brown. *My Southern Home: The South and Its People*). – *Вам надо иметь **зубы** острые, как пила, чтобы есть мясо.*

Действия частей тела, внутренних органов похожи на движения пилы (конечно же, в переносном смысле):

*Their **veins** rose up. There were little blue ones that appeared on the forehead, jagged like a saw blade* (W. Markfield. *To an Early Grave*). – *Их **вены** выпирали. Маленькие голубые появлялись на лбу, зубчатые, как лезвие пилы.*

*He felt the other man's cold black **eyes** cutting through him like a saw through a piece of rotten wood* (E. B. Black. *The Ravenelle Riddle*). – *Он чувствовал, как холодные черные **глаза** другого человека пронзали его, как пила вгрызается в кусок гнилого дерева.*

Иногда видится сходство между характерными движениями человека и работой пилы:

*Charlie did not speak, but moved his **head** up and down like a saw* (E. A. Rand. *The Knights of the White Shield*). – *Чарли не говорил, но мотал **головой** вверх-вниз, как пилой.*

*The **breath** should be experienced going in and out. It is like a saw. The teeth of the saw are always at one point of contact with the wood* (J. Kornfield. *Teachings of the Buddha*). – ***Дыхание** должно ощущаться по принципу «вдох» - «выдох». Это, как у пилы. Ее зубья всегда в одной точке вступают в контакт с деревом.*

Отмечены случаи приравнивания внутреннего состояния человека к действию пилы, то есть нечто причиняет острую, методичную боль:

*The injured one's **hysteria** pierced her head like a saw, a saw through metal* (J. A. Lindqvist. Hachette). - *Ранящая **истерика** пронзила ее голову, как пила, вонзающаяся в металл.*

*All patients have a hard time describing their **pain** in words. Every account begins with " like "? " like a knife, like fire, like a saw, like black dots in my flesh* (L. Goldstein. Dorethy Associates Strange Devices of the Sun and Moon). – *Все пациенты с трудом описывают свою **боль** словами. Каждое такое описание начинается с союза «как»: «как нож, как огонь, как пила, как черные точки в моей плоти.*

С пилой сопоставляются и абстрактные понятия:

*She compares her **career** to the saw whose blade has a serrated shape* (J. S. Fotsing. A Saw-Toothed Career). - *Она сравнивает свою **карьеру** с пилой, чье лезвие имеет зубчатую форму.*

Hammer (молоток)

Молоток может послужить эталоном для его сравнения с головой человека.

*Gibson looked at the outline of the **head**. And he could see right away that it was like a hammer, long and flat and blunt at both ends* (M. Straight. Carrington). - *Гибсон посмотрел на очертания его **головы**. Он мог увидеть, что она была, как молоток, длинная и плоская, тупая с обоих концов.*

Между манерой речи человека и действием молотка тоже ставится знак равенства:

*Like a hammer knocking off pieces of rock with each word, he gave his **opinion**.* (C. Richter. Town). - *Как молоток отбивает куски породы, так и он с каждым словом высказал собственное **мнение**.*

См. о том же:

*Is not my **word** like fire, says the Lord, like a hammer shattering rocks?* (S. A. Missick. The Hammer of God). – *Разве мое **слово**, не как огонь, говорит Господь, как молоток, сокрушающий камни?*

Производимые с размахом, резкие движения молотка лежат в основе и метафорического переосмысления лексемы *hammer* (молоток) в ее употреблении по отношению к человеку, потерявшему контроль над своими действиями: *St. Augustine was the hammer of heresies* (NCD). – Святой Августин был молотком ереси.

То же самое можно сказать о чем-то крайне неожиданном как о факторе, воздействующем на психику человека.

It struck her as a hammer (Т. Healy. It might have been Jerusalem). - Ее поразило, как молотком.

His heart begin to hammer violently (R. Butters. Look about and die). - Его сердце начало стучать бешено, как молоток.

Her pulse bumped like a hammer under his thumb (Т. Н. Wyss. A Stranger Here). - Ее пульс стучал, как молоток, под его большим пальцем.

Screwdriver (отвертка)

Форма отвертки ассоциируется с конфигурацией человеческого тела:

Marie was as straight as a screwdriver (К. Sears. The Boy From Treacle Bumstead: A Country Lad's Journey From Reform School to National). – Мари была стройной, как отвертка.

Что то общее угадывается в форме брови и отвертки:

She was waiting for Omni, his eyes a little watery, his mouth tight, screwdriver-like brow, and staring down at his socks (С. Flux. Sit-ups & supersex). – Она ждала Омни, его немного слезящиеся глаза, его плотно сжатый рот, бровь как отвертка, уставившегося вниз на свои носки.

Plane (рубанок)

В некоторых текстах содержатся сравнения действий отдельных органов человеческого тела с работой рубанка:

*The **teeth** were moving backwards and forwards, like a carpenter using his plane* (S. Goodrich. The Wonders of Geology). – **Зубы** двигались взад-вперед, как будто плотник работал рубанком.

Pliers (плоскогубцы, кусачки, клещи).

Принцип работы клещей, сопоставляемый с движением ног, лежит в основе следующего сравнения:

*When I slowed and stood on a pointed rock, my **feet** holding toward each other like pliers* (J. Dickey. To the White Sea). - *Когда я замедлился и остановился у остроконечной скалы, мои **ноги** двигались по отношению одна к другой, как клещи.*

Tongs (щипцы, клещи)

Форма щипцов ассоциируется с конфигурацией человеческого тела:

*He rides like an infantry officer, and when mounted, **he** looks like a pair of tongs* (L. J. Abrantes. Memoirs of Napoleon, His Court and Family). – **Он** скачет, как пехотный офицер, и когда на коне, то похож на щипцы.

Отмечены также случаи, когда взгляд чьих-то глаз уподобляется образу действий этого же инструмента. Щипцы как бы выталкивают, вытягивают что-то крепко засевшее:

Her eyes were like tongs, and they were always wanting to dig into him and pinch something out of him he didn't have (Guy de Maupassant. A Day in the Country and Other Stories). – *Ее глаза* были, как щипцы, они все время так и ждали, чтобы покопаться в нем и выжать из него даже то, чего он не имел.

С клещами сравниваются челюсти:

*I had not thought existence could support: a circular mouth rimmed with needle teeth, **jaws** like tongs* (G. Wolfe. The Claw of the Conciliator). – *Я даже не думал, что такое возможно: круглый рот, обрамленный иглами зубов, и челюсти, напоминающие щипцы.*

Руки и ноги сопоставляются со щипцами вследствие сходства их внешнего вида и характера движений:

*And on that word his metal **hand** clenched on Totho's shoulder like tongs* (P. Macmillan. Adrian Tchaikovsky). – При этих словах его металлическая **рука** сжала плечо Тосо, как клещи.

*He was waiting behind the door, feet spread wide, knees bent, **arms** apart like ice tongs* (H. Mazer. The Last Mission). – Он ждал за дверью, широко расставив ноги, колени согнуты, **руки** разведены в стороны, как щипцы.

Несомненно, что-то общее можно найти в пальцах рук и щипцах:

*Israel craned his neck to look at the man whose **fingers** were seated to depth in his flesh like tongs* (D. Chacko, A. Kulcsar. The Brimstone Papers). – Израиль вытянул шею, чтобы посмотреть на человека, чьи **пальцы** были всажены глубоко в его плоть, как щипцы.

*She used her **fingers** like tongs to turn my face right and then left* (T. Amy. Valley of Amazement). – Она использовала **пальцы** как щипцы, чтобы поворачивать мое лицо вправо и влево.

То же «конфигурационное» сравнение с ногами:

*His **legs** were impossibly long, like tongs* (S. Snyder. Voodoo Heart). – Его **ноги** были невозможно длинными, как щипцы.

Наконец – и это легко себе представить – союзом “like” (русское «как») можно объединить усы человека и щипцы:

*He had a pair of most magnificent **moustaches** which curled downwards like the handles of a pair of tongs* (J. Lane. The Phoenix and the Laurel). – У него была пара самых великолепных **усов**, завивающихся книзу, как ручки щипцов.

Тягостное состояние человека также сравнимо с функцией щипцов:

*A strange **longing**, he remembered, had crept into his soul and pressed and pulled at him like tongs* (S. Aleichem. Wandering Stars). – Странная **тоска**, он помнил, закралась в душу, давила и жала его, как клещами.

Домашняя утварь

Poker (кочерга)

Визуальная характеристика кочерги, допускает нижеследующие сравнения:

*Mrs. Hudspeth was an old **lady** like a stove poker, stiff, straight, and black; but she had the same look the stove poker has of having spent a life near the fire* (J. West. Friendly Persuasion West). – *Миссис Хадспет была пожилой **женщиной**, похожей на печную кочергу, жесткой, прямой и черной, она выглядела как печная кочерга, потому что провела всю жизнь у огня.*

*I was as **stiff** as a poker, and as red-hot with pain* (J.D. Caplan. Memories of the Gorbals). – *Я **остолбенел**, как кочерга, от боли и покрылся ярким румянцем.*

*He never moved a muscle of his back and sat up **straight** as a poker* (A. Johnston. The Little Colonel's Hero). – *Он не двинул мускулом спины и сидел **прямой**, как кочерга.*

*The constable was holding **back** with all his might, rigid as a poker.* (K. MacKinlay. Long Remember). – *Констебль держал **спину** всем своим существом, твердо, как кочергу.*

Knife (нож)

Приведем пример отмеченной писателем аналогии между профилем лица и ножом, подразумевая их сходную степень толщины:

*In fact, his **face** couldn't be seen from the front at all, but only in profile, like a knife or an axe* (D. Linh. Love Like Hate Seven Stories). – *На самом деле, его **лицо** нельзя было увидеть спереди, только в профиль, как нож или топор.*

Очертания ножа ассоциируются с носом, ртом или улыбкой:

*Her face was expressionless, and that long, Modigliani **nose** was like a knife against the darkness* (L. Banks. The Crow Road London). – *Ее лицо было невыразительным, и этот длинный **нос** Модильяни был, как нож на фоне тьмы.*

*His **mouth** is like a knife* (T. Angel. Look Homeward) – *Его **рот** был, как нож.*

*She jumped slightly as Luke raised his head abruptly and looked at her, his **smile** like a knife, brilliant and deadly, was slicing at her* (J. Bauling. Ransacked heart). – *Она слегка вскочила, когда Люк резко поднял голову и посмотрел на нее, его **улыбка**, словно нож, блестящая и смертельная, скользила по ней.*

В нижеследующих примерах человек сравнивается с ножом на основании знания остроты этого орудия:

*We all knew **he** was sharp, sharp as a carving knife* (R. Barnard. Posthumous papers). – *Мы все знали, **он** был острым, острым, как разделочный нож.*

Этот признак сопоставим с образом жизни людей:

*It was like **living** on a knife edge* (A. Mowat. Prisoner of Zenda). – *Это было сродни **жизни** на острие ножа.*

Под этим же словом подразумевается острый ум, повышенная бдительность у человека:

*Don't be deceived for an instant. **Mind** like a knife* (A. MacLean. Santorini). – *Не обманывайся ни на мгновение. **Бди**, как нож.*

Предназначение орудия «во что-либо врезаться» легло в основу следующих ассоциаций:

Подчеркивается легкость движения ножа:

*They **slid** to their place like a knife in butter* (K. Leader. Deep in Hell). – *Они **проскользнули** на свое место, как нож сквозь масло.*

*Uzi **cut into** the surrealistic scene like a surgeon's knife* (J. Bedford. The titron madness). – *Юзи **вошел** в сюрреалистическую **сцену**, как хирургический нож.*

Речь человека, сравниваемая с ударами ножа, воспринимается, как жесткая и категоричная:

*Then he turned to his wife and addressed her **words** that cut like a knife* (P. Ling. Flood water). – *Затем он повернулся к своей жене и обратился к ней **словами**, которые как ножом резали.*

*She winced, the force of his brutal **remark** piercing through her like a sharp knife* (S. Wood. Mask of deception). – Она поморщилась, сила его жесткой **ремарки** пронзила ее, как острый нож.

*The **news** cut through him like a knife* (A. Darlene. When Men Act Like Animals (and Other Living Creatures)). – **Новость** пронзила его, как нож.

*He was taken aback because he didn't expect this **question**, which was like a knife* (S. G. Obeng. Surviving Through Obliqueness). – Он был застигнут врасплох, так как не ожидал **вопроса**, похожего на нож.

What she said cut the air like a knife (C. Klaus. Life after Life). – То, что она **говорила**, резало воздух, как нож.

*Miss Harker's **voice**, suddenly shrill, struck Evelyn like a knife in the back* (P. Scobie. A twist of fate). – Пронзительно кричащий **голос** мисс Харкер поразил Эвелину, как нож в спину.

*That **scream** went like a knife into the heart of everyone on the train* (N. Edith. J. Escott. The railway children). – Тот **вопл** вошел, как нож, в сердце каждого, кто находился в поезде.

Приведем примеры приравнивания внутреннего состояния человека к действию ножа, воспринимаемого как источник острой, резкой боли:

*The **pain** I felt when you left was like a knife cutting into my skin* (T. N. Hanh. Path of Compassion: Stories from the Buddha's Life). – **Боль**, которую я чувствовал, когда ты ушла, была как нож, врезающийся в мою кожу.

*Then it **struck** like a knife thrust* (K. Dovkants. A Combat of Devils). – Это **поразило**, как удар ножом.

*Dorian remembered what he had seen and cold **fear** ran through him like a knife* (O. Wilde. The picture of Dorian Gray). – Дориан помнил, что он увидел, и холодный **страх** пронзил его, как нож.

Место нанесения удара ножом определено в следующих выражениях:

*Laura felt the old **longing** for him twist like a knife in her stomach* (M. Lynch. Double fire). – Лаура чувствовала острую **тоску** по нему, как нож, крутящийся в желудке.

Rejection was so icily painful that she caught her breath. It was like a jagged knife, jerking in her solar plexus (R. Ash. Calypso's Island). – **Отторжение** было настолько болезненно ледяным, что она затаила дыхание. Это было похоже на зазубренный нож, подергивающийся в ее солнечном сплетении.

To see that child lying in a cell out of her head on drugs was like having a knife twisted somewhere in your bowels (M. Cole. The ladykiller). – **Видеть** ребенка, лежащего в камере не в себе из за наркотиков, было все равно, что чувствовать нож, крутящийся где то в кишечнике.

Scissors (ножницы)

Слово «ножницы» используется для сравнения с ними конечностей: ног и пальцев рук человека.

His legs spread wide like scissors (J. R. Allen. Shadowboxing). - Он расставил **ноги** широко, как ножницы.

She held up her right hand, using her index and middle fingers like scissors (N. K. Hoffman. Airborn). - Она приподняла свою правую руку, выставила вперед, как **ножницы**, указательный и средний пальцы.

Принцип работы ножниц, схожий с движениями туловища и ног, широко используется в спортивной терминологии.

back scissors - обратное скрещение (самбо) (НБАС);

Flat body scissors - обхват туловища ногами (борьба) (НБАС);

Scissors hold - обхват ногами головы или туловища в борьбе (NCD).

Scissors dismount - соскок назад с коня скрещением и поворотом на 90 градусов (НБАС);

Scissors-Jump (*scissors high jump*) - прыжок в высоту "перешагиванием" (НБАС).

Ум человека уподобляют остроте ножниц.

His head for business is almost as sharp as his scissors (N. Darnton. Multiple choices). - Его **способность к бизнесу** почти так же остра, как ножницы.

Наконец, «сценарные» действия ножниц позволяют использовать это слово для характеристики вербального поведения человека:

*We've been programmed by **language**. We use it as we use a pair of scissors* (L. Barrett. Beyond the Brain: How Body and Environment Shape Animal and Human Minds). – *Мы запрограммированы **языком**. Мы пользуемся им, как ножницами.*

См. еще один пример того же плана:

*If one spoke a sentence, then another **went into the sentence** like a big pair of scissors, cut the sentence through the middle and completed the sentence himself* (E. S. Ozdama. The Bridge of the Golden Horn). – *Если один начинал какое-то предложение, другой **вклинивался** в него, как большие ножницы, разрезал предложение по середине и самолично заканчивал его.*

Needle (иголка)

Если человек чрезвычайно худ, есть основания сказать, что он похож на иглу:

*You look as **slim** as a needle* (M. Bowring. Vets in opposition). – *Ты выглядишь **тонкой**, как иголка.*

Знак фиктивного равенства можно поставить между зубами и набором мелких и острых иголок:

*I yipped as the baby bit my ear with little needle **teeth*** (S. Forest. The Most Invasive Species). – *Я взвыл, когда младенец укусил меня за ухо маленькими игольчатыми **зубками**.*

В отдельных случаях тот же образ вызывают черты лица человека:

*A young, thin-faced man with brown hair, a sharp needle **nose** and watery eyes answered* (M. Clynes. The poisoned chalice). – *(Мне ответил) молодой, тонколицый мужчина с темными волосами, острым, как иголка, **носом** и слезящимися глазами.*

С проворной иглой сравнивают остроту человеческого ума:

*I am!' Clever as hell, yes; **sharp** as a needle, yes; knowing most answers to given problems, yes.* (J.Caplan. Memories of the Gorbals). - *Я умный, как черт, **острый**, как игла. Да, я знаю ответы на большинство вопросов.*

Схожими кажутся движения человека, например, умело пробирающегося через толпу, и иглы в процессе работы с тонким пошивочным материалом:

*Yolanda moved toward him, **nudging** her way through the crowd like a needle through a soft fabric* (S. W. Carter. The Time Traveler's Wife). - *Иоланда двигалась к нему, **проскальзывая** сквозь толпу, как иголка сквозь мягкую ткань.*

Фигурально выражаясь, с уколом иглы сопоставимы вызванные разными причинами физические и эмоциональные переживания человека, настолько они бывают острыми и неожиданными:

*He gritted his teeth, feeling the **pain** like a needle in his guts* (D.Wingrove. Chung Kuo: The white mountain). – *Он стиснул зубы, почувствовав внутри острую, как иголка **боль**.*

*I watched Gavin leave me – with tiny **fear**, like the prick of a needle* (P. Falvey. The linen queen). - *Я наблюдал, как Гэвин покидала меня - с тайным **страхом**, как уколом иглы.*

*The **guilt** hits me like the flu or like a needle in my heart* (A. M Balcita. Moonface and Charlie). - ***Чувство вины** поражает меня, как грипп или как иголка в сердце.*

*Penry's **derision** acted like a red-hot needle, pricking the fragile balloon of her vanity* (G. Richmond. Out of the storm). - ***Насмешки** Пентри действовали как красная раскаленная игла, протыкающая хрупкий воздушный шар тщеславия.*

Awl (шило)

«Картиночные» и функциональные качества шила ассоциируются с физическим состоянием людей:

*A spot of **pain**, sharp and pointed as an awl, pressed out inside his forehead just between his eyes*». (R. Bradbury. Golden Apples of the Sun). - **Пучок боли**, острый и точечный, как шило, давил в области лба, как раз между глазами.

С уколом шила сопоставим и чей-то пронзительный взгляд:

*His **eyes** were not looking at what he was doing but fixed sharp as an awl* (M. Ward. Snake Pit). - **Его глаза** не смотрели на то, что он делал, но уставились остро, как шило.

3.2.2. Образные переосмысления орудий труда в английских загадках

От метафор и образных сравнений перейдем к английским загадкам, которые, с нашей точки зрения, также призваны объективировать в сознании тех, кто занят их дешифровкой, не только образы орудий труда, но и образы их действий. Орудиям труда, как и на русском языке, присваиваются номинации, схожие с конструктивными элементами человеческого тела.

Сомнительно, что современный носитель английского языка без труда отгадает загадки, за метафорической формулировкой которых стоят давно вышедшие из употребления артефакты. Однако, преследуя цель показать «инсайтовую» характеристику обозначающих их лексем, мы не отказываемся от нижеследующих примеров.

Орудия труда для сельскохозяйственных и земляных работ

Mattock (мотыга)

Устройство мотыги в «завуалированном» виде порождает нижеследующий текст:

*I have long wooden **body** and heavy metal **head**. My **head** is sharp with an adze and a chisel edge.* - У меня длинное деревянное **тело** и тяжелая металлическая **голова**. **Моя голова** – острая, под прямым углом и похожа на зубило.

Plow (плуг)

Детали плуга видятся похожими на человеческие части тела:

*It stands on the field with **legs** spread. - Стоит на поле с растопыренными ногами.*

Такая характеристика орудия, как «горбатенький» так же наводит на мысль о живом существе. Подсказка здесь – предназначение данного орудия труда.

*A bit small a bit **hunched** he dug up the whole field. - Маленький, горбатенький, он вскопал целое поле.*

Sickle, reaping-hook (серп)

Все зафиксированные ниже характеристики серпа присущи человеку, и только упоминание об уборке урожая позволяет судить о том, что на самом деле задумано:

***Stooped, hunched** he knocked down all the grain - Сутул, горбат, он уложил на землю все колосья.*

Rake (грабли)

В загадке про грабли указывается на важный элемент их конструкции и один из объектов, на который может быть направлено действие данного орудия труда:

*I have **teeth** but not a man. I like hay but not a cow. - У меня есть зубы, но я не человек. Я люблю сено, но я не корова.*

Crowbar (лом)

В нижеприведенных загадках внимание адресата также сосредоточено на устройстве орудия и его функциональной предназначенности:

*Very straight **body**, very strong sound. Take me everybody to deep into the ground. – Очень прямое тело, очень сильный звук. Берите меня все и вонзайте глубоко в землю.*

Может разыгрываться целый сценарий срока службы инструмента:

*When I was young I crushed things. When I got old I got rusted. When I died my worthless **body** got thrown into a scrapyard, and the dogs don't eat it. – Когда был молодым, разбивал вещи. Потом я стал старым и заржавел. Когда я умер, мое бесполезное **тело** выбросили на свалку, и собаки не стали его есть.*

Инструменты для работы с деревом или металлом

Ахе (топор)

Иносказательное описание артефакта и характеристика его функционирования являются ключом к отгадке:

*I have a **head** and a **body**, but I am not a man. I can cut hard things but I don't cut soft. - У меня есть **голова и тело**, но я не человек. Я могу резать твердые вещи, но не могу мягкие.*

Saw (пила)

Приведем примеры загадок, в которых внимание адресата также сосредоточено на устройстве орудия и его функциональной предназначенности:

*What has **teeth** but no mouth? - Что имеет **зубы** но не имеет рта?*

*What has a hundred **teeth** but can not eat. - Что имеет сотню **зубов**, но не может есть?*

*Please do not run with me in your hands. I have a blade long and thin, and one hundred **teeth**. That nibbles wood that is my food. - Пожалуйста, не бегайте со мной в руках. У меня лезвие длинное и тонкое, и у меня **сто зубов**. Все деревянное - моя еда.*

*My sharp steel **teeth** in any wood for cutting trees are any good. So if you want to fell a tree, you'll have to make good use of me. - Мои острые стальные **зубы** очень хороши для того, чтобы срезать дерево. Если вы хотите свалить дерево, вам придется много потрудиться.*

Hammer (молоток)

Тот же самый принцип заложен в загадке про молоток:

*Who is very long and thin with a big and heavy **head**? - Кто очень длинный и тонкий с большой и тяжелой головой?*

*What has a **head**, can't think, but drives? - Что имеет **голову**, не может думать, но умеет колотить?*

Screwdriver (отвертка)

Детали отвертки видятся похожими на человеческие части тела:

*Fat **body**, straight **leg**. – Толстое **тело**, стройная **нога**.*

В следующих загадках упоминание о принципе работы артефакта помогает судить отгадчикам о том, что на самом деле подразумевается:

*I twist round my **body** on one **leg**. – Я кручусь вокруг моего **тела** на одной **ноге**.*

*I am a dancer and screw round my **body**. – Я танцор и кружусь вокруг моего **тела**.*

*Stands on one **leg** barefoot, it circles when it's held. – Стоит на одной босой **ноге**, крутится, когда ее держат.*

Pliers (плоскогубцы, кусачки, клещи).

Образное описание устройства орудия и его функционирования являются ключами к следующим отгадкам:

*My **navel** is a screw. My **body** is of steel. My **arms** catch things. What am I? – Мой **пупок** – это шуруп. Мое **тело** из стали. Мои **руки** ловят вещи. Кто я?*

*Steel **body**. Strong **hands**. I'll catch everybody. Will you be my friends? – Стальное **тело**. Сильные **руки**. Я поймаю всех. Будете моими друзьями?*

Tongs (щипцы)

Функция данного орудия труда может быть эксплицитно выражена:

*What has long **hands** to pitch up and hold small things. - Что имеет длинные **руки**, чтобы хватать и удерживать маленькие вещи?*

Однако, описание внешнего вида инструмента становится объектом метафоризации:

*Long **legs** crooked things, a little **head** but no eyes. - Длинные **ноги** скручивают вещи, есть маленькая **голова**, но нет глаз.*

Домашняя утварь

Knife (нож)

В загадке о ноже предполагается, что загадываемый объект мог бы обладать частями тела человека, хотя их наличие на самом деле отрицается:

*Without **hands** without **feet** it slices noodles. – Без **рук**, без **ног**, он режет лапшу*

Scissors (ножницы)

В загадке про ножницы дается подробная инструкция, как именно они работают:

*Poke your fingers in my **eyes** and I will open wide my **jaws**. Linen cloth guiles or paper, I am greedy and cut them all. Who am I? - Всуньте ваши пальцы в мои **глаза**, и я широко открою мои **челюсти**. Льняная ткань или бумага, я жадный и порежу их всех. Кто я?*

*I open wide and tightly shut, sharp am I have paper-cut **fingers** too, so take care, I am good and bad, so best be ware. - Я открываюсь широко и крепко закрываюсь. Я острый с режущими бумагу **пальцами**, так что берегись, я хороший и плохой, так что будь начеку.*

Needle (иголка)

Перед нами интересный случай, когда в английской загадке речь идет о «глазе», хотя в русском варианте у иголки не «глаз», а «ушко»:

*There is one that has a **head** without an **eye**, and there's one that has an **eye** without a **head**. You may find the answer if you try, and when all is said, half the answer hangs upon a thread. – Есть кто-то, кто имеет голову без глаза (ушка), и есть кто-то, у кого есть глаз (ушко) без головы. Если постараться, вы можете найти ответ, а пол ответа уже висит на нитке.*

Awl (шило)

Как и во многих других загадках, персонификация бытового инструмента сочленяется с подсказкой, говорящей о том, для чего данный предмет служит:

*I am **fat** but make small holes (awl). - Я **толстый**, но делаю маленькие дырки*

Заканчивая разговор о загадках, еще раз подчеркнем факт их антропоморфной направленности. Так или иначе, большинство загадок иллюстрируют собой феномен вербальной (первичной) органопроекции с той лишь разницей, что случаи переноса соматических элементов на те или иные орудия труда фиксируются не привычными «стертыми» метафорами, часто являющиеся общепризнанными терминами, а метафорическими репрезентациями, которые служат целям языковой игры и лишены функции означивания вне пределов загадки.

ВЫВОДЫ

Анализ «инсайтовых» характеристик орудий труда, представленных английскими номинациями, подтвердил результаты, полученные при рассмотрении аналогичного материала на русском языке.

В английском языке так же, как и в русском, словарные дефиниции простейших орудий труда детально описывают их устройство, предназначение, принцип действия.

Отметим и свойственные языкам различия. Интересующие нас словарные определения отличаются по объему заложенной в них информации. Русские толкования более кратки по сравнению с английскими, подробно дифференцирующими функцию, которая может совсем отсутствовать в русском варианте их описания, что является подтверждением прагматичного подхода носителей английской речи к «орудийным» реалиям.

Дело здесь не только в лексикографической традиции. Носители обоих языков прекрасно представляют топоры, лопаты, вилы и прочие орудия труда, в одинаковой мере знают их предназначение. Просто в одном случае вербализуется то, что в другом – имплицитруется. А это значит, что образы орудий труда живут в сознании «сами по себе», а словари лишь по-разному фиксируют их содержание.

В исторической памяти людей, говорящих по-английски, стираются образы тех орудий труда, которые вышли из активного употребления.

Верно и то, что по одной упомянутой детали соотносимой с конкретным «орудийным» артефактом, носители английского языка способны воссоздать его мысленно, если, конечно, до сих пор предмет не превратился в реликвию, не каждому читателю известную.

Примеры «орудийных» метафор показывают, что принцип образного переосмысления орудий труда в сознании англоговорящих, ничем не отличается от описанного в русской части исследования, включая разработку таких важных для нас понятий, как «прямая» и «обратная» органопроекции в их языковых репрезентациях.

Сказанное выше подтверждается и загадками – иносказанием признаков «орудийных» концептов, способных объективировать искомый образ орудия труда.

В антропоморфных формулировках загадок функционируют названия таких частей тела человека, как “body” (тело), “head” (голова), “legs” (ноги), “teeth” (зубы), “heels” (пятки), “hands” (руки), “jaws” (челюсти), “eyes” (глаза), которые причисляются нами к фактам вербальной органопроекции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная память – это суммарный опыт, переживаемый людьми совместно, коллективные представления народа, переходящие от одного поколения к другому на протяжении всей жизни социума. Часть этих представлений связана с орудиями труда, которые следует рассматривать в качестве составных элементов знаний людей о мире, его прошлого и настоящего бытия. Без «орудийного» фрагмента немислима «картина мира», формируемая в головах носителей языка.

Трудно переоценить роль орудийных артефактов в становлении цивилизации, ее развитии до рубежей нашего «сегодня». Знания об их внешних характеристиках (атрибут зрительной памяти человека), а также знания об их функциональной предназначенности (сложившиеся опытным путем) соединяются воедино, когда мы думаем о таких предметах нашего повседневного быта. Отражение комплексных знаний об орудиях труда в сознании людей – их внешнем виде и прикладных возможностях – происходит на уровне ментальных репрезентаций, которые в нашей работе именуется «инсайтами».

«Инсайты» - особые структуры представления знаний, существующие наряду с другими видами концептуальных сущностей – «мыслительных картинок», «схем», «фреймов» и «сценариев» (из этого следует, что концептуальная картина мира – его ментальная подоснова – неоднородна). Этот концепт являет собой ментальный образ орудия труда (на уровне его умозрительного представления) и образ действий, совершаемых с помощью этого орудия. Трактовка нового типа концепта «инсайта» согласуется с выделением двух видов знаний: декларативного (знание «что») и процедурного (знание «как»). Инсайт – это как раз такая структура, которая объясняет, каким образом эти два знания могут быть интегрированы.

Вместе с тем, о концептуальном содержании «инсайтов», скрытых от непосредственного восприятия, можно вести речь благодаря лишь семному

анализу семантемы, «схваченной» языковыми знаками. Словарные дефиниции рассматриваются нами в качестве одного из средств выявления «орудийных» концептов. Лексикографические толкования слов, называющих орудия труда, «прорисовывают» их примерно в том виде, в каком они представляются сознанию и хранятся в социальной памяти носителей языка. Например, БАС (Большой академический словарь русского языка) представляет лопату как «деревянное или металлическое орудие с рукояткой и с нижним широким, плоским концом, служащее для копания, сгребания чего-либо и т.п.».

Конечно, люди не сверяют значения широко известных всем слов по словарным изданиям, но цель подобных описаний – воспроизвести тот образ, который возникает в сознании человека при восприятии данной лексемы.

Необходимо отметить, что, по мнению ряда видных ученых, существует взаимосвязь между разработкой человеческим сознанием определенных жизненных сфер и корпусом языковых средств, служащих для их номинации. «Ближний» мир людей, наиболее понятный и доступный, характеризуется максимальной разработанностью, детальностью вербализации в различных письменных источниках. Не случайно полнота и точность описания орудия труда зависят от частоты или привычности его появления в жизни наблюдателя, месте и роли в культуре народа. Таким образом, важным выводом нашей работы является положение о существовании обратно пропорциональной зависимости между структурой представления знаний, которую мы называем «инсайтом», и ее словарным определением. Чем проще предмет мысли, тем подробнее он прописан в словарных дефинициях. Одни из самых ярких и наглядных дефиниций связаны не с узкоспециальными знаниями, а с наиболее простыми артефактами, используемыми в повседневной жизни.

Интересно и то, что социальная память не всегда удерживает совокупность всех деталей тех орудий труда, которые вышли из активного употребления, и это вполне естественно. Для современного носителя

русского языка не актуально их наличие. Любопытно, что с течением времени из дефиниций рассмотренных нами лексем могут выпадать обозначения деталей, которые раньше считались нужными для описания предмета. Так, в словаре В.И. Даля читаем: «веретено – простое, ручное орудие для пряжи: деревянное, точеная палочка, четверти в полторы, острая к верхнему концу и утолщенная к нижней трети, с зарубкою и круто заостренной пяткою». Мы, конечно же, помним, что такое веретено, но когда-то существенные подробности его конструкции для нас сегодня не важны.

Знания, несомые словарными толкованиями, определенным образом дублируются в контекстах. В одном случае информация представляется «свернутой» дефиницией, в другом – «рассредоточена» в контекстах. Любопытно то, что образ орудия труда реализуется в мысли целиком, в полном своем формате, даже если вербально объективируется лишь один из конструктивных элементов того или иного «орудийного» артефакта, иными словами – только один когнитивный признак какой-то реалии (явление, довольно часто встречающееся на страницах художественной литературы). См., например: «Шофер слез, обошел машину, выругался, подняв с земли оброненный кем-то железный зуб от грабель» (А. Гайдар. Дым в лесу). Упоминается единственный признак сельскохозяйственного орудия, но память «дополняет» все остальное, здесь отсутствующее: грабли – насаженная на длинную рукоять колодка с зубьями для сгребания сена и рыхления земли. Кроме того, в приведенном отрывке иллюстрируется и характер этого «зуба» – он острый, так как колесо транспортного средства оказалось проколотым. В данном факте реализуется еще одно доказательство существования в голове человека соответствующего «инсайта» в его целостной репрезентации.

Как показывает анализ переосмысления лексем, вербализованные в дефинициях ментальные образы («картиночные» репрезентации) и образы их действий (функциональные характеристики) легли в основу и

метафорических переосмыслений, и образных сравнений.

Эти образные преобразования в значительной степени антропоцентричны и ориентированы на характеристику самого человека, его внешнего вида и анатомического строения, а так же совершаемых им действий. С одной стороны, изготавливая приспособления для облегчения собственного труда, люди создавали их по своему образу и подобию, что составляет суть предложенной Э. Каппом «органопроекции». В первичном значении этого термина она сопряжена с историей возникновения орудий труда на заре человеческой цивилизации. Это потом, преклоняясь перед неведомыми силами природы, человек искал ответ на вопрос, откуда взялись орудия труда, ища ответы в древних народных сказаниях о легендарных героях и божественных существах. К первичной органопроекции мы относим и ее языковой аналог – в качестве «орудийных» номинаций часто используются соматизмы – слова, называющие части и органы человеческого тела (например, «ушко» иглы).

С другой стороны, в ходе данной работы был выявлен процесс, называемый нами «обратной органопроецией», заключающейся в проведении людьми аналогии известных им орудий труда с «конструктивными элементами» собственного «я»: руки-крюки, пальцы грабли, зубы как жернова и т.п. «Орудийные» номинации стали возвращаться к человеку в виде образных сравнений, метафорических переносов и в «раскладе» народных загадок, жанре фольклора «малых форм».

Конечно, метафоры и образные сравнения по своей сущности относятся к когнитивным феноменам, они не существуют вне системы знаний человека о мире и о нем самом, а знания неразрывно связаны с памятью.

Явления, прослеженные нами на материале русского языка, носят универсальный характер. Об этом свидетельствуют данные, полученные нами при анализе английских номинаций, обозначающих орудия труда.

Еще раз подчеркнем абсолютное сходство структуры ментального концепта «инсайта» в русском и английском сознании людей, имеющим при этом сходное вербальное воплощение в прямых и образных значениях.

Таким образом, в проведенном исследовании показано, как в «материи» языка вербализуются интересующие нас объекты социальной памяти. Перспективу работы мы видим в дальнейшем изучении «инсайта» как особой структуры представления знаний, а именно - перспективным видится создание словаря метафор и образных сравнений, посвященных «орудийному» фрагменту языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аникин Д.А. Память как социальный феномен / Д.А. Аникин // Известия саратовского университета, 2007. Т.7, Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. - М.: Наука, 1974. - 367 с.
3. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1995. - 766 с.
4. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Том I. Парадигматика / Ю.Д. Апресян. - М.: Школа «Языки славянских культур», 2009. - 568 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва, 1999. – 896 с.
6. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А.Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. - М., 1997. С.276-319.

7. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. - М., Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

8. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. - Воронеж, ВГУ, 1996 – 103 с.

9. Бабушкин А.П. Колмаков В.Б. Социальная память в письменности: лингво-философский аспект / А.П. Бабушкин // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1. Гуманитарные науки, 1998 №2, с. 139 – 152.

10. Бабушкин А.П. Категоризация антропоморфных артефактов / А.П. Бабушкин // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. Сб. в честь Е.С. Кубряковой. - М.: Языки славянских культур, 2009. с. 187-193.

11. Баранов А.Н. Постулаты когнитивной лингвистики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Изв. АН. Сер. Лит. И яз. 56. 1997 №1 с.11-21.

12. Бергер П., Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология / Б. Бергер. - М., 2004. С.29-36.

13. Бергсон А. Собрание сочинений в 4 томах / А. Бергсон // Т. 1: Опыт непосредственных данных сознания. Материя и память. - Москва: "Московский клуб", 1992. - 336 с.

14. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. Изд. 2-е. - Тамбов: ТГУ, 2000, - 123 с.

15. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. - Тамбов: Издательство Тамбовского университета, 2001. – 123 с.

16. Болдырев Н.Н. Методологические проблемы когнитивных исследований в лингвистике / Н.Н. Болдырев // Филология и культура: материалы VII Междунар. науч. конф. 14-16 окт. 2009 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. - Тамбов: дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 35 – 41.

17.Брутян Г. А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Научные доклады высшей школы. Философские науки. - М., 1973. № 1. С. 84-112.

18.Брутян Г. А. Языковая картина мира и ее роль в познании / Г.А. Брутян // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван: Издательство Ереванского государственного университета, 1976. – с. 53 – 69.

19.Вавилов С. И. Исаак Ньютон. Научная биография и статьи / С. И. Вавилов. - Академия наук. СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. - 294 с.

20.Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. - М., МГУ 1993. – 223 с.

21.Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. - М., «Русские словари» 1996. – 416 с.

22.Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов / А. Вежбицкая // Семантические универсалии и описание языков. Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной.- М.: Языки русской культуры, 1999. — с. 263-305.

23.Вежбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека / А. Вежбицкая // Вопросы языкознания. – №6. – 2000. – С. 33-38.

24.Вежбицкая А. Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира?» / А. Вежбицкая // Динамические модели. Слово, предложение, текст: сборник статей в честь Е.В. Падучевой. – Москва. Языки славянских культур, 2008. – с. 177 – 189.

25.Верещагин Е.М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва, Наука, 1976. – 285 с.

26.Витгенштейн Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн. - М., Издат. Дом «Территория будущего» 2005. – 437 с.

27.Волоцкая З.М. Лексика болгарских загадок (Опыт составления семантического словаря загадок) / З.М. Волоцкая // Славянское и Балканское

языкознание. Проблемы лексикологии. - М., Изд-во «Наука», 1983. - с. 187-204.

28. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки - 2001 - № 1. - С. 64-72.

29. Воробьева О.П. Вирджиния Вулф и поэтика инсайта / О.П. Воробьева // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – с. 764-776.

30. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – Москва: Наука 1988. – с. 11-26.

31. Гак В.Г. От толкового словаря к энциклопедии языка (Из опыта а современной французской лексикографии) / В.Г. Гак. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - Т. XXX. Вып. 6. - М., 1971. - С. 524-530.

32. Гак, В.Г. Русская динамическая языковая картина мира / В.Г. Гак // Русский язык сегодня. Сборник статей. Выпуск 1. М., 2000. С.36-45.

33. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира / Г.Д. Гачев // Народы Азии и Африки. – 1967 №1 с. 77-92.

34. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. - СПб., 2000. - 190 с.

35. Гоббс Т. Сочинения / Т. Гоббс. – Издательство «книга по требованию», 1991. – 731 с.

36. Головачева А.В. К вопросу о прагматике загадки / А.В. Головачева // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. - М., Индрик 1994. с.195-214.

37. Гольдберг В.Б. Структурные семантические связи, отражающие познание действительности вглубь / В.Б. Гольдберг // Филология и культура: Материалы V Междунар. науч. конф. 19-21 октября 2005 года. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. - С. 140-143.

38. Гречко В.А. Теория языкознания. Уч. Пособие / В.А. Гречко. - М.: Высш шк., 2003.— 375 с.

39. Гришаева Л.И. Картина мира как проблема гуманитарных наук / Л.И. Гришаева, М.К. Попова // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21-24 апреля 2003г. Курск). Воронеж, ВГУ 2003. – с. 13-38.

40. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. - М., 1984. – 400 с.

41. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. — 352 с.

42. Ермоленкина Л. И. Метафорическое моделирование этико-эстетической оценки человека в русских народных говорах : автореф. дис. . канд. филол. наук / Л. И. Ермоленкина. Томск, 2002. – 22с

43. Ждан А.Н. Психологическое учение Рене Декарта / А.Н. Ждан // История психологии от античности до наших дней. - М.: 2004. - 576 с.

44. Заде Л.А. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений // Математика сегодня. – 1974, № 7 с. 5-49.

45. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. (Язык. Семиотика. Культура). Сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. - М.: Языки русской культуры, 2005. — 544 с.

46. Золотова Н.О. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Н.О. Золотова. - М.: Наука, 1973.- 351 с.

47. Игнатьева И.Ф. Антропология техники: человек как субъект мира техники / И.Ф. Игнатьева. - Екатеринбург, издательство Уральского университета, 1992. – 130 с.

48. Илизаров Б.С. Память социальная // Энциклопедический социологический словарь. Общая ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М., 1995. С. 520–522

49. Капп Э. Философия машины // Роль орудия в развитии человека / Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас. – Л.: 1925. – 168 с.

50. Кара-Мурза С.Г. Российская промышленная политика и политэкономическая модель производства / С.Г. Кара-Мурза // Социально-философское обоснование промышленной политики. - М., ИКК РИА 1994 с.10-24.

51. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Монография. – Волгоград. Перемена. – 2002. – 477 с.

52. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. - М., Наука 1976. – 355 с.

53. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

54. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности / В.Б. Касевич. - М.: Языки славянской культуры, 2013. – 193 с.

55. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. - М., «Наука» 1965. – 111 с.

56. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления Языки славянской культуры / С.Д. Кацнельсон. - М., 2001. – 864 с.

57. Кибрик А.Е. Лингвистические реконструкции когнитивной структуры / А.Е. Кибрик // Вопросы языкознания 2008 №4 с.51-77.

58. Кибрик А.А. Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / А.А. Кибрик, А.Д. Кошалев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. – М.: Языки Славянской культуры, 2015. – 848 с.

59. Климов Е.А., История психологии труда в России. Учебное пособие / Е.А. Климов, О.Г. Носкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 221 с.

60. Колесов В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.

61. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. - М., «Наука» 1990. – 108 с.

62. Комлев Н.Г. Слово, денотация и картина мира / Н.Г. Комлев // Вопросы философии, 1981, № 11 - с. 25-37.

- 63.Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. - М., Черо, 2003. – 349 с.
- 64.Коул М. Культурно-историческая психология / М. Коул. - Наука будущего. М., Когито-центр. 1997. – 432 с.
- 65.Кравцов Н.И. Русское устное народное творчество. М., 1983, с. 83-84
Кравцов Н.И. Русское устное народное творчество: учеб. для фил. спец. ун-тов. – 2-е изд. / Н. И. Кравцов, С. Г. Лазутин. – М.: Высш. шк., 1983. – 448 с.
- 66.Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка / А.В. Кравченко. – Иркутск: ОГУП «Иркутская областная типография №1», 2001. – 261 с.
- 67.Краткая философская энциклопедия. М., Прогресс, 1994. – 576 с.
- 68.Кубрякова Е.С. Язык и структуры представления знаний / Е.С. Кубрякова // Сборник научно-аналитических обзоров. - М., 1992. - с.4-36
- 69.Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Российский гос. ун-т, 1995. – С. 149–238.
- 70.Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. Москва, 1996. – 245 с.
- 71.Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Изв. РАН – СРЯ – 1997. №3 с. 22-31.
- 72.Кубрякова Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура. Тамбов: Тамбовский государственный университет, 2003. – с.32-34.
- 73.Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. - М., Языки славянской культуры. 2004. – 560 с.
- 74.Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты / О.Н. Лагута, Ч.2. – Новосибирск, 2003. – 210 с.

75.Лакофф Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж.Лакофф, М. Джонсон - Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

76.Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи / Дж. Лакофф, - М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

77.Леонтьев А. Н. О формировании способностей / Хрестоматия возрастной психологии. Л.М. Семенюк. Под ред. Д. И. Фельдштейна. - 2-е изд., доп. - М.: Институт практической психологии, 1996. — 304 с.

78.Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. Сер. Литературы и языка / Д.С. Лихачев. 1993. №1, Т. 52, с.3-9.

79.Логический анализ языка. Языки пространств [под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левонтиной]. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.

80.Лойко О.Т. Социальная память в контексте философской рефлексии / О.Т. Лойко // Известия томского политехнического университета 2003. Т.306 №5. С. 120-122

81.Локк Дж. Опыт о человеческом разумлении / Дж. Локк // Сочинения: в 3-х т., / Дж. Локк. – Москва, Мысль, 1985, Т.1. – 623 с.

82.Лотман. Ю.М. Память в культурологическом освещении / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. Том 1. – Таллин, 1992.

83.Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. - М: Издательство Московского университета, 1979 - 320 с.

84.Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры : сб. ст. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М., 1990. С. 358–387.

85.Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 46, ч.1. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968. – С. 3-48.

86.Маслова В. А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. - М., Академия, 2001. – 208 с.

87.Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Учебное пособие / В.А. Маслова. - ТетраСистемс, 2004. — 266 с.

88.Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. - М.: Флинта: Наука, 2006. - 296 с.

89.Ментруп В. К проблеме лексикографического описания общенародного языка и профессиональных языков / В. Ментруп // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. - М., «Прогресс» 1983. с. 301-333.

90.Мечковская Н.Б. Язык и общество / Н.Б. Мечковская // Общее языкознание. – Минск 1983. – с. 23-122.

91.Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. - М., «Прогресс», 1988. С. 281-309.

92.Митрофанова В.В. Художественный образ в загадках / В.В. Митрофанова // Современные проблемы фольклора. – Вологда – 1971. с.141-151.

93.Мишанкина Н.А. Метафорические модели звучания в русской языковой картине мира /Н.А. Мишанкина // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: Ключевые концепты. Часть. 1. – Воронеж РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – с. 76-125.

94.Морковкин В.В. Идеографические словари / В.В. Морковкин. - М.: Изд. Моск. Ун-та, 1970. – 71 с.

95.Николаева Т.М. Предисловие / Т.М. Николаева // Исследования в области балто-славянской народной культуры. Загадка как текст. — М., 1994. С.5-10.

96.Нуаре Л. Бить, раздроблять, молотить / Л. Нуаре // Роль орудия в развитии человека. - Л.: Эспинас, 1925. - с.80-83.

97.Олпорт Ф.Х. Феномены восприятия / Ф.Х. Олпорт // Познавательные психические процессы. - СПб 2001. с.123 -133.

98.Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – Москва, 1990. – с. 68-78.

99. Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико – философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
100. Патнем Э.М. Философия сознания / Э.М. Патнем. - М., Дом интеллектуальной книги, 1999. – 234 с.
101. Петров В.В. Понимание метафор: на пути к общей модели / В.В. Петров // Метафора в языке и тексте. – Москва 1988. – с.165-170.
102. Пиаже Ж. Схема действия и усвоение языка. Семиотика / Ж. Пиаже. - М., 1983. - С. 133-136
103. Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира / С.А. Питина. - Челябинский государственный университет, 2002. – 191 с.
104. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - Воронеж 2000. – 30 с.
105. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - Воронеж 2001. - 189 с.
106. Попова З.Д. Общее языкознание. Учебное пособие для студентов / З.Д. Попова, И.А. Стернин, 2-е издан. Воронеж: Центрально – Черноземное книжное издательство, 2004. – 208 с.
107. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин - Москва: АСТ Восток Запад, 2007. – 314 с.
108. Потенбня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потенбня. – Москва: Учпедгиз, 1958. – Т.1 - 2, - 536 с.
109. Потенбня А.А. Мысль и язык / А.А. Потенбня. – Киев: Синто, 1993. –191 с.
110. Пустовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В И Пустовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М,1988 - 105 с.
111. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. - М., Русские словари 2000. – 416 с.

112. Ребане Я. К. Социальная детерминация познания: комплексная проблема исследования / Я. К. Ребане // *Общественные науки* 1980 №4 с. 105-112.
113. Ребане Я. К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания / Я. К. Ребане // *Вопросы философии*, 1982, №8.
114. Резанова З.И. Языковая картина мира: взгляд на явление сквозь призму термина метафоры / З.И. Резанова // *Картина мира: модели, методы, концепты.* – Томск, издание Томского государственного университета, 2002. – с.28-35.
115. Рибо Т.А. Эволюция идей / Т.А. Рибо. – ЛКИ, 2007. – 224 с.
116. Рикер П. Память, история, забвение / П. Рикер Пер. с франц. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. - 728 с.
117. Розанов В.Б. Опавшие листья: лирико-философские записки / В.Б. Розанов. - М.; Современник, 1992. – 543 с.
118. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б.А. Серебренников.- М., «Наука» 1988 – 242 с.
119. Сибирцева В. Г. Языковая картина мира в русских загадках. Диссер. канд. филол. наук спец. 10.02.01. - Нижний Новгород, 2003. – 143 с.
120. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Склярская. – Санкт-Петербург 1993.- 151 с.
121. Склярская Г.Н. Языковая метафора в толковом словаре / Г.Н. Склярская // *Проблема семантики. Раздел 2. Языковая метафора как категория лексикологии.* – Москва 1988. – 54 с.
122. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. Учебное пособие / А. В. Соколов. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002 г. — 461 с.
123. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М.: Высш. школа, 1975. - 270 с.

124. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. - М., Словари русской культуры. 1997. – 824 с.
125. Стернин И.А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? / И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вып. 7. Воронеж, Истоки, 2005. с. 4-10.
126. Стернин И.А. Вариативность структурной организации концептов / И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вып. 9. Воронеж 2007. с. 7-13.
127. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., Наука 1988. с. 173-204.
128. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.; 1988. – с.26-52.
129. Телия В.Н. Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 30. / В.Н. Телия // О феномене воспроизводимости языковых выражений. - М., Макс пресс. 2005 С.4-43.
130. Толстова Н.А. Словообразовательная категория названий орудий труда в современном русском литературном языке / Н.А. Толстова. Автор. диссер. канд. филол. наук. Спец. 10.02.01. Ставрополь 2006 – 28 с.
131. Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой / В.Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. Ч. - 1. М., Индрик 1994. - с.10-118.
132. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в мире мифопоэтического. Избранное / В.Н. Топоров. - М., 1995 – 624 с.
133. Топорова Т.В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры: Монография / Т.В. Топорова. - М., ИМЛИ РАН 2002. – 235 с.

134. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. Уфимцева. – Москва 1968. – 272 с.
135. Филлмор Ч.Д. Об организации семантической информации в словаре / Ч.Д. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1983. с. 23-59.
136. Философия техники: история и современность [отв. ред. В.М. Розин]. - М. 1997. – 283 с.
137. Фрейденберг О.М. Античные теории языка и стиля / О.М. Фрейденберг. - М.; Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз 1936. – 344 с.
138. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Р.М. Фрумкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. –320 с.
139. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. - Русский журнал: журнальный зал в РЖ, № 2–3 (40–41), 2005. URL: <http://magazines.russ.ru>. (Дата обращения – 18.04. 2015).
140. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
141. Цивьян Т.В. Отгадка в загадке: разгадка загадки? / Т.В. Цивьян // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 1. - М., Индрик 1994. с.178-195.
142. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры (1991 – 2000) / А.П. Чудинов. - Екатеринбург 2001. – 238 с.
143. Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи / Н.Ю. Шведова // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. - М., 1988. - С. 6-11.
144. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. - М., Языки славянских культур. 2002. – 224 с.

145. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. - Москва, Ком. Книга 2006. – 280 с.
146. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. - Издательство «Наука» 1974. – 428 с.
147. Эйнштейн А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности /А. Эйнштейн // Собрание научных трудов. Т. 4. – М.: Наука, 1967. – С. 136.
148. Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека / Ф. Энгельс // Сочинения. К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. - М.: Партиздат, 1934 Т.20. - С. 486-499.
149. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян [и др.]. – Москва: Языки славянской культуры, 2006. – 910 с.
150. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. - М. Гнозис 1994. – 344 с.
151. Aitchinson J. Words in the mind. 2nd addition / J. Aitchinson. – Oxford: Blackwell publishing, 2003. – 314 p.
152. Chomsky N. On language / N. Chomsky. - New press, New York, 2007, - 267 p.
153. Cognitive linguistics: basic reading / edited by D. Geeraerts. – Berlin, 2006. - 477 p.
154. Croft W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
155. Jackendoff R. Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution / R. Jackendoff. - Oxford: Oxford University Press, 2002. – 477 p.
156. Lakoff G. Women fire and dangerous things: what categories reveal about the mind / G. Lakoff. - Chicago, University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
157. Langacker R.W. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar / R.W. Langacker: Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. – 395 p.

158. Ogden C.K. The meaning of 'meaning' / C.K. Ogden, I.A. Richards. – London, 1923. – 390 p.
159. Paivio A. Mental representations: A dual coding approach / A. Paivio. - New York: Oxford University Press, 1990. - 319 p.
160. Rosch E. On the internal structure of perception and semantic categories / E. Rosch // Cognitive development and the acquisition of language. – New York, London, Academic Press, 1973. – p. 111-144.
161. Schildt H. Reasonability and linguistic division of labour in institutional work / H. Schildt, S.Mantere, E.Vaara // Journal of management inquiry, 2011 20 (1). - p. 82-86. - URL: <https://helda.helsinki.fi> (дата обращения: 26.08.2014).
162. Simon Herbert A. Explaining the ineffable. AI on the topics of intuition, insight and inspiration / Herbert A. Simon // Proceedings of the Fourteenth International Joint Conference on Artificial Intelligence. - URL: <http://dli.iit.ac.in/ijcai/IJCAI> (дата обращения: 26.12.2014).
163. Wartofsky M. Models / M.Wartofsky. – Dordrecht, 1973.
164. Weisgerber L. Das Gesetz der Sprache / L.Weisgerber. - Heidelberg, 1951. – 201 p.
165. Weisgerber L. Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur. Von den Krafte der deutschen Sprache. III // L.Weisgerber. - Diisseldorf, 1971. – 308 p.
166. Wierzbicka A. Semantics. Primes and universals / A. Wierzbicka. - Oxford: Oxford University Press, 1996. – 512 p.

Лексикографические источники

1. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах (под ред. В.И. Даля). Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М. – 1956, т. 1 (А-3). - 699 с.

2. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах (под ред. В.И. Даля). Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М. – 1956, т. 2 (И-О). – 779 с.

3. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах (под ред. В.И. Даля). Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М. – 1956, т. 3 (П). – 555 с.

4. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах (под ред. В.И. Даля). Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М. – 1956, т. 4 (Р-Я). – 683 с.

5. Большая советская энциклопедия (электронная версия). URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/bserefs.htm> (дата обращения: 08.06.2016).

6. Большой англо-русский политехнический словарь в трех томах (под ред. В. В. Бутника). - Москва: ЭТС, 1999. - 1800 с.

7. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов (под ред. Л.П. Крысина). М.: Эксмо, - 2010. – 864 с.

8. Историко – этимологический словарь современного английского языка (под ред. Н.Н. Маковской). - М., Издательский дом «Диалог», 2000. – 416 с.

9. Краткая философская энциклопедия. М., Прогресс, 1994. – 576 с.

10. Краткий Словарь Когнитивных Терминов / (под ред. Е.С. Кубряковой и др.). – Москва: Филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 1996 – 248 с.

11. Мифологический словарь (под ред. Е.М. Мелетинской). - М.: Советская энциклопедия, 1990 г. URL: <http://www.bibliotekar.ru/mif/> (дата обращения – 18.02. 2013).

12. Новый Большой Англо-Русский словарь под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна (online версия). URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan.htm> (дата обращения: 08.06.2011).

13. Ожегов С.И. Словарь русского языка (под ред. Н.Ю. Шведовой). – 13 изд., Москва: русский язык, 1981, - 816 с.

14. Психологический словарь. / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского.- М.: Политиздат, - 494 с.
15. Русско-английский технический словарь (под редакцией А.Е. Чернухина). - М., Изд-во Мин. Обороны СССР, 1971. – 1027 с.
16. Словарь русского языка в 4 томах (под редакцией Евгеньевой А.П.) - М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999, т 1 (А-Й), - 702 с.
17. Словарь русского языка в 4 томах (под редакцией Евгеньевой А.П.) - М.: Русский язык, 1999, Полиграфресурсы, т 2 (К-О), - 736 с.
18. Словарь русского языка в 4 томах (под редакцией Евгеньевой А.П.) - М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999, т 3 (П-Р), - 752 с.
19. Словарь русского языка в 4 томах (под редакцией Евгеньевой А.П.) - М.: Русский язык, 1988, т.4 (С-Я). — 800 с.
20. Российская социологическая энциклопедия (под общей редакцией Г.В.Осипова). - М., Норма-Инфра-М, —1998. — 672 с.
21. Словарь символов (под ред. М.В. Адамчик). - Минск: Харвест, 2010, - 224 с.
22. Словарь русского литературного языка. - М.: Русский язык, 1992. Т.3, - 400 с.
23. Современный словарь иностранных слов. - М, Русский язык, 1993, - 740 с.
24. Современный толковый словарь русского языка (под ред. С.А.Кузнецова). Санкт-Петербург «Норинт» 2003. – 960 с.
25. Толковый словарь (под ред. Т.Ф. Ефремовой). - URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 08.06.2016).
26. Толковый словарь русского языка (под ред. Д.Н. Ушакова). Москва: Альфа-Принт, 2005. - 1216 с.
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / М. Фасмер. – (пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева). – 2-е изд., стер. – Москва, Прогресс, Т. 1 (А-Д) – 576 с.

28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / М. Фасмер. – (пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева). – 2-е изд., стер. – Москва, Прогресс, Т. 2 (Е-Муж) – 676 с.

29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / М. Фасмер. – (пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева). – 2-е изд., стер. – Москва, Прогресс, Т. 3 (Муза-Сят) – 832 с.

30. Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004. – 1072 с.

31. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: «Русский язык», 1999. Т. 1 (А-П), - 624 с.

32. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: «Русский язык», 1999. Т. 2 (П-Я), - 560 с.

33. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. - Изд. академии наук СССР Москва – Ленинград, 1951. Т.2 В. – 1388 стлб.

34. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. - Изд. академии наук СССР Москва – Ленинград, 1954. Т.3 Г-Е. - 1329 стлб.

35. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка в 17т. - Изд. академии наук СССР Москва – Ленинград, 1956. Т. 5 И-К. – 1918 стлб.

36. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка в 17т. - Изд. академии наук СССР Москва – Ленинград, 1957. Т.6. Л-М. – 1460 стлб.

37. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Изд. академии наук СССР Москва – Ленинград 1958. Т.7. Н. – 1468 стлб.

38. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Изд. академии наук СССР Москва – Ленинград, 1959. Т .9. П-пнуть - 1482 стлб.

39. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Изд. академии наук СССР Москва – Ленинград, 1961. Т.12. Р – 1676 стлб.
40. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Изд. академии наук СССР Москва – Ленинград, 1963. Т.15. Т – 1286 стлб.
41. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Изд. академии наук СССР Москва – Ленинград, 1965.Т.17. Х-Я – 2126 стлб.
42. Collins Cobuild English Language Dictionary. – London: Harper Collins Publishers, 1998. – 1704 p.
43. Longman Dictionary of Contemporary English. – М., Русский язык в 1т. 1992. – 626 с.
44. Longman Dictionary of English Language and Culture. -_Longman; Far East edition, 1993. - 1600 p.
45. Oxford Advanced Learner’s Dictionary” edited by A.S.Hornby. - fifth edition Oxford University Press 1995. – 1442 с.
46. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / edited by M. Eysenck. – Oxford. Cambridge. Massachusetts / Blackwell Publishers, 1994. – 390 p.
47. The Collaborative International Dictionary of English. URL:<http://gcide.gnu.org.ua/> (дата обращения 1.11.2014).
48. The Concise Oxford Dictionary of Current English, edited by H.W. Fowler and F.G. Fowler, sevens impression. - Oxford at the Clarendon press 1919, - 1065 p.
49. Useful English Dictionary URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 1.11. 2014).

Список сокращений лексикографических источников

Даль - Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах (под ред. В.И. Даля). Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М. – 1956.

БСЭ - Большая советская энциклопедия (электронная версия). URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/bserefs.htm> (дата обращения: 08.06.2016).

БАРПС - Большой англо-русский политехнический словарь в трех томах (под ред. В. В. Бутника). - Москва: ЭТС, 1999. - 1800 с

ИСИС - Иллюстративный словарь иностранных слов (под ред. Л.П. Крысина). М.: Эксмо, 2010. - 864 с.

ИЭС - Историко – этимологический словарь современного английского языка (под ред. Н.Н. Маковской). - М., Издательский дом «Диалог», 2000. – 416 с.

ИЭССАЯ - Историко – этимологический словарь современного английского языка (под ред. Н.Н. Маковской). - М., Издательский дом «Диалог», 2000. – 416 с.

КФЭ - Краткая философская энциклопедия. М., Прогресс, 1994. – 576 с.

КСКТ – Краткий Словарь Когнитивных Терминов / (под ред. Е.С. Кубряковой и др.). – Москва: Филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 1996 – 248 с.

КФЭ - Краткая философская энциклопедия. М., Прогресс, 1994. – 576 с.

МС - Мифологический словарь (под ред. Е.М. Мелетинской). - М.: Советская энциклопедия, 1990 г. URL: <http://www.bibliotekar.ru/mif/> (дата обращения – 18.02. 2013).

НБАС - Новый Большой Англо-Русский словарь под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна (online версия). URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan.htm> (дата обращения: 08.06.2011).

СРЯ - Ожегов С.И. Словарь русского языка (под ред. Н.Ю. Шведовой). – 13 изд., Москва: русский язык, 1981, - 816 с.

ПС - Психологический словарь. - URL: psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=337 (дата обращения: 08.06.2011).

РАТС - Русско-английский технический словарь (под редакцией А.Е. Чернухина). - М., Изд-во Мин. обороны СССР, 1971. – 1027 с

СРЛЯ - Словарь русского литературного языка. - М.: Русский язык, 1992. Т.3, - 400 с.

МАС - Словарь русского языка в 4 томах (под редакцией Евгеньевой А.П.) - М.: Русский язык, 1988.

РАТС - Русско-английский технический словарь (под редакцией А.Е. Чернухина). - М., Изд-во Мин. обороны СССР, 1971. – 1027 с.

СС - Словарь символов (под ред. М.В. Адамчик). - Минск: Харвест, 2010, - 224 с.

ССИС - Современный словарь иностранных слов. - М, Русский язык, 1993, 740 с.

БАС - Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Изд. академии наук СССР Москва – Ленинград

СТСРЯ - Современный толковый словарь русского языка (под ред. С.А.Кузнецова). Санкт-Петербург «Норинт» 2003, - 960 с.

ТСЕ - Толковый словарь (под ред. Т.Ф. Ефремовой). - URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 08.06.2016).

ТСРЯ - Толковый словарь русского языка (под ред. Д.Н. Ушакова). Москва: Альта-Принт, 2005. - 1216 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. \ М. Фасмер. – (пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева). – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. \ М. Фасмер. – (пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева). – 2-е изд., стер. – Москва, Прогресс,

ФЭС - Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004. – 1072 с.

ИЭССРЯ - Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: «Русский язык», 1999.

CIDE - The Collaborative International Dictionary of English. URL:<http://gcide.gnu.org.ua/> (дата обращения 1.11.2014).

CODCE - The Concise Oxford Dictionary of Current English, edited by H.W. Fowler and F.G. Fowler sevens impression. - Oxford at the Clarendon press 1919, - 1065 p.

LDCE - Longman Dictionary of Contemporary English. – М., Русский язык 1т. 1992. – 626 с.

LDELС - Longman Dictionary of English Language and Culture.

NCD - New Collegiate Dictionary URL: <http://www.thefreedictionary.com/>

OALD - Oxford Advanced Learner's Dictionary" edited by A.S.Hornby, fifth edition Oxford University Press 1995. – 1442 с.

UED - Useful English Dictionary URL: <http://www.thefreedictionary.com/>

Blackwell - The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / edited by M. Eysenck. – Oxford. Cambridge. Massachusetts / Blackwell Publishers, 1994. – 390 p.

Интернет-ресурсы

1. <http://www.ruscorpora.ru>
2. <http://www.corpus.byu.edu/>
3. <http://www.books.google.ru>
4. <http://www.slovari.yandex.ru>
5. <http://www.gramota.ru>
6. <http://www.svarog.ru>
7. <http://www.abebooks.com>
8. <http://www.bibliotekar.ru/mif/>
9. <http://lib.ru>
10. <http://librebook.ru>
11. <http://lib.rin.ru>

12. <http://libverse.ru>
16. <http://lit.lib.ru>
17. <http://www.litmir.info>
18. <http://www.litra.ru>
19. <http://www.litres.ru>
20. <http://www.publiclibrary.ru>
21. <http://www.rulit.me/books>
22. <http://rupoem.ru>
24. <http://www.thefreedictionary.com/>
25. <http://www.efremova.info/>
26. <http://www.classes.ru/dictionary>
27. <http://magazines.russ.ru>
28. <https://helda.helsinki.fi>
29. <http://dli.iiit.ac.in>
30. <http://gcide.gnu.org.ua>
31. www.proza.ru
32. www.e-reading.by
33. <http://bse.uaio.ru/BSE/bserefs.htm>

Источники иллюстративных примеров на русском языке

1. 1000 загадок. Популярное пособие для родителей и детей. - Ярославль. Академия холдинг, 2003. – 224 с.
2. Абрамов Ф. Деревянные кони / Ф. Абрамов. - Советский писатель. Ленинградское отделение, 1972. – 248 с.
3. Аверченко А. Т. Подходцев и двое других / А. Т. Аверченко URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid> (дата обращения: 12.06.2015).

4. Адамов Г. Тайна двух океанов / Г. Адамов. - М.: Эксмо, 2014. – 512 с.
5. Александрова Н. Попугай в пиджаке от «Версаче» / Н. Александрова. - ОЛМА Медиа Групп, 2003. - 317с.
6. Алексеев Г. В. Мария Гамильтон / Г. В. Алексеев 1933. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20. 08. 2014).
7. Алешковский П. Жизнеописание Хорька / П. Алешковский. - Litres, 2015. - 258 с.
8. Амфитеатров А. В. Мечта / А.В. Амфитеатров // Бабы и дамы. – М.: Терра, 1997. – 830 с.
9. Амфитеатров А. В. Отравленная совесть / А.В. Амфитеатров. - М., Директ-Медия, 2012. – 166 с.
10. Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю / В. К. Арсеньев. - Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1988 – 352 с.
11. Арцыбашев М. П. Миллионы / М. П. Арцыбашев. - Directmedia, 2013. - 117 с.
12. Арцыбашев М. П. Смерть Ланде / М. П. Арцыбашев. - Directmedia, 2013. - 214 с.
13. Ахмедов Р. Б. Промельки / Р.Б. Ахмедов // «Бельские Просторы», 2011.
14. Айтматов Ч. Верблюжий глаз / Ч. Айтматов // Белый пароход. – Л.: Лениздат, 1891. – с. 55-86.
15. Бабаян С. Господа офицеры / С. Бабаян. - Вагриус, 1994. – 448 с.
16. Бабаян С. Ротмистр Неженцев / С. Бабаян, - Вагриус, 2004. – 752 с
17. Бабкин Б. Заплаты жизнью / Б. Бабкин. Litres, 11 дек. 2014 г. - 365
18. Бакланов Г.Я. Жизнь, подаренная дважды / Г.Я. Бакланов. - Вагриус, 1999. – 445 с.
19. Белый А. Деревня / А. Белый. - URL: <http://libverse.ru/belui/derevnia.html> (дата обращения: 20. 08. 2014).

20. Белянин А. Свирепый ландграф / А. Белянин. – М.: Армада, 1988. – 395 с.
21. Биленкин Д. Дыра в стене / Д. Биленкин // Снега Олимпа. - М., "Молодая гвардия", 1980.
22. Брюсов В. Я. Огненный ангел / В. Я. Брюсов. - Северо-Запад, 1993. – 1002 с.
23. Бубеннов М. Белая береза / М. Бубеннов. – Современник, 1972. – 604 с.
24. Булгаков М.А. Белая гвардия / М.А. Булгаков. - АСТ, 2002. - 352 с.
25. Булгаков М. Морфий / М. Булгаков. - URL: <http://www.litra.ru/shortwork/get/swid/> (дата обращения: 20. 08. 2016).
26. Бунин И. А. Весенний вечер / И.А. Бунин // Собрание сочинений в 13 т. Т. 3. – Воскресенье, 2006. – 355 с.
27. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Юность / И. А. Бунин // Жизнь Арсеньева. Роман и рассказы. – М.: Советская Россия, 1982. – с. 75-329.
28. Бушков А.А. Бульдोजья схватка / А.А. Бушков. - ОЛМА Медиа Групп, 1999. – 416 с.
29. Быков Д. Орфография / Д. Быков. - ПрозаиК, 2010. - 736 с.
30. Васильев В. Новогодний дозор / В. Васильев. - Litres, 2014. – 906 с.
31. Вербер Б. Зеркало Кассандры / Б. Вербер. - Рипол Классик, 2010. – 568 с.
32. Верещагин В.В. 1812 год / В.В. Верещагин. - URL: <https://books.google.ru/books> (дата обращения - 1. 11. 2014).
33. Веров Я. Никогда не отвечайте незнакомцам / Я. Веров // «Наука и жизнь», 2009.
34. Войнович В. Дело №34840 / В. Войнович. - Эксмо, 2008. - 180 с.
35. Войнович В. Монументальная пропаганда / В. Войнович // «Знамя», 2000 №2.

36. Волос А. Недвижимость /А. Волос. // «Новый Мир», 2001
37. Воробьев К. Убиты под Москвой / К. Воробьев. - URL: <http://lib.ru/PROZA/WOROBIEW/ubity.txt> (дата обращения: 20. 08. 2014).
38. Гайдар А. Дым в лесу / А. А. Гайдар. - М. – Л. Детгиз, 1941. - 36 с.
39. Галахова Г. А. Легкий кораблик - капустный листок / Г.А. Галахова. - Л., "Детская литература", 1975. - 159 с.
40. Гаррос А., Евдокимов А. Головоломка / А. Гаррос, А. Евдокимов. - Издательство К. Тублина, 2001. – 280 с.
41. Геласимов А. Год обмана / А. Геласимов. – Эксмо, 2009. – 352 с.
42. Геласимов А. Степные боги / А. Геласимов // Степные боги. Разгуляевка. – Эксмо, 2010. – с. 5-328.
43. Гиголашвили М. Чертово колесо / М. Гиголашвили. - Ад Маргинем, 2009. - 784 с.
44. Гладков Ф. В. Повесть о детстве / Ф. В. Гладков. - URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/70696p.html> (дата обращения: 20. 08. 2014).
45. Глуховский Д. Метро 2033 / Д. Глуховский. – АСТ, Астрель, 2009. – 384 с.
46. Гоголь Н. В. Вечер накануне Ивана Купала / Н.В. Гоголь. - Белый город, 2005. - 48 с.
47. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» / И.А. Гончаров. – М.: Советская Россия, 1976. - 608 с.
48. Горький М. В людях / М. Горький. - Советская Россия, 1983. - 304 с.
49. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Часть 4 / М. Горький. - Книга по Требованию, 2011 - 360 с.
50. Горький М. Жизнь Матвея Кожемякина / М. Горький. - Правда, 1983. - 520 с.
51. Горький М. Мать / М. Горький. – Дагучпедгиз, 1977. - 320 с.

52. Горький М. Фома Гордеев / М. Горький. – Азбука, 2010. – 320 с.
Горький М. Фрагменты выступлений Горького на I-ом Всесоюзном съезде советских писателей. - URL: М. Горький. <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20. 08. 2014).
53. Горький М. Челкаш / М. Горький. - URL: <http://www.litra.ru/shortwork/get/> (дата обращения 1.11. 2014).
54. Грекова И. Перелом / И. Грекова. – Астрель, 2012. – 288 с.
55. Григорович Д. В. Переселенцы / Д. В. Григорович. - Государственное издательство художественной литературы, 1957. - 468 с.
56. Громов В. Компромат для олигарха / В. Громов. - Вагриус, 2000. – 400 с.
57. Гроссман В. Все течет / В. Гроссман // «Октябрь», 1989.
58. Гроссман В. Жизнь и судьба. Часть 2 / В. Гроссман. - АСТ, Астрель, Харвест, 2011. - 880 с.
59. Грошек И. Реставрация обеда / И. Грошек. - URL: <http://www.rulit.me/books/bolshaya-restavraciya-obeda> (дата обращения: 28.04.2015).
60. Гуляев В. Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия / В. Гуляев // «Наука и жизнь», 2007.
61. Давыдов Ю. Синие тюльпаны // Жемчужины Филда / Ю. В. Давыдов. - М.: Вагриус, 1999. — 350 с.
62. Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей / Ю. О. Домбровский. АСТ, 2011. – 736 с.
63. Дубов Н. Небо с овчинку / Н. Дубов. - URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 1. 11. 2014).
64. Дубов Н. Огни на реке / Н. Дубов. - М.; Издательство детской литературы, 1955. – 126 с.
65. Евдокимов С. Пятая колонка / С. Евдокимов // «Столица». - 1997.05.13

66. Есенин С. Полное собрание сочинений / С. Есенин. - ОЛМА Медиа Групп, 2002.
67. Есин С. Имитатор / С. Есенин. - URL: <http://lit.lib.ru/e/esin> (дата обращения 1. 11. 2014).
68. Елизаров М. Библиотекарь / М. Елизаров. М.: Ад Маргинем Пресс, 2007. – 448 с.
69. Ефимов И. Суд да дело / И. Ефимов //«Звезда». - 2001.
70. Ефремов И.А. Лезвие бритвы / И.А. Ефремов. – АСТ, 2014. – 608 с.
71. Житинский А. Лестница / А. Житинский. – ПРОЗАиК, 2012. - 480 с.
72. Замятин Е. И. Мы / Е. И. Замятин. – АСТ, 2005. – 208 с.
73. Запашный В. Риск. Борьба. Любовь / В. Запашный. – Вагриус, 2002. - 304 с.
74. Зверев С. Южный фронт / С. Зверев. - Litres, 2014. – 550 с.
75. Иванов Г. В. Петербургские зимы / Г.В. Иванов. – Азбука, 2000. - 288 с.
76. Иванова-Гладильщикова Н. Непубликованные воспоминания Любови Большинцовой об Анне Ахматовой / Н. Иванова-Гладильщикова // Известия. 2002. 21 июня.
77. Иличевский А. По краям света / А. Иличевский // «Октябрь», 2005.
78. Кабаков А. Сочинитель /А. Кабаков. - URL: lib.ru/КАВАКОВ/kabak.txt (дата обращения 16. 07.2016).
79. Казакевич Э.Г. При свете дня / Э. Г. Казакевич. – М.: Сов. Россия, 1961. – 71 с.
80. Катаев В. П. Сын полка / В.П. Катаев. – М.: Детская литература, 1965. – 256 с.
81. Катерли Н. Сквозь сумрак бытия / Н. Катерли // «Звезда», 2002 №12.

82. Кеведо Ф. Стихотворения / Ф.Кеведо. - URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/KEWEDO/> (дата обращения 11. 07. 2016).
83. Кирсанов С. И. Возвращение. Больничная тетрадь / С.И. Кирсанов - URL: <http://rurоem.ru/kirsanov/all.aspx> (дата обращения: 24. 08. 2014).
84. Клычков С. А. Чертухинский балакирь / С. А. Клычков. – М.: ГИЗ, 1926. – 371 с.
85. Кобрин К. Письма в Кейптаун о русской поэзии / К. Кобрин // «Октябрь», 2001.
86. Козырев В. Билет в один конец / В. Козырев. - Litres, 2013. – 241 с.
87. Копытов О. Скворец прилетает редко / О. Копытов // «Сибирские огни», №3. - 21.03.2012.
88. Кочкин В. Право искушать / В. Кочкин. - URL: www.proza.ru/2011/10/15/398 (дата обращения 19. 07.2016).
89. Кржижановский С. Д. Московские вывески / Кржижановский С. Д. // Воспоминания о будущем.- М.; Московский рабочий, 1989. – 463 с.
90. Кржижановский С.Д. Мост через Стикс // Сказки для вундеркиндов. - М.: Гудьял-Пресс, 2000. – 560 с.
91. Крюков Ф. Д. Зыбь / Ф. Д. Крюков. - URL: litresp.ru/.../ru/K/kryukov-fedor-dmitrievich/zibj (дата обращения 19. 07.2016).
92. Кузнецов А. Бабий яр /А. Кузнецов. – URL: http://lib.ru/PROZA/KUZNECOW_A/babiyar.txt (дата обращения 19. 07.2016).
93. Лермонтов М. Ю. Сашка: Нравственная поэма / М.Ю. Лермонтов // Сочинения в 6 томах. Т. 4. - М.-Л., 1955. - с. 400—401.
94. Липскеров Д. Последний сон разума / Д. Липскеров. – Вагриус, 2000. - 78 с.
95. Логинов С. Высокие технологии / С. Логинов. – URL: www.e-reading.by/.../Loginov_-_Vy...ehnologii.html (дата обращения 19. 07.2016).

96. Лукин Е. Катали мы ваше солнце / Е. Лукин. – М.: АСТ, 2000. – 432 с.
97. Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина / В.В. Лункевич. - Alexander Doweld, 1940. – 496 с.
98. Мариенгоф А. Бритый человек / А. Мариенгоф // Циники. Бритый человек. - Азбука, 2013. - с. 149 – 256.
99. Мариенгоф А. Мой век, мои друзья и подруги / А. Мариенгоф. - Астрель 2013. – 448 с.
100. Мариенгоф А. Циники / А. Мариенгоф. - Азбука-Аттикус, Азбука 2013. – 256 с.
101. Маринина А. Черный список / А. Маринина. – URL: e-libra.ru/books/214860-chernyj-spisok.html (дата обращения 19. 07.2016).
102. Маркиш Д. Золотая башня / Д. Маркиш. – «Иерусалимский журнал», 2002, №11.
103. Мельникова Е. Жатва на болоте / Е. Мельникова // «Сад своими руками», 2003.09.15.
104. Мережковский Д.С. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи / Д.С. Мережковский. – АСТ, 2008. – 640 с.
105. Мишин М. Девять десятых / М. Мишин. - URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 24. 08. 2014).
106. Мусатов А. И. Стожары / А. И. Мусатов. – М.; Детгиз. 1961. – 47 с.
107. Мясников В. Водка / В. Мясников. - URL: www.e-reading.club/book.php?book=40537 (дата обращения: 24. 08. 2016).
108. Набоков В. В. Волшебник / В.В. Набоков // "Звезда", 1991, N 3, - с.9-28.
109. Нова У. Инка / У. Нова. - М.; АСТ. 2009. - 384 с.
110. Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо / Н.А. Некрасов. – Азбука 2012. – 288 с.

111. Новиков-Прибой А. С. Цусима / А. С. Новиков-Прибой - URL: <http://www.litmir.info/br> (дата обращения: 1. 11. 2014).
112. Окуневская Т. Татьянин день / Т. Окуневская. - М.: Вагриус, 1998. - 447 с.
113. Орлов А. Тайный друг ее величества / А. Орлов. - Litres, 2013. – 458 с.
114. Осеева В. Динка прощается с детством / В. Осеева. – Эксмо, 2010. - 400 с.
115. Павлов О. Дело Матюшина / О. Павлов. - М.: Время, 2013. — 176 с.
116. Пастернак Б. Л. Начало прозы 1936 года / Б.Л. Пастернак. - URL: <http://www.rulit.net/series/proza-borisa-pasternaka> (дата обращения: 24. 08. 2014).
117. Пелевин В. Чёрная обезьяна / В. Пелевин. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 285 с.
118. Пелевин В. Generation «П».1999 / В. Пелевин. – Эксмо, 2009. – 352 с.
119. Пелевин В. Чапаев и пустота / В. Чапаев. – Эксмо, 2010. – 448 с.
120. Попов Е. Подлинная история «Зеленых музыкантов» / Е. Попов. Знамя 1998 №6
121. Постников В. Путешествие Карандаша и Самоделкина / В. Постников. – Стрекоза-Пресс, 2003. – 29 с.
122. Прилепин З. Санька / З. Прилепин. – АСТ, 2013. – 352 с.
123. Пришвин М. М. Дневники / М.М. Пришвин. - Новый хронограф, 2013. - 968 с.
124. Проханов А. Господин Гексоген / А. Проханов. - URL: www.litmir.co/br/?b=22494 (дата обращения 18.07.2016).
125. Распутин В. Последний срок: Прощание с Матёрой, Пожар / В. Распутин. - Современник, 1991. - 397 с.
126. Родин А. Агния / А. Родин. - Alex Rodin World, 2011. - 137 с.

127. Рубанов А. Сажайте, и вырастет / А. Рубанов. - URL: www.litmir.co/bd/?b=34940 (дата обращения 18.07.2016).
128. Рубина Д. Высокая вода венецианцев / Д. Рубина // Высокая вода венецианцев. – Вагриус, 2001 с. 7-64.
129. Рубина Д. Последний кабан из лесов Понтеведра / Д. Рубина // «Дружба народов», 1999.
130. Руина М. Хищник в аквариуме / М. Руина // «Биржа плюс свой дом». - Н. Новгород, 2002.03.11
131. Рыбин А. Последняя игра / А. Рыбин. – Вагриус, 2000. – 96 с.
132. Садур Н. Занебесный мальчик / Н. Садур. // Злые девушки: Романы, рассказы. – М. : Вагриус, 2003 .
133. Салтыков-Щедрин М. Е. Игрушечного дела людишки / М. Е. Салтыков-Щедрин // Сказки. – Дрофа, 2006. – 320 с.
134. Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. Житие Никанора / М. Е. Салтыков-Щедрин М.: Правда, 1980. – 576 с.
135. Серафимович А. С. Железный поток / А.С. Серафимович. – Советская Россия, 1977. – 184 с.
136. Сергеев-Ценский С.Н. Маска / С.Н. Сергеев-Ценский // Повести. Рассказы. – Правда, 1987. - 512 с.
137. Скворцов К. От кубка до рыцарского шлема / К. Скворцов // «Народное творчество», 2004.
138. Скобелев И. Н. Рассказы русского инвалида / И. Н. Скобелев - URL: <http://www.litmir.info/br/?> (дата обращения – 14..02. 2015).
139. Скрипкин В. Тинга / В. Скрипкин // «Октябрь», 2002
140. Славникова О. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки / О. Славникова. – Вагриус, 2007. – 512 с.
141. Сологуб Ф. К. Звериный быт / Ф. К. Сологуб. - URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/> (дата обращения – 14..02. 2015)
142. Терехов А. Каменный мост / А. Терехов. - Аст, Астрель, 2011. - 832 с.

143. Тимофей, Евдокия и четверо их сыновей // «Общая газета», 1995.
144. Токарева В. Центровка / В. Токарева. - АСТ, 2000. – 158 с.
145. Толстой А. Н. Золотой ключик, или приключения Буратино / А. Н. Толстой. – АСТ, 2014. - 128 с.
146. Толстой А. Н. Приключения Растегина / А. Н. Толстой. - URL: <http://www.litres.ru/aleksey-tolstoy/priklucheniya-rastegina/> (Дата обращения 1. 11. 2014).
147. Трифонов Ю. Старик / Ю. Трифонов. – Минск: Вышэйшая школа, 1983. - 63 с.
148. Троицкий А. Удар из прошлого / А. Троицкий. - URL: <http://books.google.ru/books?id> (Дата обращения 1. 11. 2014).
149. Улицкая Л. Бедная счастливая Колыванова / Л. Улицкая // Девочки. – Экспо, 2005. – 288 с.
150. Усольцева Н. Старший и младший. Детские войны / Н Усольцева // «Семейный доктор», 2002.12.15
151. Успенский Г.И. Непорванные связи / Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 6 – Киев: Издание Б. К. Фукса, 1903. – 220 с.
152. Успенский Г.И. Не случись / Г.И. Успенский // Власть земли. Не случись. Старый бурмистр. - Художественная литература. Ленинградское отделение, 1967. - стр. 159-195.
153. Успенский Г.И. Пришло на память / Г.И. Успенский. Полное собрание сочинений: В 12 томах, Т. 8. – Киев: Издание Б. К. Фукса, 1903. – 214 с.
154. Устинова Т. Большое зло и мелкие пакости / Т. Устинова. – Эксмо, 2014. - 352 с.
155. Фадеев А.А. Разлив / А.А. Фадеев. Сочинения в 3 томах, 1 том. Издательство: Художественная литература. Москва 1981. – 960 с.
156. Филипченко М.П. Загадки на английском языке для мальчиков и девочек / М.П. Филипченко. - Ростов-на-Дону. Феникс. 2012. – 316 с.

157. Цветаева М. И. Дневниковые записи / М.И. Цветаева Письма к дочери. Дневниковые записи. - Калининград Моск. обл., 1995. - 80 с.
158. Черевков В. Д. По китайскому побережью / В. Д. Черевков // «Исторический вестник», 1898.
159. Черный С. Сбор винограда / С. Черный. - URL: www.litmir.net/br/ (дата обращения: 25. 08. 2014).
160. Чехов А. П. В усадьбе / А.П. Чехов // Собрание сочинений в 15 томах. Том 9. – Терра, 1999. – с. 319 – 327.
161. Чехов А. П. Учитель словесности / А.П. Чехов // Собрание сочинений в 15 томах. Том 9. Терра, 1999. – с. 296-319.
162. Чудесный короб. Русские народные песни, сказки, игры, загадки. Составление, запись и обработка Г. Науменко. - М., Детская литература, 1988. – 204 с.
163. Чуев Ф. Ф. Ильюшин / Ф.Ф. Чуев. - М.; Молодая гвардия, (Жизнь замечательных людей), 1998. Вып. 755.
164. Чуковская Л.К. Памяти Фриды / Л.К. Чуковская // Сочинения в 2 томах. Том 1. Повести. Воспоминания. - Гудьял-Пресс, 2000. – с. 357 – 429.
165. Шишков В. Я. Пейпус-озеро / В. Я. Шишков. – Современник, 1985. – 526 с.
166. Шмелев И. С. Лето Господне / И. С. Шмелев // Возвращение. Лето Господне. - М., 1991. - 654 с.
167. Шолохов М. А. Поднятая целина / М. А. Шолохов. – Карелия, 1981. - 672 с.
168. Яковлев А. Омут памяти / А. Яковлев. - М.: «Вагриус», 2001. Кн.1. - 624 с.
169. Эппель А. Сидящие во тьме на венских стульях / А. Эппель. - URL: www.litmir.co/br/?b=72987 (дата обращения 16.07.2016).
170. Ян В. Чингиз-хан / В. Ян. – Азбука, 2009. – 432 с.

Источники иллюстративных примеров на английском языке

1. Abrantes L. J. *Memoirs of Napoleon, His Court and Family* / L. J. Abrantes. -1836 - URL: <http://www.books.google.ru> (дата обращения: 25. 08. 2014).
2. Aleichem S. *Wandering Stars* / S. Aleichem. – Penguin, 2009. – 480 p.
3. Allen J. R. *Shadowboxing* / J. R. Allen. - URL: <http://www.books.google.ru> (дата обращения: 12.06.2015).
4. Amy T. *Valley of Amazement* / T. Amy. – Ecco, 2013. - 589 p.
5. Angel T. *Look Homeward* / T. Angel. - Wolfe Simon and Schuster, 2006. - 512 p.
6. Ash R. *Calypso's Island* / R. Ash Richmond. - Surrey: Mills & Boon, 1993. - pp.7-181.
7. Balcita A. M. *Moonface and Charlie* / A. M. Balcita. - Harper Perennial, 2011. - 240 p.
8. Banks L. *The Crow Road London* / L. Banks. – Abacus, 1993. – pp. 157-296.
9. Barnard R. *Posthumous papers* / R. Barnard. - London: Corgi Books, 1992. - pp. 36-171.
10. Barrett L. *Beyond the Brain: How Body and Environment Shape Animal and Human Minds* / L. Barrett. - Princeton University Press, 2011. – 288 p.
11. Bauer D. *Prairie City, Iowa: Three Seasons at Home* / D. Bauer. - University of Iowa Press, 2008. – 344 p.
12. Bauling J. *Ransacked heart* / J. Bauling. - Richmond Surrey. Mills & Boon, 1993.
13. Bedford J. *The titron madness* / J. Bedford. - N. Yorks: Dales Large Print, 1984. - pp. 11-209.
14. Bigelow Ann C. *A collection of riddle, parables and puzzles* / Ann C. Bigelow. – Michigan, 1986. – 566 p.
15. Black E. B. *The Ravenelle Riddle* / E. B. Black. - New York: Loring and Mussey, 1933.

16. Bloom H. Poets and Poems / H. Bloom. - Infobase Publishing, 2009. – 507 p.
17. Bowring M. Vets in opposition / M. Bowring. - Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993.
18. Boyko C P. Gawfler / C P. Boyko. - New England Review. 2011, Vol. 32 Issue 3, - 170 p.
19. Bradbury R. Golden Apples / R. Bradbury. - Random House; Book Club of the Sun. - William Morrow Paperback, 1953. - 338 p.
20. Brown E. M. Lemon City / E. M. Brown. - Random House Publishing Group, 2009. - 272 p.
21. Brown J. P. S. Wolves at Our Door / J. P. S. Brown. - UNM Press, 2008. – 287 p.
22. Brown W. W. My Southern Home: The South and Its People / W. W. Brown. - Univ. of North Carolina Press, 2011. – 304 p.
23. Brian M. Tailed / M. Brian. Wiprud Random House Publishing Group, 2007. - 352 p.
24. Butters R. Look about and die Columbia / R. Butters. - MO, USA: University of Missouri Press, 2007. – 23 p.
25. Camilleri A. Excursion to Tindari / A. Camilleri, 2010. - 320 p.
26. Caplan J.D. Memories of the Gorbals / J.D. Caplan. - The Pentland Press Ltd, 1991. - pp.1-97
27. Carleton S. Coon. The Story of Man. From the First Human to Primitive Culture and Beyond / S. Coon. Carleton, 1954. – 505 p.
28. Carter S. W. The Time Traveler's Wife / S. W. Carter // Analog Science Fiction & Fact, 2005 (Jul/Aug) Vol. 125, Iss. 7/8. - 126 p.
29. Central television news scripts, - URL: <http://www.corpus.byu.edu/> (дата обращения: 28.14. 2014).
30. Chacko D., Kulcsar A. The Brimstone / D. Chacko, A. Kulcsar. - Papers Foremost Press, Inc., 2010, - 244 p.

31. Clifford D. The affair of the forest. Windlesham. Surrey: Springwood Books. 1983, - pp.1-102
32. Clynes M. The poisoned chalice / M.Clynes. URL: <http://www.corpus.byu.edu/> (дата обращения: 28.14. 2014).
33. Clynes M. The poisoned chalice / M. Clynes. - London: Headline Book Pub. Plc., 1993. - pp. 1-144.
34. Cole E. Alarm Clock / E. Cole. – Aegean, - 52 p.
35. Cole M. The ladykiller / M. Cole. - London: Headline Book Pub. Plc, 1993. - pp. 143-269.
36. Coughlan K. Soil Physical Measurement and Interpretation for Land Evaluation / K. Coughlan. - Csiro Publishing, 2002. – 392 p.
37. Craig D. King Cameron / D. Craig. - Carcanet, 1991, - 224 p.
38. Crooke R. The Earth and Its Sorrows / R. Crooke. – Universe, 2010, - 200 p.
39. Darlene A. When Men ACT Like Animals (and Other Living Creatures) / Darlene A. - Lulu.com, 2010, - 488 p.
40. Darnton N. Multiple choices / N. Darnton. - Newsweek;11/5/1990, Vol. 116 Issue 19, - 68 p.
41. De Grazia A. The Lately Tortured Earth / A. De Grazia. - Metron Publications, 1983 – 504 p.
42. Dickey J. To the White Sea / J. Dickey. – Delta, 1993. - 275 p.
43. Dickinson M., Macmillan P. Plough the Furrow / M. Dickinson, P. Macmillan, 2010. – 420 p.
44. Dick-Read R. Sanamu: Adventures in search of African art / R. Dick-Read. - London: R. Hart-Davis, 1964.
45. Dovkants K. A Combat of Devils / K. Dovkants. - Troubador Publishing Ltd, 2012. - 312 p.
46. Duane L. Ghost Worlds / L. Duane, 2014. - 594 p.
47. Duffy C A. The other country / C A. Duffy. - Anvil Press Poetry, 1990.

48. Durban P. So Far Back Farrar, Straus, and Giroux / P. Durban, 2000. – 256 p.
49. Eddings D. Guardians of the West / D. Eddings. - Del Rey, 1988. - 438 p.
50. Edizioni P. M., Dedalus A. Treasure hunt with Marcel / P. M. Edizioni, A. Dedalus. – Duchamp, 2011. – 306 p.
51. Equipment for reforestation and timber stand improvement - URL: <http://books.google.ru/> (дата обращения: 25. 08. 2014).
52. Enger L. Peace Like a River / L. Enger. - Grove Press, 2001. - 312 p.
53. Epstein S. Dream Museum / S. Epstein. - Garden City, N. Y., Doubleday, 1971. – 297 p.
54. Escott E. The railway children / E. Escott. - Oxford Bookworms edition. Oxford: OUP, - 1993.
55. Falvey P. The linen queen / P. Falvey. - Center Street, 2011. - 306 p.
56. Fantasy & Science Fiction. Mercury Press, Inc. 2000. - URL: <http://books.google.ru/> (дата обращения: 25. 08. 2014).
57. Fessenden T. G., Shepard T. W. The New England Farmer / T. G. Fessenden, T. W. Shepard - URL: <http://books.google.ru/> (дата обращения: 25. 08. 2014).
58. Flux C. Sit-ups & supersex / C. Flux. - Xlibris Corporation, 2011. – 580 p.
59. Forest S. The Most Invasive Species / S. Forest - URL: <http://www.corpus.byu.edu/> (дата обращения: 19. 04. 2015).
60. Fotsing J. S. A Saw-Toothed Career / J. S. Fotsing. Xlibris Corporation LLC, 2012. – 306 p.
61. Gaines E. J. Bloodline / E. J. Gaines. - Dial Press, 1968. – 249 p.
62. Gardner J. Wreckage of Agathon / J. Gardner. – Plume, 1970.
63. Gavin L. The crocus list / L. Gavin. - Charnwood, 1993. – 425 p.
64. Goldstein L. Strange Devices of the Sun and Moon / L. Goldstein. - Tor Books, 1993. - 304 p.

65. Goldstein L. Dorethy Associates Strange Devices of the Sun and Moon / L. Goldstein. – New Yourk: TOR 1993. - 301 p.
66. Goodrich S. The Wonders of Geology / S. Goodrich. - Volume 61, Number 6, November/December, 1999. - URL: <https://books.google.ru/books?isbn> (дата обращения: 19. 04. 2015).
67. Gordon J. E. Why you don't fall through the floor / J. E. Gordon. - Penguin UK, 1991. – 288 p.
68. Guy de Maupassant. A Day in the Country and Other Stories / Guy de Maupassant. - Oxford University Press, 1990. – 336 p.
69. Hammond J. E. Tietjens Boni and Liveright / J. E. Hammond, 1921 – 209 p.
70. Hanh T. N. Path of Compassion: Stories from the Buddha's Life / T. N. Hanh. - Parallax Press, 2012. – 240 p.
71. Healy T. It might have been Jerusalem / T. Healy. - Polygon, 1991. - 84 p.
72. Heller M. The Gridlock Economy: How Too Much Ownership Wrecks Markets, Stops Innovation, and Costs Lives / M. Heller. - Basic Books, 2010. – 288 p.
73. Hendry F. Quest for a babe / F. Hendry. - Edinburgh: Canongate Pub. Ltd. 1990. - pp. 43-141.
74. Hersey J. White Lotus / J. Hersey. - Bantam Books Press, 1965. - 691 p.
75. Hibbard B. Memoirs of the life and travels of B. Hibbard, Minister of the Gospel / B. Hibbard. - Hibbard B. totten, printer, 1825. - 368 p.
76. Hirst J. B. The shortest history of Europe / J. B. Hirst. - Inc., 2009. – 149.
77. Hoffman N. K. Airborn / N. K.Hoffman. - Amazon Digital Services, Inc., 2014, - 79 с.
78. Irving J. The Hotel New Hampshire / J. Irving. - Ballantine Books, 1981. - 432 p.

79. Jagger B. A song twice over / B. Jagger. - Fawcett, 1986 - 544 p.
80. James S. The Knight / S. James. - Baker Books, 2009. – 496 p.
81. Jefferson B. Bones of Betrayal / B. Jefferson, Quercus, 2010. – 384 p.
82. Johnston A. The Little Colonel's Hero / A. Johnston. – Company Boston Publishers, 1902.
83. Kent J. Shopping for a Billionaire / J. Kent. - Boxed Set, - 2015 p.
84. Klaus C. Life After Life / C. Klaus. - University of Iowa Press, 2006. – 192 p.
85. Knopf N. C. The Hills at Home / N. C. Knopf. - Doubleday Publishing Group, 2007. – 496 p.
86. Kornfield J. / J. Kornfield, - Teachings of the Budha. - Shambhala Publications, 2012. - 212 p.
87. Kraig D. King Cameron / D. Kraig. - Manchester: Carcanet Press, 1991. – p.p. 15-133.
88. Lamb H. The Crusades: The Flame of Islam / Lamb H. - Doubleday & Company, Inc 1931. - 858 p.
89. Lane J. The Phoenix and the Laurel / J. Lane Jane. - Lane House of Stratus, 2001. – 372 p.
90. Larry L. Back Then: Memoirs of A Country Boy / L. Larry. - Laws Xlibris Corporation, 2011.
91. Lascelle A. Oath & Honour / A. Lascelle. - AuthorHouse, 2013. – 326 p.
92. Lawrence S. River House: A Memoir Sarahlee / S. Lawrence. - Lawrence Tin House Books, 2010. – 200 p.
93. Leader K. Deep in Hell / K. Leader. - Nahual Kiadó, 2014. – 25 p.
94. Ling P. Flood water London: Headline / P. Ling. - Book Pub. Plc., 1993. - pp. 3-108.
95. Linh D. Love Like Hate / D. Linh. - Seven Stories Press, 2011. - 153 p.
96. Lindqvist J. A. Hachette / J. Lindqvist. - UK, 2009. – 384 p.

97. Loker. A. *Grave Mistakes* / A. Loker. - AuthorHouse, 2009. – 300 p.
98. Lynch M. *Double fire* / M. Lynch. - Richmond Surrey: Mills & Boon, - 1992 p.
99. MacKinlay K. *Long Remember* / K. MacKinlay, - Forge Books, 2000. – 416 p.
100. MacLeod Ian R. *Sealight* / Ian R. MacLeod // *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*, 1994. - pp. 6-23.
101. MacLean A. *Santorini* / A. MacLean. - London Press, 1987. - pp. 7-136.
102. Macmillan D. *The Wayfarer Redemption: Book One* / D. Macmillan. 2011. – 448 p.
103. Macmillan P. *Adrian Tchaikovsky* / P. Macmillan. - Pan Macmillan Dragonfly falling, 2009.
104. Markfield W. *To an Early Grave* / W. Markfield. – Dalkey Archieve Press, 2000.
105. Marquis D. *Sons of the Puritans* / D. Marquis - Doubleday Doran, 1939. - 313 p.
106. Massimo V. *The Tower* / V. Massimo. - Manfredi Pan Macmillan, 2011. - 288 p.
107. Mathews C. *The Career of Puffer Hopkins* / C. Mathews. – BiblioLife, 2011. - 337 p.
108. Mazer H. *The Last Mission* / H. Mazer. - Harry Mazer Random House Children's Books, 2008. – 192 p.
109. McCullers. C. *Clock Without Hands* / C. McCullers. - Mariner Books, 1998. – 256 p.
110. McGrath P., Doubleday K. *Asylum* / P. McGrath, K. Doubleday.- Publishing Group, - 2011. – 272 p.
111. Missick S. A. *The Hammer of God* / S. A. Missick. - Xulon Press, 2010. – 454 p.

112. Moon Hachette E. A Legacy Of Honour / E. Moon Hachette. - The Omnibus Edition UK, 2010. – 912 p.
113. Moses K. Cakewalk: A Memoir / K. Moses. - Random House Publishing Group, 2010. – 350 p.
114. Mowat A. Prisoner of Zenda Oxford / A. Mowat. - Bookworms edition. OUP, - 1993.
115. Noman M. Jonah / M. Noman. - Xlibris Corporation, 2010. – 202 p.
116. Noy D. V. Product Concepts / D. V. Noy. - AuthorHouse, 2010 – 196 p.
117. Obeng S. G. Surviving Through Obliqueness / Obeng S. G. - Beverly Hartford Nova Publishers, 2002 – 136 p.
118. Oral history project: interview - URL: <http://www.corpus.byu.edu/> (дата обращения: 25. 08. 2014).
119. Owen R. Report to the country of Lanark / R. Owen. - Printed at the University Press, for Wardlaw & Cunninghame, 1821 – 76 p.
120. Ozdama E. S. The Bridge of the Golden Horn / E. S. Ozdama. - Profile Books, 2007. – 258 p.
121. Pavord A. Gardens: Tales from Little Holland / A. Pavord // The Independent - URL: (дата обращения: 25. 08. 2014).
122. Penguin K. C. Tommy's Honor / K. C. Penguin. - 2007. – 336 p.
123. Penguin M. E. The Turtle Warrior / M. E. Penguin. - 2005. – 384 p.
124. Pratt T. Spell games / T. Pratt. - Spectra, 2009. - 352 p.
125. Pullman P. The Collectors: His Dark Materials / P. Pullman. - Story Random House, 2015 - 16 p.
126. Rabe D. Recital of the Dog / D. Rabe. - Grove Press, 2007. – 320 p.
127. Rand E. A. The Knights of the White Shield / E. A. Rand 1887. URL: (дата обращения: 25. 08. 2014).
128. Rampersad H. K. TPS-Lean Six Sigma: Linking Human Capital to Lean Six Sigma / H. K. Rampersad. - Anwar El-Homsi IAP, 2007.

129. Richmond G. Out of the storm / G. Richmond. - Surrey: Mills & Boon, 1991.
130. Richter C. Town / C. Richter. – Oktavo, 1950. – 433 p.
131. Riddles and puzzles. Otto Dietze. Volk u Wissen, 1988 – 48 p.
132. Robert H. Frank. The Darwin Economy, Liberty, Competition, and the Common Good / Robert H. Frank. - Princeton University Press, 2011. – 256 p.
133. Ronald L. What the Rabbis Said: 250 Topics from the Talmud / L. Ronald. - Eisenberg ABC-CLIO, 2010. – 329 p.
134. Ross K. Cut to the Quick / K. Ross. - Felony & Mayhem, 1993. - 320 p.
135. Roussel R. Locus Solus / R. Roussel. - New York, NY Riverrun Press, 2005. - 256 p.
136. Russo J. The Hungry Dead: Midnight and Escape from the Living Dead / J. Russo. - John Russo Kensington Publishing Corp., 2013. - 368 p.
137. Sandoz M. Slogum House / M. Sandoz. - University of Nebraska Press, 1937. - 336 p.
138. Scobie P. A twist of fate / P. Scobie. - Oxford: OUP, 1990. - pp. 49-153.
139. Sears K. The Boy From Treacle Bumstead: A Country Lad's Journey From Reform School to National Service / K. Sears. - Ken Sears Simon and Schuster, 2013. – 304 p.
140. Scharmman J. Gladius / J. Scharmman - URL: <https://books.google.com/books?isbn> (дата обращения: 25. 08. 2014).
141. Sharon J. The vermin destroyer / J. Sharon - URL: <https://books.google.ru/books?id=IclEAAAIAAJ&q=Sharon+J> (дата обращения: 25. 08. 2014).
142. Shea R. The Holy War / R. Shea. - Ballantine Books, 1989. - 357 p.
143. Sheckley R. Victim / R. Sheckley. - Prime Hachette UK, 2014. – 320 p.

144. Sheldon R. Dead man's tunnel / R. Sheldon. - Minotaur Books, 2012. – 308 p.
145. Shelley R. We Flushed it Down the Potty Wonder / R. Shelley. - Realms Books, 2010.
146. Simon V. F. Consent to Kill: A Thriller / V. F. Simon, 2006. - 675 p.
147. Simonds W., Rothman B. K., Norman B. M. Laboring on: Birth in Transition in the United States / W. Simonds, B. K. Rothman, B. M. Norman. - Taylor & Francis, 2007. – 339 p.
148. Snyder S. Voodoo Heart Scott / S. Snyder. - Snyder Random House Publishing Group, 2007. – 278 p.
149. Starling L. The Crown of Light Legacies: Stories / L. Starling. - W. W. Norton & Company, 1998. – 256 p.
150. Straight M. Carrington / M. Straight // Montana: The Magazine of Western History, 1960.
151. Strickland B. Would you trust this man? - URL: <https://books.google.ru/books?isbn>. (дата обращения: 25. 09. 2014).
152. Sullivan M. T. Triple cross / M. T. Sullivan. - St. Martin's Paperbacks, 2009. - 528 p.
153. Szur R. Extending Horizons: Psychoanalytic Psychotherapy with Children, Adolescents / R. Szur. - Karnac Books, 1991. – 474 p.
154. Taylor R. My Favorite Teacher Was an Ironworker / R. Taylor. - Author House, 2011.
155. Team focus training course (TNT Express) - URL: <http://www.corpus.byu.edu/> (дата обращения: 25. 08. 2014).
156. Thomas M. The beast of Downy Mount / M. Thomas. - Fantasy and Science Fiction, 2002.
157. Thompson A. R. Big Wheat / A. R. Thompson. - Poisoned Pen Press Inc, 2011. – 244 p.
158. Thorup K. Crazy Marie / K. Thorup // Review of contemporary fiction. - New Danish Fiction, 1995. – 75 p.

159. Tilsley V. Holy Night / V. Tilsley. - John Hunt Publishing, 2009 – 260 p.
160. Ward M. Snake Pit / M. Ward. – Signet, 1946. - 192 p.
161. Webster F. V. The Young Firemen of Lakeville / F. V. Webster. - Herbert Dare's Pluck Public Domain 2004. - 172 p.
162. Wennersten J. The Oyster Wars of Chesapeake Bay / J. Wennersten. - Lulu.com, 2007 – 164 p.
163. West J. Friendly Persuasion / J. West. - West Large Print, 2007.
164. Whitby R. Orizaba odyssey / R. Whitby // «Boys' Life». Oct 2002, Vol. 92 Issue 10, p. 36.
165. Widman V. Driving Skills: A Manual for On and Off Road Travel / V. Widman. - Landlinks Press, 2001. – 152 p.
166. Wilde O. The picture of Dorian Gray / O. Wilde. - Oxford Bookworms edition, 1989.
167. Williams H. Archaeologies of Remembrance: Death and Memory in Past Societies / H. Williams. - Springer Science & Business Media, 2003. – 310 p.
168. Wingrove D. Chung Kuo: The white mountain / D. Wingrove. - Sevenoaks: New English Library, 1991, pp. 91-171.
169. Wisden Cricket Monthly / Wisden. - URL: <http://www.corpus.byu.edu/> (дата обращения: 25. 08. 2014).
170. Wolfe G. The Claw Of The Conciliator / G.Wolfe. - Book of the New Sun, Gene Wolfe Hachette UK, 2011. – 597 p.
171. Wood S. Mask of deception / S. Wood. - Richmond, Surrey: Mills & Boon. - URL: <https://books.google.ru/books?isbn>. (дата обращения: 25. 09. 2014).
172. Wyss T. H. A Stranger Here / T. H. Wyss. – Harpercollins, 1993. - 132 p.
173. Ziedonis R. The Flying Fish / R. Ziedonis. - New Latvian Fiction: Woodland Pattern, 1998. - p.165-192.

174. Zondervan. G. A Little Guide to Christian Spirituality: Three Dimensions of Life with God / G. Zondervan, 2009. – 192 p.

